

RUDOLF STEINER

Wie wirkt man für den Impuls
der Dreigliederung
des sozialen Organismus?

Zwei Schulungskurse
für Redner und
aktive Vertreter
des Dreigliederungsgedankens

Zwölf Vorträge und eine Fragenbeantwortung,
gehalten in Stuttgart
am 1. und 2. Januar und vom 12. bis 17. Februar 1921

GA 338

1985
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Как действовать для осуществления импульса трёхчленности социального организма

Два учебных курса для ораторов и активных
представителей идеи социальной трёхчленности

Двенадцать лекций и ответы на вопросы,
прочитанные в Штуттгарте
1 и 2 января и с 12 по 17 февраля 1921 года

GA 338

bdn-steiner.ru

Перевод: Гончаров Виктор
Вена, 2025 год

1986
ИЗДАТЕЛЬСТВО РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА
ДОРНАХ, ШВЕЙЦАРИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Как действовать для осуществления импульса трёхчленности социального организма

Учебный курс для ораторов

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, Штуттгарт, 12 февраля 1921 года

Два основных условия для работы над трёхчленностью: любовь к делу и понимающая любовь к человечеству. Дальнейшие условия: понимание условий, в которые человек вступает публично; отсутствие иллюзий относительно душевной конституции людей. - Неправильное мышление как причина страданий людей. Ещё два аспекта, которые должен принять во внимание оратор: факт, что отсутствует чувство для продуктивности духовной жизни, и факт, что утрачено чувство для потребностей других людей. Критические замечания о коммунистах, в частности Ленина и Троцкого, а также католицизма, общей чертой которых является то, что они в основном лишь примыкают к уже существующему. Религиозный дадаизм Эрнста Михеля. Об абстрактности современного мышления и необходимости превращения каждого слова во внутреннее действие. Понятие труда у Маркса, Родбертуса и Зингера.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, 13 февраля 1921 года (после обеда)

Указания ораторам: исходить не из логики разума, а из опыта и наблюдения конкретных обстоятельств. Образность как отправная точка для формирования социального суждения. Необходимость учёта важных исторических событий при формировании суждения, представленная на примере мира в Ништаде и мира в Париже. - Россия в поле напряжения между западным и восточным влияниями. Радикальный взгляд на конфликт между Востоком и Западом: варварство на Востоке и дикость на Западе. - Экономическое мышление Маркса и Родбертуса. Экспериментальная страна Австрия и вопрос Лиги Наций. О приоритете исторических реалий над чисто теоретическими воззрениями.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ, 13 февраля 1921 года (вечер)

О типе мышления, необходимом для решения всемирно-исторических вопросов, на примере проблемы Восток-Запад. Духовная жизнь как несущий элемент в отношениях между Центральной Европой и Россией, и одновременно как отправная точка «само собой разумеющегося экономического сообщества». О необходимости духовно-художественно импульсированной экономической жизни Центральной Европы в её отношениях с Западом. Необходимость трёхчленности в связи с условиями современной экономической жизни. О правовом характере труда и капитала как духовного элемента. Задача «Центрально-европейских регионов». Отделение экономической жизни и духовной жизни от правовой жизни как отправной пункт для развития новой государственной жизни. О понятии демократии и трагедии лишения духовности материальной жизни. Антропософское движение и его противники, а также его задачи.

ЧЕТВЁРТАЯ ЛЕКЦИЯ, 14 февраля 1921 года (после обеда)

Три предложения по темам для публичного обсуждения и некоторые методические указания. Принципиальное о первой теме «Большие вопросы современности и трёхчленность социального организма», проиллюстрированные на примере исторического развития

экономической жизни: от «более свободной» экономической жизни прежних времен к «многосвязанной» экономической жизни. Защитные меры в пользу потребителя, связанные с интенсификацией экономики, представленные, в том числе, на примере гильдий. Развитие морских путей, открытие Америки и появление современной техники и их значение для дальнейшего развития. Две тенденции, которые придали экономической жизни современной эпохи её материалистический вид: экономическое мышление как результат «интенсивной экономики», принесшей с собой определенный консерватизм, и «толчок» как результат связи с западным заморскими странами. Господство товара и цены. О товарном характере рабочей силы и духа предпринимательства. К проблеме имитации в связи с современным градостроительством и образованием государств. Расширение торговли как отправная точка слияния государства с экономикой и некоторые точки зрения относительно того, чтобы снова их разделить. Различные течения в развитии духовной жизни и их различные отношения к государству. К вопросу об огосударствлении. Правильная организация духовной, правовой и экономической жизни как три великие задачи современности. Антропософская духовная наука и её значение для продуктивной духовной жизни. - Методические предложения для ораторов.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, 14 февраля 1921 года (вечер)

Методические рекомендации по оформлению публичного выступления: О необходимости избегать повторения отдельных формулировок при многократном изложении темы. Как каждая речь может восприниматься как нечто новое. Об отдаче материалу, с которым вы имеете дело. О важности ритма, повторения и о том, как оратор может выработать правильную позицию относительно повторений. О чувстве ответственности, которое должен развивать оратор. О правильной оценке своих противников. Экскурс в творчество Макса Дессуара и Куно Фишера в отношении представления вредных влияний в культурной жизни. О необходимости делать наброски к речи ключевыми фразами (не ключевыми словами). Оформление начала и конца речи. О бессмысленности распечатывания лекций и их последующего прочтения слово в слово. Дальнейшие указания по оформлению начала и конца речи. Избегание педантичных определений в пользу наглядности характеризования. Об употреблении существительных. О значении антропософской основы, из которой исходит оратор.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ, 15 февраля 1921 года (после обеда)

Обесчеловечивание социальной жизни, представляемой в том виде, как используются понятия «капитал», «труд» и «товар». Отношение индивидуальности и общества в связи с понятием государства. О происхождении эгоизма. Сущность «социального искусства». О месте человека в мировом развитии. Критические замечания по поводу взглядов Адама Смита на «экономическую свободу» и «частный капитал». Об оторванности экономической жизни от человека и утрате возможности рассматривать экономическую жизнь во всей её целостности. Исходные вопросы Рудольфа Штайнера в его труде «Основные пункты социального вопроса». О важности ориентации в современной литературе для оратора. Марксистская понятие труда и связанное с ней понимание стоимости труда как пример односторонности построения понятий. Две фундаментальные точки зрения на взаимоотношение труда и ценности труда как исходный пункт для высвобождения труда из экономической жизни. О необходимости свободной духовной жизни. Основание Свободной Вальдорфской школы в Штутгарте и её связь с идеей трёхчленности. Проблема отчуждения от жизни, показанная на примере социалистических программ и на примере Ленина.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ, 15 февраля 1921 года (вечер)

О возрасте «фразы», представленном на примере понятий «безработный доход» и «безработное приобретение». Проблема «продуктивного» и «непродуктивного» труда у Карла Маркса в связи с примером «индийского бухгалтера». Опровержение взглядов Маркса

привлечением вопроса об экономическом значении ренты и налогов. Об абсурдности притязания на «полный доход труда» для себя. О связи экономической жизни с духовной жизнью как пример того, что необходимо принимать во внимание всю социальную жизнь. Некоторые предложения по методике и содержанию построения лекции: уважайте мыслительные привычки людей; демонстрация связи духовных импульсов антропософии с материальной жизнью на примере различных институтов, возникших в результате антропософской работы; к своему поведению с противниками.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ, 16 февраля 1921 года (после обеда)

Беспечность и бессовестность ведущих современников и их последствия. О полемике против Рудольфа Штайнера графа Германа фон Кейзерлинга и базельского профессора Хайнцельмана. Тупость духовной жизни как результат влияния государства и экономической жизни. Необходимость преодоления существующих принудительных отношений через отношения «свободного признания» и через принцип «само собой разумеющегося авторитета». О значении внесения моральных импульсов в общественную жизнь. О необходимости осознания падения морали, представленной дальнейшими высказываниями Германа Кейзерлинга. Критические замечания о научной и духовной жизни того времени, представленные на примере трудов Оскара Гертвига (Hertwig).

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, 16 февраля 1921 года (вечер)

О различии в формировании суждений в духовной жизни и в экономической жизни. Сущность ассоциации в экономической жизни. Три фактора экономической жизни: знание предмета в отношении производства; контроль за движением товаров в интересах потребителя; точное знание потребностей, в связи с идеей ассоциаций. - О взаимодействии трёх членов социального организма. Историческое происхождение земельной ренты и причины, по которым земля становится объектом прибыли. Критические замечания по поводу теорий некоторых национал-экономистов. Причины, приведшие к созданию крупных компаний и упадку мелких компаний. Об одностороннем интересе производителей в связи с возникновением крупных предприятий и необходимостью создания ассоциаций.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, 17 февраля 1921 года (до обеда)

То, как экономисты ограничивают свои задачи, является примером того, что определённые основы для трёхчленности уже существуют. Некоторые причины возникновения социальных утопий: перенимание старых теократических и теологических способов и форм мышления в качестве формирующих элементов современной духовной жизни. Чиновничество как ставшая профанированной церковная иерархия. Продолжение жизни теократическо-церковного элемента в армии. Управление государственной жизнью как профанация церковной жизни. - Утопические теории как попытка организовать экономическую жизнь на основе более ранних форм. О причинах экономического либерализма. О трудности перехода от либеральной к ассоциативной экономической системе. Абсурдность двухчленности. Трёхчленность в марксизме: теория добавленной стоимости как воплощение экономического, теория классовой борьбы как выражение правового, и материалистическое понимание истории как выражение духовного. - О необходимости замены неверия верой в человека.

УЧЕБНЫЙ КУРС ДЛЯ ВЕРХНЕСИЛЕЗИЙЦЕВ

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, Штуттгарт, 1 января 1921 года

Необходимые предпосылки для агитаторов: Не опираться на старые категории общественной жизни; субстанция, реальное содержание вместо лозунгов. - Знание трёхчленного падения, представленное на примерах из духовно-культурной и политической жизни. - К вопросу о том, должна ли Верхняя Силезия быть немецкой или польской. - Польша в поле

напряженности между влияниями Востока и Запада, принимая во внимание исторические изменения социальной структуры Германии, России и Австрии. - Три течения, образующие польский элемент. Причины раздела Польши между Пруссией, Австрией и Россией. О духовном влиянии России, правовом и политическом влиянии Австрии, и экономическом влиянии Пруссии-Германии на Польшу. - Судьба Польши с точки зрения разделения на три части. - От трёхчленности европейского упадка к трёхчленности подъема.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, 2 января 1921 года

Иллюзии о будущем Европы. Необходимость прояснения с учётом всеобъемлющих мировых условий. Иллюзия взаимопонимания Центральной и Восточной Европы с Западом на основе старых условий как камень преткновения для референдума в Верхней Силезии. Критические замечания к трём предложениям по оздоровлению экономической ситуации в Европе: крупные американские кредиты, кредиты от отдельных личностей, Всемирный экономический союз в связи с Лигой Наций. Последствия присоединения Силезии к Пруссии-Германии. Об иллюзорных представлениях Дж. М. Кейнса и Н. Энджелла о том, что экономика Америки зависит от экономики Европы. О возможности предоставить Европу своей судьбе. Абсурдность референдума в Верхней Силезии. «Трёхчленное» развитие польского низшего класса. Обуржуазивание рабочего движения в Центральной Европе. Об условиях жизни большевизма и их влиянии на Запад. Причины Второй мировой войны: защита большевизма, а также экономические условия. Об обострении конфликтов между Азией и Америкой. Необходимость достаточного объяснения трёхчленности и развитие духовного водительства как задача для Центральной Европы. Задача немцев, представленная некоторыми высказываниями Фихте. К вопросу о вине в войне в связи с заявлением В. Вильсона и представлениями Р. Штайнера в его работе «Мысли во время мировой войны». Референдум в Верхней Силезии как протест против факта голосования. Указания для представителей идеи трёхчленности. Об учреждении правительственной пресс-службы в Цюрихе в 1917 году. Значение крестьянства для прошлого и будущего социального развития. О значении освобожденной духовной жизни для прогресса человечества.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ, 2 января 1921 года

Положение католической церкви в Польше, ее историческое развитие и отношение к ней представителей идеи трёхчленности. К вопросу о том, следует ли проводить разъяснение в Верхней Силезии на немецком и (или) польском языках. Дальнейшие предложения по работе для представителей трёхчленности в Верхней Силезии в связи с референдумом.

I

Как действовать для осуществления импульса трёхчленности социального организма

Учебный курс для ораторов

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ
Штуттгарт, 12 февраля 1921 года

Сегодня мы хотим сначала поговорить о том, каковы могут быть намерения людей, принимающих участие в этом курсе, и как мы можем сформировать отношение к нашим задачам.

Если вы хотите выполнить намерения, связанные с этим курсом, вы в ближайшее время выйдете в мир, чтобы работать для импульса трёхчленности. Эта работа в наше время в самом высоком смысле необходима. И из убеждения, что это необходимо, мы должны исходить. Мы должны ясно понимать, что сейчас, по сути, самое время, чтобы действовать для этого импульса трёхчленности, который мы, ведь, должны рассматривать как безусловное требование современной цивилизованной жизни.

Правда, получая в эти дни знания об условиях этой работы, мы должны с самого начала занять позицию, которая исключает в наших сердцах любой скептицизм по отношению к самому импульсу трёхчленности. Поскольку вы не сможете работать, если сегодня ещё проявляете какой-то скептицизм к этому делу. Как раз, в ходе этого курса мы увидим, что на мир влияет не только то, что мы говорим или делаем, но и то, что нашу речь и наши действия должно сопровождать определенное неуловимое, невысказанное, если мы хотим добиться какого-то влияния.

Далее, мы должны ясно понимать, что против этого импульса трёхчленности восстают все старые цивилизационные силы, находящиеся в процессе упадка, что они развивают противостояние, и что нам предстоит много бороться, если мы своей силой хотим утвердить этот импульс трёхчленности. И чем больше мы будем бороться, чем больше, с другой стороны, мы добьемся успехов. И, благодаря таким успехам, эта борьба не уменьшится, - ведь, это показывает нам также опыт этой недели с нашими противниками, - а, наоборот, будет всё острее и острее. И вам придётся вооружиться именно против того, что проявляется как борьба; этим я, конечно, не хочу сказать, что мы в какой-то исключительной степени должны готовиться именно к борьбе; это не то, что могло бы продвинуть нас вперед. Но мы должны осознавать, насколько интенсивной станет эта борьба в ближайшем будущем, как раз, тогда, когда нам удастся несколько продвинуться.

То, чем я хотел бы сегодня предварить наше рассмотрение, будет, как бы, отдельными психологическими исходными пунктами. Здесь, разумеется, речь может идти только о том, чтобы охарактеризовать предметные основы вашей работы. Я хотел бы сразу подчеркнуть, что это не может быть руководством к политико-социальному или иному ораторскому искусству, а речь пойдёт, как раз, о создании позитивных основ для работы в смысле импульса трёхчленности социального организма. И тут вы, вероятно, воспримите это поначалу как нечто представленное слишком в общем, когда я начну с некоторых совершенно

общих правил, которые для нас тем не менее, если вы их обдумаете по-настоящему конкретно, станут чрезвычайно важными.

С тем, чего вы хотите добиться, вы продвинетесь только тогда, когда будете в своей душе действовать, исходя из двух основным сил, и поскольку сегодня речь идёт о чрезвычайной серьёзности, которая должна пронизывать наше дело, которая должны одушевлять нашу деятельность, мы, прежде всего, должны осознавать, полностью осознавать, что мы не продвинемся ни на шаг без образования в душе этих двух основных сил: во-первых, говорить, исходя из действительной любви к этому делу, во-вторых, исходя из полной понимания общечеловеческой любви. Вам должно быть ясно: если не выполняются эти два условия, или если они заменены другими, такими как, например, амбиции и тщеславие, то какие бы логические суждения вы ни доносили до людей, как бы умно вы ни говорили, вы ничего не достигните. Условия воздействия через слово, по сути, являются чем-то таким, что вообще не содержится в формировании, в особенностях слова. Вам достаточно исходить только из того, как чаще всего действует слово в наши дни, и вы поймете то, что я вам сказал.

Представьте себе: перед публикой выступают два оратора. Один из них мог бы быть неизвестной личностью с необычайно большой проницательностью, с, я бы сказал, проникновенной силой речи и с полным правом говорить о предмете, и перед той же аудиторией выступал бы другой оратор, который, как обычно, занимал бы долгое время государственную должность, будь то депутат NN, государственный деятель NN, известный там и тут промышленник NN, или учёный NN. Он действовал бы, руководствуясь гораздо менее убедительными мотивами и далеко не с таким правом относительно предмета лекции. То, что создаёт воздействие, это нечто такое, что добавляется к содержанию произнесенного слова. Но мы, ведь, не можем основывать свою работу на вещах, подобных тем, которые я только что охарактеризовал.

Но есть и другие вещи, которые должны характеризовать нашу речь, и это, как раз, те два качества души, о которых я говорил: истинная любовь к делу, которая только и может поддерживать внутреннее убеждение, и любовь к человечеству. Разумеется, эти две душевные силы не смогут заменить содержание произнесённого слова. Это содержание произнесённого слова, конечно, должно быть безупречным. Но оно не подействует, если не будет несомно двумя силами души, о которых я говорил. Поэтому даже сегодня, когда мы хотим, я бы сказал, избавиться от формальностей, необходимо совершенно ясно дать понять, что мы должны помнить о том, в какой степени эти две силы присутствуют в наших душах. Если мы придём к выводу, что у нас их нет, то, возможно, было бы лучше, если бы мы не принимали участия, как раз, в очень важных акциях, которые необходимо предпринять, поскольку это было бы напрасной тратой энергии, напрасной работой. И можно было бы убедиться, что влияние того, что возникает из других мотивов, не может быть большим, тогда как действие того, что возникает из любви к делу, что несёт в себе убеждение, и что исходит из любви к человечеству, на первых порах может быть и незначительным, но оно всё же будет.

Мои дорогие друзья, есть всевозможные, на первый взгляд не охватываемые взглядом пути, которые выбирает истина, чтобы дойти до людей, и дело просто обстоит так, что там, где присутствуют эти две невесомые вещи: любовь к делу и любовь к человечеству, должен быть также результат, даже если он на первый взгляд не заметен. Он каким-либо образом придёт, в этом мы можем быть уверены.

Но к этому должны добавиться ещё и другие вещи. Должно иметь место полное понимание того, к кому мы сегодня обращаемся, когда мы выступаем перед публичностью с такой вещью, как импульс трёхчленности. Мы не должны предаваться никаким иллюзиям относительно душевной конституции людей, к которым мы обращаемся, относительно условий, которые даются тем, что мы должны говорить именно к современным людям. Среди этих людей современности едва ли найдутся те, кто полностью подходит для того, чтобы принять то, что мы должны им сказать. А именно, среди ведущих личностей современности

большинство из них таково, что силы тех людей, которые подходили бы для принятия импульса трёхчленности, прежде всего, - и довольно жестоко, - подавляются.

Не будем задерживаться на общих вещах, а сразу же перейдём к конкретному. Самое обычное, что говорят люди, когда им говорят о чём-то вроде импульса трёхчленности, звучит примерно так: Ну, да, как раз, в Центральной Европе сейчас нужда и беды. Мы должны бороться за сухой хлеб. На первом плане должны быть хозяйственные интересы. Какая тут польза от высоких идеалов? Какая польза от того, что выносятся из духовных субстратов? - Во всех вариантах мы будем слышать это возражение. И, ведь, нельзя отрицать: это исходит от угнетенных душ современности. На первый взгляд, при чисто внешнем рассмотрении, это имеет под собой определенные основания. Но если мы позволим важнейшим вопросам современности, которые могут стать основой нашей работы, пройти перед нашей душой, то мы увидим, что это мнение, согласно которому сегодня речь может идти только о решении экономических вопросов, основано на полной иллюзии. Поскольку оно исходит из другого вопроса, или из ответа на другой вопрос, как будто это что-то само собой разумеющееся; но это не само собой разумеющееся. А именно, исходят из предпосылки, - как раз, об этой вещи мы поговорим ещё более подробно, - что люди, не тот или иной человек, а люди в целом, не виноваты в том, что цивилизованный мир пришел к нынешнему положению.

Если мы рассмотрим по всей земле распространённое мировое хозяйство, - а его сегодня рассмотреть необходимо, - то мы должны будем себе сказать: Природа даёт нам сегодня не меньше, чем в какое-либо другое время, если мы сможем правильно извлечь это даваемое, и если это даваемое мы сможем правильно передать людям - всему человечеству, разумеется. То, что люди сегодня оказались в большей нужде, нежели они были раньше, обусловлено не физическими причинами, а обусловлено, как раз, духом людей. Если люди сегодня оказались в нужде, то эту нужду создала фальшивая духовность, фальшивое мышление. Поэтому, в свою очередь, нельзя также дать ничего другого, кроме правильного мышления на место фальшивого, чтобы выйти из этой нужды. Не природа, не какие-то неизвестные силы привели человечество в сегодняшнее положение, а сами люди создали эти вещи. Если есть нужда, то эту нужду сделали люди; если людям нечего есть, то это люди, которые не позволили этой еде дойти до них. Поэтому важно не исходить из неверных предпосылок: мол нужда обусловлена неизвестными силами, и эту нужду надо вначале преодолеть, до того, как начать правильным образом мыслить, - а уяснить себе: поскольку нужда обусловлена неверным мышлением, то только правильное мышление может преодолеть эту нужду.

На это суеверие, что сначала надо дать человечеству хлеб, а потом, когда у него будет достаточно хлеба, оно придёт и к лучшему мышлению, надо рассматривать с разных сторон. Это ужасное суеверие. И никогда в сегодняшнюю цивилизацию не сможет проникнуть ничто полезное, если мы не решим отказаться от него и заменить его правильной верой, которая заключается в том, что должно наступить обращение, некое новообразование мышления о вещах самого этого мира. Это также то, что постепенно должно проникнуть в головы достаточно большого количества людей.

Но мы найдём возможность обращаться к этим людям, только полностью избавившись от иллюзий относительно двух вещей. Во-первых, в настоящее время в значительной степени отсутствует чувство для продуктивности духовной жизни. Глупость, с которой не так давно были придуманы слова «Свободный путь для способных людей», - глупостью были не сами слова, а то, как они были придуманы, - эту глупость, перед лицом фактов, существующих в сегодняшней цивилизации, нужно было бы основательно выбить из голов этих людей. Поскольку эти факты современной цивилизации таковы, что они по самой своей природе всегда порождают селекцию, отбор неспособных (Untüchtigen).

Сегодня мы живем во времена, которые особенно способствуют неспособности. Об этом мы также будем говорить более подробно и должны будем найти силы, которые приводят к такому поголовному отбору наиболее неспособных, особенно в наше время. Сегодня я хотел бы сначала предварительно сказать только одно. Но я прошу вас принять во внимание: осознавая, что мы говорим между собой и создаем условия для нашей работы, мы должны с

самого начала твёрдо стоять на земле с уверенностью, что импульс трёхчленности является для нас чем-то надежным, что мы относимся к нему без всякого скептицизма, действительно относимся к нему так, что видим в нём единственную силу, способную вывести нас из безумства настоящего. Стоя на этой почве, мы сможем то, что я хочу сейчас сказать, рассматривать не как какую-то нескромность или что-то подобное, а как объективно связанное с условиями нашей работы вообще.

Возьмём «Основные пункты социального вопроса». Посмотрите на то, как они сегодня в основном понимаются, взгляните на те аргументы, которые приводятся противниками, и попытайтесь тогда вынести об этом суждение о том, на основании чего эти противники так говорят. Вы поймёте их аргументы только на психологическом пути, на пути психологического рассмотрения. Ведь, эти противники в основном игнорируют содержание этих «Основных пунктов» - я имею в виду книгу, конечно. Как правило, то, что они говорят, имеет мало отношения к их собственному содержанию. Например, недавно я обсуждал содержание «Основных пунктов» в Берне. После этого один экономист из университета выступил с речью, которая длилась три четверти часа. Ни в одном единственном предложении ему не удалось подойти к содержанию самих «Основных пунктов». Это даже можно доказать. И он по-настоящему не затронул и содержание лекции. Он был совершенно не подготовлен, поскольку, ведь, не знал «Основных пунктов», не правда ли.

Теперь, что же чувствуют люди, когда сталкиваются с идеями трёхчленности социального организма? Почему из глубин своей души они формируют вещи, которые им совсем не соответствуют? Потому что они ощущают нечто совершенно особенное. А именно, они бессознательно ощущают в себе то, что в них тогда действует. Они ощущают: если импульс трёхчленности, как он представлен в «Основных пунктах», пустит корни в мире, то это приведёт к выбору способных, и они будут свергнуты с пьедестала неспособных. Поскольку импульс, лежащий в трёхчленности социального организма, является вполне реально действующим, как только он каким-то образом доходит до человечества. Но он непременно действует так, что исключает неспособных из поля влияния. Вот что люди чувствуют в подсознании. Этого они, конечно, сказать не могут, поэтому говорят то, что говорят. Если как психологу постараться понять то, что приводят люди, то есть, как психологу постараться проанализировать то, как они действуют, то несомненно приходишь к эссенции того, что я сказал. И в конце концов всё исходит из того, что в наше время, собственно, нет чувства для духовной продуктивности. Люди слишком привыкли к тому, чтобы позволять нести духовное безличным или таким личным, которое само по себе не является духовным: государством или государственными деятелями, которые не имеют в виду в первую линию живой дух как таковой.

Вам достаточно только рассмотреть эти вещи по отдельности, достаточно спросить себя: Чего хотят теологические факультеты? - На теологических факультетах сегодня речь идёт не столько о том, чтобы проникнуть в тайны духовных сил мира, сколько о том, чтобы воспитать нужных в смысле государства или конфессий религиозных служащих. В юриспруденция речь идёт не о том, чтобы отыскивать причины и сущность права, а в том, чтобы учить людей тому, что в каком-либо государстве является обычаем, что установлено теми, кто и не хотел создавать сущность права, а создавал тот или иной закон, исходя из каких-либо интересов. И так можно было бы перебрать все вещи, которые в конечном итоге ведут к духовной жизни, и можно было бы повсюду увидеть, что для продуктивного элемента духа, который, собственно, ведь должен нести цивилизацию, что для живого влияния духа сегодня едва ли в человеческой душе имеется какое-либо чувство.

Люди постепенно воспитывались в духе беззубой интеллектуальности, простого мышления, не пронизанного инициативой воли. Люди погружены в просто наблюдающее мышление. Вначале вы воспримете это как опыт, когда будете читать свои лекции. Вы снова и снова будете переживать то, что люди, которые вас слушают, могут быть даже удовлетворены тем или иным из того, что они слышат; слова доносятся до ушей, проникают в душу; люди получают определённое удовольствие от мыслей; они чувствуют себя

удовлетворёнными ими; больше всего они хотели бы слышать, как раз, то, что их наполняет таким образом определённым внутренним удовольствием. Но они, собственно, всегда несколько внутренне рассержены, когда от них требуется, чтобы слова не оставались словами, что ими должен наполняться весь человек и активно вмешиваться в жизнь с точки зрения, которую открывают слова, если эти слова должны иметь какие-то последствия. Относительно слова люди уже столетия слишком привыкли к определённому рода восприятию. Когда они слышат проповедника с кафедры, тогда они садятся на церковную скамью, и проповедь должна быть «хорошей», должна входить внутрь с определённым теплом, - правда, это было, как правило, некое филистерское тепло. Люди хотели ощутить определённое внутреннее удовольствие, а также удовлетворить определённые внутренние желания души, так, что это удовлетворение приходило извне. Но затем, когда они снова покидали проповедь, они совсем не хотели, чтобы то, что предлагалось в этой проповеди, действительно проникало в жизнь. Говорилось, разумеется, достаточно, но произошло с тех пор, по сути, ничего. Как в этом отношении обстоит дело с другими вещами, о которых говорится, мы знаем тоже. Нельзя также сказать, что молодые люди в большинстве случаев подходят к университетским дверям с неким определённым внутренним трепетом, чтобы прослушать свои лекции, что им не терпится услышать то, что учитель скажет завтра, после того, что он сказал сегодня. Всё же, похоже, более многочисленны случаи, когда люди просто отсиживают свои уроки, поскольку это их обязанность, - или, возможно, многие и не отсиживают, - и где они рады, когда они теперь подготовили то, что необходимо для экзамена, который, ведь, определяет не то, является ли человек старательным, способным, а то, несёт ли он в себе то, что делает его хорошим теологическим или юридическим чиновником, то есть, вписывается ли он соответствующим образом в какую-либо государственную структуру.

В этих условиях - а мы увидим, какие факторы действовали при этом в последние столетия, а особенно также в 19-ом столетии, - чувство для живого действия духа в человечестве постепенно утратилось. Подумайте как-нибудь, какими действительно действенными стали бы религии, если бы они не исходили из этого чувства живого духа. Все религии, которые вообще стали религиями, не исходили из чего-то вроде того, из чего исходит сегодняшняя духовная жизнь, то есть, из того, что всё, что мы носим в духе, является, по сути, лишь идеологией, суммой абстракций. Напротив, религии исходили из того, что объективный, присутствующий в мире дух, проявил себя через определённых личностей, что он действовал как таковой, что дух является чем-то реальным, реальной силой. Большинство людей, стоящих внутри сегодняшней духовной жизни, едва ли в этом что-то понимают.

Недавно мне было в высшей степени интересно пережить следующее. Я говорил, исходя из мыслей, лежащих в основе первой главы моих «Основных пунктов», о том, что с духовной стороны существенной составляющей пролетарского вопроса является то, что современный пролетариат всю духовную жизнь, - обычаи, право, искусство, религию, науку и так далее, - рассматривает как идеологию, и что в этом понимании духовной жизни как идеологии лежит основа опустошения душ, которые затем, из своих инстинктов, приходят затем к тому, что сегодня во многих отношениях является общественным движением. Я говорил об этом в своих «Основных пунктах».

Я пояснил это недавно на одной из своих лекций, и один профессор, выступавший на дискуссии, понял суть вопроса так, что сказал что-то вроде: Да, тут говорилось о том, что пролетариат в духовном отношении живёт в своего рода идеологии; но всё же так сказать нельзя, поскольку, ведь, все классы, все сословия, всё человечество постоянно живёт в идеологии; ведь, это само собой разумеется, что все живут в идеологии! - Добрый человек не имеет никакого понятия о том, что здесь имеется в виду, поскольку для него понятие о реальности духовной жизни полностью утрачено. Для него было само собой разумеющимся, что то, что наполняет наш дух и наши души, - это идеология. Таким образом, как добропорядочный бюргер он также не мог понять никак иначе, кроме как, что человек вполне

оправданно живёт в рамках идеологии; то есть, если в нём живёт пролетариат, то это не может быть основанием для социальных импульсов современности!

Вы видите, что эти вещи так основательно засели внутри тех, кто сегодня является «образованными», что об этом надо сказать: Для продуктивности духовной жизни у людей сегодня нет никакого чувства. Об этой продуктивности духовной жизни, о творящем духе, о силе духа, мы должны дать некое понятие людям современности прежде всего. Это то, что необходимо в первую очередь. Это то, относительно чего мы не должны предаваться иллюзиям, поскольку иначе мы не знали бы, как можно обращаться к человечеству современности.

Второе, о чём идёт речь, это то, что, по сути, из-за особого рода социальной жизни, как она сложилась в последние столетия, было утеряно чувство для потребности других людей. Но без этого чувства нет никакого структурирования хозяйственной жизни. Экономическую жизнь могут формировать только те люди, которые, прежде всего, в своих мыслях об этой экономической жизни могут полностью пренебречь своими собственными потребностями и иметь чувство для потребностей других людей, и тем самым учиться ощущать себя частью человечества. Глубокое понимание того, что можно назвать потреблением человечества, - это то, что необходимо в экономической жизни.

Ведь, экономическая жизнь состоит из производства, циркуляции товаров, потребления. Но контроль над производством, предоставление производству необходимой мощности не являются первостепенной задачей экономической жизни. Вы видите это из «Основных пунктов»: Капитал впервые вводится в обращение духовным членом социального организма. Способ, которым человек что-то производит, - это вопрос исключительно духовный. Вопрос экономический - это в основном вопрос потребления. Конечно, те, кто стоит внутри хозяйственных ассоциаций, должны, исходя из духовной жизни, иметь возможность контролировать производство, организовывать его; но интенсивность производства, способ производства можно понять только в том случае, если человек чувствует потребности других людей, а не только свои собственные или групповые.

Но что же выплыло в жизни нового времени? Повсюду, в тех учреждениях для болтовни, которые называются парламентами, - это, ведь, буквальный перевод, и потому вполне законный; не желая впадать в шовинизм, мы хотим здесь воспользоваться немецким переводом слова «парламент», - повсюду в этих учреждениях для болтовни возник обычай образовывать группы по интересам: Союз промышленников, Союз земледельцев и так далее. В разрушенной Австрии отправной точкой для болтовни стали, прежде всего, четыре курии экономических интересов. То есть, в последнее время была деятельна, как раз, противоположность тому, что ведёт к действительному экономическому пониманию. Были группы интересов, то есть люди, которые с самого начала говорили: Я решаю, что я считаю правильным, исходя из того, заинтересован ли я в этом вопросе. - Однако в экономической жизни всё же решения можно принимать только в том случае, если человек способен абстрагироваться от собственных интересов и имеет чувство для интересов других.

Я уже высказывал это однажды в серии статей, опубликованных под названием «Теософия и социальный вопрос». Поэтому то, что я сейчас сказал, сформулировано с некоторой определенностью. Но видите ли, я всегда подразумевал под такими вещами нечто такое, о чём надо не только говорить, иначе это можно было бы сказать и в парламенте, в этом учреждении для болтовни, а я всегда подразумевал под такими вещами нечто такое, что касается всего человечества, что должно было вызывать резонанс. В то время я остановился, поскольку всем было всё равно. Конечно, теоретически некоторых людей это могло бы заинтересовать. Но далеко недостаточно интересоваться только теоретически. Ведь, те социальные силы, которые возникли в человечестве в предыдущих столетиях, ушли в прошлое. Сегодня нам нужны такие слова, которые могут также непосредственно перейти в социально действующую силу. То, что я под этим имею в виду, возможно, станет вам ясно, когда я скажу следующее. Возьмите самых радикальных социалистов, коммунистов, ленинистов, троцкистов и так далее, возьмите их всех. Исходят ли они, я бы сказал, из

первичного принципа социальной жизни? Нет, они действуют в рамках того, что уже есть. Ленин и Троцкий также, ведь, не берут каким-то образом объективное (Sachliches) в качестве основания, а берут существующее государство и от него исходят. То есть, и коммунисты не берут что-то объективное, какую-то связанную в себе территорию экономической жизни, или что-то подобное, а они берут существующие рамки, исходят из них, поскольку они, не смотря на свою радикальность в других вопросах, не отваживаются вначале создать рамки. Они не отваживаются начать действительно с начала.

Осмотримся в другой области: Целыми толпами люди, даже образованные, ломаются в римский католицизм. Сейчас зарождается молодая католическая партия, которая, вероятно, достигнет очень больших размеров. Почему? Потому что люди сегодня не осмеливаются искать начала духовной жизни в своих душах, потому что они не осмеливаются начать с чего-то, что является изначальным. Они хотят опереться на что-то уже существующее. Они хотят влиться в то, что уже есть. Поскольку сильной внутренней активности, черпающей из изначального, люди не хотят. Они не отваживаются на это. Но это именно то, в чём мы нуждаемся. Для этого мы должны пробудить в людях чувство. И это то, что нам сейчас нужно. Настало время, когда европейская цивилизация, в виде достаточно большого числа людей, придёт к пониманию. Это то, что нам нужно: исходить из изначальных принципов и не теряться при этом в абстракциях.

Я говорил тогда в одной статье «Теософия и социальный вопрос», что социальная жизнь может стать здоровой, только благодаря людям, которые исходят из интересов других. На это, абстракционисты обычно говорят: Это не новость, это говорили уже давно. Если вы тогда спросите их, где это сказано, то вы узнаете: у Шопенгауэра. Он, ведь, совершенно правильно сказал: «Мораль проповедовать легко; мораль основывать трудно»; а именно мораль должна основываться на сочувствии. Да, видите, вот вам и абстракция! У Шопенгауэра вы найдёте пустую абстракцию, которая как таковая вполне правильна. Поскольку, если вы хотите стать абстрактным, вы можете сказать: Иметь чувство для интересов другого, значит иметь сочувствие. Но тогда вы превращаете конкретный факт, побуждающий вас вмешиваться в жизнь, в призрачную абстракцию. И в этих призрачных абстракциях даётся нечто такое, что делает людей очень довольными. Если вы придёте к людям с чем-то совершенно конкретным, как это, как раз, пытаются сделать в литературе по трёхчленности, то приходят оппоненты и говорят: Да, это, ведь, всё уже есть! Если тогда попытаться выяснить, что они имеют в виду, то окажется, что они имеют в виду некую призрачную абстракцию. Один находит, что в учении Шопенгауэра о сострадании уже содержится всё, на что я сейчас указал, другой находит это, возможно, даже в категорическом императиве Канта, и так далее. Это тот пункт, на который мы должны взглянуть очень пристально, чтобы найти возможность ухватить существенное.

Таким образом, необходимо, чтобы мы говорили о правильном, не исходя из каких-либо предубеждений, а чтобы мы постоянно позволяли диктовать нам правильное тому, что мы замечаем вокруг нас, чтобы мы позволяли учить нас посредством того, что люди имеют, и прежде всего посредством того, что они не имеют. Но для этого, ведь, необходимо, чтобы мы действительно познакомились с тем, что живёт в настоящее время.

Видите ли, это совершенно правильно, что надо защищаться от нападков, которые сейчас обрушиваются со всех сторон на антропософию, а также на трёхчленность. Но одной защиты недостаточно. Мы должны это полностью осознавать. Как бы хорошо мы ни защищались, мы не можем сделать многое с этой защитой от некоторых современных течений, из которых приходят нападающие личности. Возьмём, к примеру, тип религиозного дадаиста, который недавно писал в «Die Tat»; его зовут Михель¹. Настоящий религиозный дадаист - это то, что его, собственно, характеризует. И теперь вы можете защищаться сколько угодно, но с таким

¹Эрнст Михель, «Антропософия и христианство», эссе в «Die Tat», ежемесячном журнале о будущем немецкой культуры, издаваемом Ойгеном Дидерихсом в Йене; февральский выпуск 1921 года. Рудольф Штайнер цитирует это эссе в своей лекции от 8 февраля 1921 года, опубликованной в «Ответственности человека за мировое развитие», GA 203, стр. 203 и 206.

человеком вам никогда не справиться. Поскольку то, что исходит из антропософии, то, что исходит из трёхчленности, он не понимает даже в придаточном предложении. Такой человек считает, например, что если он пишет, то он должен использовать только существительные. Хотя он постоянно говорит о «милости» и о том, что дал ему католицизм, в своих чувствах и способе восприятия, которые, ведь, вытекают из точки зрения религиозного дадаизма, он настроен полностью материалистично. Если он каким-то образом чувствует, что для того, чтобы действительно духовно мыслить о духовном, нужно разложить существительные, он называет это «развеиванием, размытием стиля» («Zerblasenheit des Stiles»). С его точки зрения, это вполне понятно. Но вы, конечно, никогда не закончите дискуссию или защиту. Разумеется, можно поругаться, и это все очень хорошо, но одними такими оборонительными действиями ничего не добиться.

И мы должны полностью осознавать это, если хотим оказывать какое-то влияние: сегодня речь не может идти только о том, чтобы защищаться от нападений. Иногда это может быть необходимо. Но то, о чём идёт речь, так это, чтобы мы подробнее ознакомились с существующими сегодня течениями времени, направлениями, и напрямую характеризовали их перед нашими современниками. Ведь, речь идёт действительно не о духе Михеля или о чём-то подобном, а об этом особом сорте религиозного дадаизма. Он должно быть описан перед всем миром. Нас интересует не сам господин Михель, а скорее этот особый вид религиозной импотенции, которая становится течением. Его мы должны представить, так сказать, в зеркальном отражении, в котором мы показываем такие течения тем людям, которые, ведь, тоже есть, и которые ещё имеют здоровое чувство, имеют понимание того, о чём идёт речь. Это, конечно, даже гораздо сложнее, чем простая диалектическая защита. Но это то, что особенно необходимо. Мы должны познакомиться с тем, что лежит под поверхностью нашей нынешней цивилизации. Тогда мы ухватим его корень и вынесем на суд настоящего времени.

В этом отношении многое содержится в материале, который доступен просто из лекций, которые я читал с апреля 1919-го года. Там я всегда пытался определенным образом указать на действующие в настоящее время, так называемые, духовные и экономические течения, а также характеризовать отдельные личности так, как это было необходимо. Но большинство вещей было законсервировано. Они есть. Их, конечно же, читали. Но необходимо работать дальше. Импульсы должны быть подхвачены и развиты.

Это то, о чём идёт речь. Тогда постепенно, - сейчас у нас больше совершенно нет времени на то, чтобы это «постепенно» ещё могло продлеваться, - тогда постепенно в нашем движении трёхчленности социального организма возникнет нечто такое, что будет позитивной, плодотворной критикой всей современной цивилизации. И на основе этой всепроникающей критики современной цивилизации должно образоваться то, что в виде позитивных идей должно войти в головы и сердца людей. Люди должны увидеть, как распадается то, что содержится в современных течениях и что по большей части является лишь разогревом чего-то из старого. Поскольку, когда они увидят, как это распадается, тогда они обретут склонность прислушаться к тому позитивному, что мы можем им сказать, поскольку правящие личности, собственно, повсюду движутся в иллюзиях. Ведь, пока с того или другого угла не придёт что-то катастрофическое, люди отрицают опасность. Это характерное в наше время.

Таким образом, необходимо каждый день заново показывать людям, как то, относительно чего они готовы обманываться, должно распадаться. С этой точки зрения чрезвычайно интересно изучить, как в первое время действовал страх правящих личностей, когда мы в 1919-ом году начали наше движение трёхчленности. Поначалу, но недолго - в течение нескольких недель - царил общее чувство страха. В первые несколько недель можно было хорошо видеть, как у некоторых промышленных и торговых людей, хотя и наполовину против их воли, стал возникать вопрос, который они, конечно, формулировали по-своему: Как нам ужиться с социалистами? Как нам надо поступать в том или ином случае? И они позволили себе, пусть даже часто с карикатурами о проблемах социализации, но, тем не

менее, они позволили себе говорить о таких вещах. Затем прошло несколько недель, социалисты совершали одну глупость за другой, и ведущие личности старых времен снова оказались на вершине.

Это интересное движение, которое можно было наблюдать, поскольку оно показало, насколько сильна склонность не переходить к внутренней активности, а отдаваться имеющемуся, работать, исходя из существующего, и оставаться в неведении относительно того, что, по сути, танцуют на вулкане. Сегодня дело обстоит точно так же, - люди живут без всякого понимания. Поэтому в самых широких кругах необходимо вызвать понимание относительно распада нашей цивилизации во всех областях. Как это обнаружить, - об этом мы поговорим в этих лекциях. Я хотел сегодня больше выделить формальное и показать, на что мы в первую очередь должны направлять свои мысли. Поскольку через какие-то внешние вещи сегодня нельзя прийти к эффективному представлению дела.

Воспитание человечества долгое время было исключительно теоретическим. И сегодня на шее каждого человека - и, как раз, так называемого практика, чья практика по сути является просто рутинной - сидит теоретик. У них есть пара каких-то теоретических фраз, которые они «превращают в действительность». Поэтому, так называемая, действительность, практика, сегодня столь недействительная. Она, ведь, совершенно недействительна, потому что люди воспитаны как теоретики. Вся наша школьная система направлена на то, чтобы интеллектуализировать людей, сделать из них теоретиков. И вот то, к чему мы должны прийти: к тому, чтобы мы перестали осуществлять представительство того, что мы представляем, только теоретически, - чтобы каждое слово было внутренним поступком.

Чрезвычайно интересно, например, позволить действовать на себя дебатам, которые ведутся в национальной экономике по поводу того, что продуктивные блага создает только физический труд, но не духовный, и что духовный труд непродуктивен. В национально-экономической литературе вы найдете обширные доклады по этому поводу. И, как раз, двое из важнейших экономических лидеров 19-го столетия исходят из этого утверждения как из аксиомы: Карл Маркс и Родбертус². Оба представляют точку зрения, что духовное не создает товары, что только физический труд создает товары. Эту точку зрения надо понимать исторически. Но так, как они её представляют, основано на том, что, например, считают: Что ж, ручная работа расходуется по мере её выполнения, и эту израсходованную энергию необходимо затем компенсировать и восполнить за счёт пищи; но идея не расходуется, когда что-то открывают, когда по этому шаблону копируют тысячи и тысячи вещей. Это один из очень часто приводимых аргументов. Но это бессмыслица. Если бы кто-то действительно подсчитал, сколько сил нужно для того, чтобы найти идею, то он бы увидел, что израсходованные силы, которые должны быть возмещены, в случае идеи несколько не меньше, чем в случае физической работы, поскольку то, что делается в мышлении, зависит от воли так же, как и то, что делается руками. Это совершенно нельзя разделять. Это полная бессмыслица разделять ручную и головную работу. Но постепенно эти вещи стали фразами, поскольку в последние десятилетия появилась тенденция создавать фразы из того, что раньше было действительно реальностью.

Если у вас есть опыт в этих вещах, вы можете проследить это этап за этапом. Я вспоминаю, например, как я слушал одну лекцию, которую читал пролетариям лидер социалистов Пауль Зингер. Там были некоторые люди, которые начали пренебрежительно отзываться о «писательских душах». Видели бы вы, как восстал во всей своей плоти старый Зингер и вступил в дискуссию, что он не потерпит того, что когда осуществляется духовная работа, к ней относятся как-то не так, как к другой работе. Но это было уже в начале девяностых. С тех пор процесс становления фразы из реальности вполне можно наблюдать и в системе социализма.

²Иоганн Карл Родбертус-Ягцов (нем. Johann Karl Rodbertus-Jagetzow; 12 августа 1805, Грайфсвальд, Мекленбург-Передняя Померания - 6 декабря 1875, Фёльшов, Мекленбург-Передняя Померания) - немецкий экономист, автор сочинений по вопросам земельной ренты и прибыли, один из основоположников теории «государственного социализма».

Такие наблюдения важны для того, чтобы найти себя в жизни и говорить, исходя из жизни. Конечно, этого нельзя сделать в достаточной степени за одну ночь. Но нужно иметь для этого чувство. И если есть чувство, то определённые неуловимости (Imponderabilien) приходят в нашу речь. И тогда наша речь становится такой, что приносит свои плоды.

Это то, что я хотел вам сказать в качестве формального введения.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Штуттгарт, 13 февраля 1921 года (после обеда)

Мы продвинемся сегодня вперёд только в том случае, если нам удастся обосновать вещи, которые мы должны привнести для оздоровления современной цивилизации, в достаточной степени, то есть в форме, понятной для отдельных лиц. И многое зависит от того, что мы при подходе к различным вопросам, начинаем наш путь, исходя из обоснованных отправных точек. Прежде всего, должно быть распространено здоровое суждение о том, что, собственно, подразумевается под такими утверждениями, как те, что содержатся в «Основных пунктах», и подо всем тем, что из них следует.

При этом речь идёт о социальных отношениях и об образовании социально направленных суждений. При поиске таких суждений всегда имеется в виду следующее: когда об этих реальных отношениях выносятся суждения, исходя из простой разумной логики, где люди задействованы своими чувствами, своей волей, - поскольку, ведь, это происходит в случае с социальными отношениями, - тогда приходят к бесконечным дебатам; и это надо учитывать, особенно при дискуссиях. В вещах, принадлежащих к лабильной действительности, в которых принимают участие люди, необходимо исходить из опыта, из какого-либо оформленного опыта, а не из разумной логики, поскольку всегда с той или иной точки зрения можно в отношении одной и той же вещи сказать столько же «за», сколько и «против». Об этих вещах можно судить только с точки зрения опыта. Причина, по которой в наше время существуют столь разнообразные и противоречивые социальные и политические взгляды, заключается именно в том, что люди, которые их формулировали, не исходили из опыта, из наблюдения за обстоятельствами и не выносили суждение на его основе.

Фактически, эта попытка была впервые предпринята во всеохватывающем смысле в «Основных пунктах». И нужно сделать людям понятным, что, собственно, всё, что даёт сегодня наука и образование, не даёт оснований для такого суждения, за исключением лишь того, чем является антропософски ориентированная духовная наука. Она, ведь, исходит не только из логики, но и из всестороннего опыта. И человек учится из неё формировать суждения, основанные на опыте, в то время как желание достучаться до опыта наших нынешних учёных является всего лишь иллюзией. Хотя они и много говорят об опыте, но по сути, их суждения основываются исключительно на абстрактном интеллекте. Наша духовная наука этого не делает. Поэтому она учит нас выносить такое суждение, основанное на опыте.

Видите ли, человек, которого я недавно упомянул здесь в публичной лекции, национал-экономист Терхалле (Terhalle), привёл высказывание другого человека, который не является особенно авторитетным в этой области, Георга Брандеса (Georg Brandes), и который сказал, что в социальных условиях очень трудно прийти к чему-то правильному, поскольку широкая масса народа судит не разумом, а инстинктом. Что легко создаёт впечатление, если сам человек считает себя способным в суждении обо всех вещах стоять на некой непогрешимой точке зрения, что то, что таким образом выступает в социальной групповой душе, возникает из инстинкта, а не из разума. В определённом отношении это также вполне оправдано говорить нечто подобное. Но это не оказывает особого влияния. Поскольку если при вынесении суждения принимается во внимание не один человек, а группы людей - будь то народные группы или классовые группы, - то судить на основе разума невозможно никогда.

Ведь то, что выступает как суждение, не всегда возникает из слияния того, что думают разные люди, но также из того, что они чувствуют и хотят. Тогда однозначного суждения нельзя вынести никогда, абсолютно никогда.

С точки зрения разума не существует никакого однозначного социального суждения. Судить социально можно только с точки зрения образности. Людям не позволительно говорить это без дальнейшего пояснения, поскольку без него это будет понято неверно. Но если кто-то хочет вынести и обосновать социальное суждение, сегодня он должен знать, что это возможно только с точки зрения образности, то есть, с той точки зрения, что суждение является таковым, что оно позволяет себя сгибать и формировать, что оно в некотором смысле, даже если это слово и не одобряется, имеет, своего рода, художественную структуру, а не просто логическую структуру. Только суждения, имеющие образную форму, могут быть как-то применимы к социальной жизни. Я должен был это сказать, чтобы придать некое направление нашим намерениям.

Кроме того, сегодня необходимо приучать людей к определённом широкому кругозору. Сегодня мы, собственно, сталкиваемся с миром, где каждый выносит свои суждения, исходя из наименьшей мыслимой перспективы, и выносит он их так, что верит, что эти вещи непременно, непогрешимо верны. Он не замечает ничего, кроме самых непосредственно окружающих вещей; но он судит обо всем. Такова особенность нашего времени. Поэтому вы видели, что во всём, что я пытался делать раньше, особенно с апреля 1919-го года, моим стремлением было не то, чтобы повсюду выносить готовые суждения, а то, чтобы указать на те вещи, исходя из которых отдельный человек может вынести суждение. Создание оснований для собственного, независимого суждения было именно той целью, которую я преследовал с апреля 1919-го года. Это также то, что должно быть ясно донесено до самых широких кругов: что мы имеем дело не с готовыми, догматическими суждениями, а речь идёт о направлениях путей, которые затем позволят отдельному человеку сформировать независимые суждения. И вы будете правильно действовать в своей работе и в своих речах, если не будете слишком доверять готовым, догматическим суждениям, а будете прежде всего заботиться о том, чтобы давать основу для суждения, которое один человек может сформировать так, а другой - иначе; поскольку только из таких суждений складывается нечто такое, что мы можем действительно использовать. К сожалению, совершенно верно, что современный мир очень богат суждениями, но при этом, по сути, далек от реальных оснований для правомерных суждений.

И теперь я подхожу к пункту, которым я хочу предварить наши рассуждения, - пункту, который должен быть ясен вам прежде всего, и из которого при формировании своих речей вы должны исходить больше, чем если бы вы говорили людям то же самое, что говорю вам сейчас я. Но при формировании своей речи вы должны исходить из осознания того, что я сейчас попытаюсь объяснить.

Видите ли, внутри европейской цивилизации за последние 100, 150, 170 лет по поводу самых разных областей социальной жизни возникали самые разные суждения и самые разные агитации. Попробуйте охватить взглядом всё, что 19-е столетие в виде таких суждений привнесло в социальную жизнь, и вы увидите, что каждое такое отдельное стремление всегда имеет свои больные пункты. Повсюду видно, что настоящего обзора того, что приводит к нужде, собственно, нет. Люди, которые в последнее время выносили суждения и дискутировали о социальных вопросах, принесли много остроумных вещей, много необычайно остроумного. Но всё это было таким, что, в конце концов надо было сказать: Да, всё это, собственно, не оказало большого влияния; с тем, что было выдвинуто экономистами, практиками и так далее относительно социальных институтов и тому подобного, нельзя сделать ничего. Иногда это можно было использовать в небольшой области, но в целом с этим нельзя было сделать ничего. И причина этого лежит в том, что, по сути, вот уже почти два столетия в Европе «решают» вопросы, на основе самых первых принципов, - или, по крайней мере, считают, что решают их, исходя из самых первых

принципов, - «решают» вопросы, которые совсем не могут быть решены на основе этих принципов.

Я хотел бы использовать сравнение, чтобы сделать понятным то, что я хочу сказать. Когда кто-то строит дом, и фундамент и первый этаж уже готовы, ему не должно прийти в голову, что теперь ему нужен совершенно новый план для первого и второго этажей. Он должен непременно продолжать некоторым образом строить согласно тому, как он заложил фундамент и сделал основной план. Когда что-то находится в процессе, невозможно снова делать что-то новое на имеющемся фундаменте. - Но так было в Европе. Национал-экономы, социалистические агитаторы, буржуазные агитаторы, политики и так далее, хотели разрешить экономические, правовые вопросы, но повсюду их, так называемые, решения, собственно, повисали в воздухе. Тут тоже нельзя было просто исходить из фундаментов. Если охватить взглядом всю современную цивилизационную жизнь, - которая всё больше и больше становится такой, что из неё нельзя изъять отдельные вещи, - то просто нельзя сказать себе ничего другого, кроме: Да, в конце концов, мы, ведь, живём в развитии. Сегодня мы не можем спросить: каковы в цивилизованном мире первые фундаменты правовых отношений, каковы в цивилизованном мире первые фундаменты экономических отношений? Это нечто такое, что люди сегодня совершенно не учитывают. Это, например, курьёз в Швейцарии. Там верят в то, что, пренебрегая всем остальным в мире, можно принять во внимание особые «швейцарские условия» и тогда, подумать об отношениях правовых и экономических. Но именно так это уже более двух столетий и происходит. И, по сути, именно это стало причиной хаоса. Поскольку, видите ли, люди, как раз, пытались «решить» вопросы, - здесь я вынужден использовать кавычки, - которые, если мне будет позволено обратиться к моему сравнению, в 18-ом столетии, дошли до завершения строительства первого этажа. Строить следующий этаж можно было только поверх того, что уже было. Всё это произошло оттого, что в рамках европейской цивилизации люди совершенно утратили возможность правильно чувствовать исторические события, те исторические события, которые закладывают фундаменты той жизни, которая затем на них возникает. И важнейшие исторические события надо правильно оценить, если мы хотим судить о них впоследствии. Не всегда можно судить, исходя из фундаментов.

И здесь я хотел бы указать на два важных события, которые, хотя они и произошли очень давно, сейчас должны быть внимательно рассмотрены. Поскольку как наша духовная, так и правовая, а также и экономическая жизнь в Европе опирается на такие события, и невозможно размышлять о современной цивилизации, не имея ясного представления о том, что эти события принесли Европе. Одно из этих событий произошло в 1721-ом году. Это Ништадтский мир, положивший конец Северной войне. Другое событие произошло в 1763-ем году, когда был заключён Парижский мир, положивший конец разногласиям между Францией и Свободными Штатами Северной Америки и Англией. Эти два события в мире фактов, собственно, находятся в центре европейской цивилизационной жизни; повсюду видны их реальные последствия. Но европеец полностью забыл правильным образом думать об этих событиях. Поэтому он повсюду судит не на основе действительности. Факты, которые я только-что привёл содержатся повсюду. Я бы сказал: За каждым завтраком мы едим так, как этому было положено начало, благодаря этим двум событиям. Но никто не хочет ничего знать об этом, как никто не хочет ничего знать вообще о реальности, а всегда извлекает суждения только из своей головы и, рассуждая логически, в действительности несёт бессмыслицу. Ведь большая часть того, о чём сегодня выносятся суждения в социальной жизни, является, собственно, бессмыслицей в том смысле, в котором это слово повсеместно употребляется в просторечии³.

Видите ли, если вы хотите правильно оценить эти два события, вы должны иметь в виду непосредственную связь между этими двумя событиями и европейской катастрофой, в

³ Нести бессмыслицу: нем. «Spinnen», дословно означает «плести паутину» (прим. пер.).

которой мы находимся. В развитии человечества невозможно судить только по нескольким годам, просто потому, что факты охватывают более длительные периоды времени.

Ведь, обстоятельства таковы: только в 1721-ом году при Ништадтском мире было решено, что Россия, как одна из сил, которая входит в рассмотрение как в духовной, так и в государственно-правовой и экономической жизни, будет вмешиваться в европейские дела. Ну, это означает необычайно многое. Поскольку Россия, по своей духовной конституции, - мы здесь придерживаемся не лозунгов, а действительности, - Россия, в отношении духовных интересов человечества, сегодня ещё полностью азиатская держава, восточно-нравственная держава. Её душевная жизнь находится в таком состоянии, которое мы знаем только в отношении восточных отношений душевной жизни. Только в эту восточную душевную конституцию помещено то, что пришло, благодаря Петру Великому, и что привело к тому, что Россия проникла к Восточному (Балтийскому) морю.

Этим все более поздние вещи были уже решены. И это, опять же, нечто характерное: Европа продолжала обсуждать, должна ли Россия идти на Константинополь или нет. Это было не главное, а главным было: должна ли Россия вообще участвовать в европейских делах. И этот вопрос был решен в 1721-ом году Ништадтским миром. И это, ведь, самое существенное во всей европейской дискуссии, что постоянно хотели решать вопросы, которые, собственно, по большей части уже были решены. Решение в определенной степени уже было, но люди продолжали начинать всё сначала, не принимая во внимание того, что уже существовали факты.

Что, благодаря этому, стало? Если вы возьмёте всю историю Европы, насколько в ней участвовала Россия в 19-ом столетии, то вы должны будете себе сказать: Это участие России, - подумайте только о панславистских и славянофильских устремлениях, - было полностью направлено на то, чтобы духовные вопросы европейской жизни поставить восточным образом. Риму, например, пришлось в определённой степени капитулировать перед Востоком. Восток хотел сохранить свою душевную конституцию; отсюда и отделение восточного католицизма от римского католицизма. В отношении душевной конституции это совершенно другой мир. Это, прежде всего, мир, который всегда стремился соединить то, что возникает в духовной жизни, с тем, что является мирским, профанным, государственным управлением. В определенном смысле люди хотели видеть в государственном руководстве также и религиозное руководство.

Благодаря этому, получило свою конфигурацию всё отношение европейской цивилизации к Востоку. Это породило те вопросы, которые действительно существовали, а не те, о которых мечтали и относительно которых предавались бесчисленным иллюзиям. Посмотрите просто на всё то, что на Востоке было, с одной стороны, постоянной тенденцией чешских славян и южных славян к России, на которую Россия, в свою очередь, отвечала тем, что во внешнеполитической сфере власти было, ведь, только фразой, но что действовало чрезвычайно искушающим образом на сердца русского народа: освобождение народов Балкан. Повсюду духовные силы! К этому здесь примешивалось другое, что, в свою очередь, являлось духовно-национальными интересами: антагонизм между польско-славянским элементом и русским элементом. Этим характеризовалась вся ситуация в Восточной Европе.

И всё, что там разыгрывалось в духовном, зависит от общей жизни цивилизации. О вещах, происходящих в развитии человечества, нельзя говорить, исходя лишь из частных аспектов. Нельзя просто сказать: существует общий взгляд на то, как должны соотноситься между собой духовная, экономическая и политико-правовая жизнь; об этих вопросах можно говорить лишь на основе определённых реально существующих предпосылок. И то, как влияла эта восточная духовная жизнь, пересаженная в Европу, целиком зависело от того факта, что Россия является в столь обширных масштабах ещё далеко не полностью пришедших к своему завершению аграрным царством, что там всё является ещё таким, что можно сказать: Природа ещё по-прежнему даёт то, что, собственно, задает общий тон жизни. Такая душевная конституция, которая вошла с Востока в европейскую жизнь, полностью зависит от того, что что становится возможным, благодаря аграрной внешней жизни в

России. Отдельный русский, всё равно к какому классу он принадлежит, не имел бы такой душевной конституции, которую он имеет, если бы внешняя жизнь так тесно не была связана с природой. Для всей восточной жизни собственно экономический вопрос, то есть, третий член в трёхчленном социальном организме, отсутствует.

Повсюду во всём мире есть эти три области человеческой социальной жизни: духовная жизнь, государственно-правовая и экономическая. Но душевная конституция людей под влиянием этих трёх членов представляет собой всегда различное, в зависимости от того, что либо человечество не склонно смотреть на то, что даёт земля, либо оно смотрит именно на то, что даёт земля. Чем дальше мы продвигаемся на Восток, тем более естественным становится склонность позволять господствовать природе, брать то, что она даёт, и таким образом хозяйствовать, не занимаясь особой организацией хозяйственной жизни как таковой. И то, о чём идёт речь в случае с Россией, так это о том, что, как раз, не было необходимости организовывать экономическую жизнь как таковую, или, по крайней мере, в этом не видели необходимость. Но это восточный образ мышления.

Восточный образ мышления, если можно так выразиться, как можно меньше выходит за рамки точки зрения, которых в этом отношении придерживается одно другое «население» Земли. А именно, животный мир. Тот, кто считает, что этот животный мир не имеет также и духовной жизни и даже, в определенном отношении, государственно-правовой жизни, тот стоит на ложном пути. Животная жизнь тоже имеет духовный мир и, своего рода, правовую конституцию. Но экономического у неё нет. Она берёт то, что даёт ей природа. И от этого населения Земли, от царства животных, как можно меньше выделяется восточное население, которое отличается, как раз, тем, что имеет следующую за образностью, за интуицией духовную жизнь, поскольку оно берёт в хозяйственной жизни то, что предлагает ему природа, и об этой хозяйственной жизни, собственно, не особенно дискутирует. Всё, что имеется в виде социальной структуры, основано, собственно, на других вещах, нежели хозяйственные отношения, основано на господствующих отношениях, на наследственных отношениях, но не на экономическом мышлении. Эта особая душевная конституция является предпосылкой для того, чтобы вообще иметь возможность придавать национальному элементу такое значение, какое ему придают на Востоке.

Ну, а Европа обсуждает национальные и социальные вопросы уже два столетия. Но оба вопроса обсуждались так, что исходили из элементов, без опоры на уже имеющееся действительное. Просто стало невозможно больше мыслить о национальных и социальных вопросах так, как люди мыслили о них в 19-ом столетии, особенно во второй половине 19-го столетия и в начале 20-го, после того, как национальному элементу были приданы те нюансы, которые были приданы ему тем фактом, что в него проник азиатский элемент, славянско-национальное. Вот так, собственно, анахронично, обсуждались национальные вопросы. Вещи, которые ещё обсуждались, уже давно были сделаны.

Нужно было бы осознавать, что однажды может возникнуть большой вопрос: не затопит ли вообще Восток весь Запад своим образом мышления о духовной жизни? Уже сегодня есть основания для этого. На Востоке, в Азии, уже обсуждается, как сделать так, чтобы все эти технические и научные вещи в Европе, с их абстракцией, эксплуатацией и так далее, исчезли, а азиатский элемент человеческого чувства и восприятия, душевного, покрыв бы всю Землю.

В абстракции можно, конечно, с этим согласиться. Но дела обстоят всё же так, что душевная и духовная жизнь на Востоке находится в упадке. Этому не мешает то, что русские души представляют собой силы будущего. Но то, что было тогда, полностью находилось в декадансе. Нельзя рассчитывать на то, что с Востока может прийти нечто вроде спасения. Видите ли, благодаря этому Ништадтскому миру 1721-го года, собственно, над всей Европой в национальном мышлении распространился особый нюанс, который запечатлел на нём славянизм. И всё, что шло оттуда, определённым образом заразило Европу, действительно заразило её, благодаря тому, что Россия могла участвовать в европейских делах.

И экспериментальной страной - если бы кто-то действительно заботился об отношениях в мире, а не ограничивался бы всегда своими государственными отношениями, то он бы

увидел нечто подобное, - экспериментальной страной была Австрия. И Австрия была разрушена, поскольку она постоянно обсуждала вопросы, которым до известной степени уже давно было придано определенное направление. Австрия не смогла справиться со своей славянской проблемой, поскольку она могла бы справиться с ней, только если бы развила в себе чувство для изначальной продукции духа, для духовной жизни, которая исходит из её собственного элемента.

Не правда ли, ведь, о такой духовной жизни не позволялось говорить, например, перед либералами, - меньше всего, перед ними, - и вообще не позволялось говорить. Поскольку они всегда говорили, - а в странах, которые являются республиками, это говорят до сих, - эти либералы всегда говорили: Да, если мы отдадим школу свободной духовной жизни, то этой школой овладеет католицизм, тогда мы окажемся во власти клерикализма. Вот что говорят люди! Однако это возражение проистекает лишь из того факта, что мы думаем, что есть только одна единственная возможность - обратиться к духовной жизни, которая была продуктивной столетия назад, но которая сегодня является чем-то анахроничным, чем-то декадентским. В тот момент, когда мы осознали бы, что нам необходима свободная творческая духовная жизнь, мы обнаружили бы само собой разумеющимся то, что это свободное творческое мышление должно быть естественным образом предоставлено школьной жизни. Но поскольку у людей нет чувства для того, чтобы со своей волей участвовать в создании цивилизации, поскольку они хотят посвятить себя только чему-то, - будь то государство или уже имеющаяся экономическая жизнь, - что их питает, поскольку у них нет чувства для того, чтобы пронизать свою волю чем-то творческим, происходят такие кривые вещи, как эта. Речь идёт о возможности освободиться, не отдавая школу чему-то старому.

Люди, которые рассуждают так, как я только что привёл, говорят: Мы не создадим новую духовную жизнь, поэтому всё затопит старая. Тут, конечно, можно легко стать приверженцем Шпенглера с его «Закатом Европы». Тогда уже всё равно, будем ли мы вообще ничего не делать или передадим всё Католической церкви. Но новая духовная жизнь должна здесь быть! Неверным было не то, что когда-то школой владела церковь; поскольку, ведь, всё, что мы сегодня имеем в науках, с одной стороны всецело основано на старой церкви. Неверно не это, а неверно вот что: если традиционная церковь будет владеть школой и сегодня, когда мы стоим перед исторической необходимостью обрести новую духовную жизнь.

Таким образом, это была только импотенция Европы, размышлять о новой духовной жизни, которая привела к дискуссии о национальном вопросе. В смысле продуктивной духовной жизни влияние должно было распространиться из Центральной Европы на Восток. Тогда несомненно было бы заморожено то, что проявилось в панславистских и славянофильских устремлениях. Эта духовная жизнь была с самого начала. На рубеже 18-19-го столетий начала создаваться свободная духовная жизнь, которую мы называем «гётеанизмом». Но не хватило мужества удержать его, - это с одной стороны.

С другой стороны стоит то, что обсуждается в социально-экономическом смысле. С 1763-го года, когда Франции пришлось уступить важные территории Англии и, благодаря этому, было принято решение, что север Америки будет не римский, а англосаксонский, экономическо-социальный вопрос принял совершенно определенное направление. В 18-ом столетии уже были приняты важные решения: на Востоке - Ништадтский мир 1721-го года, на Западе - Парижский мир 1763-го года. Эти два важных решения, которые были внутри всей духовной и экономической жизни Европы, необходимо принять во внимание, поскольку без них невозможно прийти ни к какому суждению. И, видите ли, нельзя, как это делается сегодня, с чисто субъективных точек зрения, судить о вещах, выступающих в мировой истории. Иногда невозможно никак иначе, как использовать некоторые радикальные словесные обозначения: Восток когда-то обладал великой, могущественной пра-мудростью. Сегодня Восток с его декадентской древней мудростью, в некотором смысле, впал в варварство. Поскольку варварство - это ни что иное, как рационализация изначальных человеческих инстинктов, когда они управляются разумом и одной лишь жизнью головы. Но

если мы называем восточного человека варваром и говорим о варварстве в отношении восточного человека, а именно, в отношении русского, в этом шиллеровском смысле, то чем дальше мы продвигаемся на Запад, начиная с Англии и переходя в Америку, тем больше мы должны называть эту западную цивилизацию не цивилизацией, а дикостью. Это противоположность варварству. Варвар тиранизирует сердце и душу (Gemüt) головой; дикарь тиранизирует голову тем, что выходит из прочего организма, жизнью инстинктов. И это, по сути, западная жизнь, и эта западная жизнь - предрасположенность к дикости! По сути, если оставлять без внимания приукрашивание Европы, которое наблюдается в Америке, то надо спросить: Что такое американская культура? Это, говоря радикально, дикость. Но за этим не стоит никакая шовинистическая агитация! Если попытаться действительно понять суть американской жизни, то надо себе сказать: собственно, европейцы не одержали внутренней победы над индейцами, - внешнюю, да! - но внутренне европеец, собственно, пропитал себя индейской жизнью. Инстинкты стали господином. И это существенное: заражение европейцев индейскими инстинктами. Поскольку дело обстоит не только так, что европеец, если он долгое время живёт в Америке, получает более длинные руки или тому подобное, - это нечто такое, что констатируют антропологи, - но другой становится и душевная конституция. Ведь, важно не то, какие человек имеет понятия и представления, а то, какую конституцию он имеет как человек вообще. И тут надо сказать: Чем дальше человек продвигался на Запад, тем больше англосаксонская сущность переходила в дикость.

Наличие этой дикости несомненно. И она базируется на том, что экономический вопрос, собственно, снова вне обсуждения. На Востоке вся социальная структура, благодаря тому, что я вам описал, становится абсолютистской. На Западе она становится анархической.

Посмотрите на то, что стало действенным на Западе. Оно строилось на неисчерпаемости экономики, которая постоянно подпитывалась из колоний, оно работало на основе этой неисчерпаемости и не зависело от того, чтобы продумывать эту экономическую жизнь. Ведь, экономическая жизнь Запада полностью основана на извлечении максимальной выгоды из колоний, независимо от того, находятся ли эти колонии внутри страны или за её пределами. Это весьма показательно, если проследить, как в восьмидесятых и девяностых годах прошлого столетия всё большие и большие области в Америке использовались для того, чтобы оставлять такие продукты, как овощи, пшеница и так далее. Тогда всё брали из природы. Не было нужды особенно раздумывать об экономической жизни. Тогда, конечно, всё равно, что в экономической жизни означают ассоциации, поскольку экономическая жизнь действует, исходя из неисчерпаемости. Но происходит ещё кое-что: формируется экономическая структура. Структура Англии основана на том, что она владеет Индией. В Америке выстраивается определённая экономическая жизнь. Это навязало свою структуру в отношении всей общественной жизни всему Западу. Там возникло нечто такое, что привело к экономической активности, которая появлялась только из-за неисчерпаемости ресурсов.

На Востоке декадентская духовная жизнь, которая совсем не учитывала экономическую жизнь, имела тенденцию к абсолютному господству над всеми областями социальной жизни; на Западе, благодаря способности к ассимиляции англосаксонского элемента, образовалось то, что я сейчас, как раз, охарактеризовал. Между этими противоположностями Востока и Запада была поставлена цивилизация модерна.

Интересно, например, сравнить двух людей: Родбертуса, немецкого экономиста, который, хотя и был довольно свободным от предрассудков человеком, смог даже попасть в министерство - а это о многом говорит - и, скажем, Карла Маркса. Появление такого человека, как Карл Маркс, стало возможным только потому, что он сначала изучил образ мышления в Центральной Европе, а затем взглянул на экономические отношения на Западе. То, чего Карл Маркс сделал для пролетариата, он никогда не смог бы сделать, если бы, например, остался в Германии. Это произошло только потому, что он усвоил образ мышления в Германии, узнал, как с этим обращаться, во Франции, в Париже, и затем познакомился с экономической жизнью, которая действует на основе неисчерпаемого, со всем, что с этим связано, в Англии. И только на это последнее он смог опереться в своей деятельности.

Характерно также то, - при сравнении этих двух людей, Родбертуса и Карла Маркса, - что Родбертус выносит суждения так, как человек, который неожиданно стал социалистом, - это, конечно, исключительный случай, - как померанский помещик, который вдруг стал социалистом. Примерно так он выносит свои суждения, это интересно; поскольку если рассмотреть две такие противоположности, как Родбертус и Карл Маркс, то выясняется много интересного! Но именно с этой точки зрения надо понимать Родбертуса: померанский помещик, внезапно ставший социалистом! Такой человек прекрасно знает, что без сельского хозяйства не обойтись нигде; он знает, что это означает для экономики. Другие болтают о вещах, которые очень нравятся людям, которые даже в юности не научились отличать ячмень от пшеницы, потому что жили в городе. Но это знает такой человек, как Родбертус. Он знает также, что означает перегрузка сельского хозяйства, благодаря ипотекам. Прибавьте к этому ещё и социалистические манеры, которые у него были, и не будет слишком сильно портить одно другим. Конечно, происходит нечто сомнительное. Но одно исправляется другим. И тогда получается что-то наполовину гениальное, как в случае с Родбертусом. Таким образом, если вы сравните это с тем, что сказал Карл Маркс, то вы скажете себе: Сегодняшний пролетарий, в самом широком смысле этого слова, сразу же обнаруживает, что то, что говорит Карл Маркс, его тут же просветляет. Почему он так думает? Потому что это придумано с чисто экономической точки зрения, а пролетарий стоит внутри только экономической жизни, и потому что он обладает острым мышлением, поскольку Карл Маркс учился мыслить в Германии. Но немцы не могли себе представить, какой была бы экономическая жизнь, если бы всё рассматривалось исключительно с экономической точки зрения. Они и сегодня не могут этого сделать. Они могли бы это сделать, только если бы сказали себе: Мы должны создать реальность, в которой можно думать только экономически. И это происходит внутри трёхчленного социального организма.

То, что иначе выходит на первый план, также и то, что является великим в западных странах, возьмите дарвинизм, возьмите таких людей, как Спенсер, Гексли или какого-нибудь учёного из Америки вплоть до Эмерсона, Уитмена и так далее, - всё, по сути, всё в этой духовной жизни таково, что надо сказать: Голова думает то, что вынашивает живот. Это преобразованные, пересаженные инстинкты. Это мыслится, собственно, только экономически. Это мыслится только так, как едят и пьют. Это так в самом широком охвате и самым интенсивным образом. Определённо, многие люди этого не замечают. А когда это говорится, они воспринимают это как ругательство. Но это не ругательство. Это, ведь, в то же время нечто великое, - это единственное великое в новой и самой новой цивилизации, этот способ мышления. Но это так. И между двумя этими экстремумами с 18-го столетия была втиснута европейская цивилизация. Только люди, исключенные из этой европейской цивилизации, которые были приставлены только к машине, вынесли на поверхность образ мышления, который, на первый взгляд, не имеет никакой связи, но в действительности имеет глубочайшую связь, с этими условиями: это пролетарский мир. И это в высшей степени интересно, если рассматривать вещи в соответствии с действительностью.

Австрия, как я уже сказал, была экспериментальной страной. В семидесятые, восьмидесятые годы в австрийскую государственную жизнь вступили совершенно странные вещи. С одной стороны, проходило много дискуссий о славянском вопросе. Некоторые называли это «австрийским федерализмом». Вся духовная жизнь в Австрии, этот один член трёхчленного организма, получил свою структуру полностью из этой дискуссии о славянском вопросе. Другое: выступают - и это можно найти в сопровождающих предложениях парламентских речей гораздо чаще, чем можно было бы сказать, это даже выделено правильным образом, - выступают ужасные опасения о гибели австрийской экономической жизни из-за американизма, из-за англосаксонской экономики. В Австрии повсюду можно было видеть, как экспорт, например, зерна из Венгрии, подвергался ущербу из-за того, что поступало с Запада. Знающие люди говорили тогда в Австрии: Миграция с Запада на Восток наводняет нашу страну ипотечными кредитами, и сельское хозяйство постепенно приходит в упадок. Это, несомненно, были указания на симптомы, которые соответствовали более

глубоким историческим основам, так что в то время в Австрии много говорили о том, что, с одной стороны, представлялось славянским вопросом в духовном плане, а с другой стороны - аграрным вопросом в экономическом плане.

И тогда, по-моему, это было в 1880 году, в головах некоторых людей, как раз, в Австрии возник странный план, который производил, собственно, странное впечатление; об этом говорили также и в австрийском парламенте: появился план создания Лиги Наций (Völkerbundes⁴), правда, в форме западноевропейской Лиги Наций. Но союзы не могут быть заключены так, чтобы они охватывали весь мир; это чушь. Только в сознании такого абстракциониста, как Вудро Вильсон, могло возникнуть желание обобщить весь мир. Если бы было так, то, конечно, не нужен был бы никакой союз. Таким образом, уже в восьмидесятых годах выступила эта идея Лиги Наций. Здесь вы снова видите то, о чём можно сказать: Да, в ходе 19-го столетия совершенно спорадически появились импульсы, в которых, собственно, нуждались; но они всегда были потоплены своими неправильными решениями, которые всегда предлагались без учёта исторической действительности. Где бы в поле человеческого зрения ни пробивался луч действительности, он немедленно гасился. Поскольку современный человек - это, в общем, теоретик.

И вот что я хотел бы, чтобы вы сохранили в своей душе: если вам не удастся избавиться от этого теоретического человека до того, как вы выйдете к людям, вы ничего не добьётесь. Вы должны отложить теоретического человека и попытаться говорить, исходя из действительности. Это может удаваться лучше или хуже, суть не в этом. Но вот что важно: говорить, исходя из действительных оснований. Поэтому сегодня я не хотел предоставлять никаких суждений, а хотел лишь указать на факты. Я говорил вам: рассмотрите то, что получилось, благодаря Ништадтскому миру 1721-го года и Парижскому миру 1763-го года. Вы можете рассмотреть всё, что предлагает история: у вас есть точка зрения. Вы обнаружите это повсюду, что сегодня ещё повсюду вторгается в духовную, государственно-правовую и экономическую жизнь. Я просто хочу осветить путь. Поскольку, только если позволить окрылить свои слова собственным суждением, можно чего-то достичь, а не просто повторять то, что говорит кто-то другой.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ 13 февраля 1921 года (вечер)

Из событий, разыгрывающихся в настоящее время, вы видите, что все разговоры о социальных проблемах сегодня не имеют под собой надлежащей основы, если не учитывать международные условия. Поэтому для этих рассмотрений я выбрал путь, который уже был представлен вчерашними и сегодняшними разъяснениями. Я хотел бы начать с краткого описания некоторых международных отношений, чтобы затем, таким образом подготовив фундамент, иметь возможность перейти к собственной нашей задаче.

Сделанные до этого пояснения ставят вас перед вопросом: Как же теперь нужно мыслить, чтобы прийти к возможному решению великих всемирно-исторических вопросов современности и ближайшего будущего? Как нужно мыслить по отношению к Западу, с одной стороны, и к Востоку, - с другой?

Ведь, нетрудно заметить, что сегодня в мышлении людей всё, как бы, унифицировано. Не правда ли, человек, желающий оценить сегодняшнюю ситуацию в мире, размышляет над определенным вопросом по следующей схеме. Он говорит: «На Западе мы имеем перспективу в течение следующих нескольких десятилетий столкнуться с попытками покорить Центральную Европу. Центральную Европу будут заставлять работать по принуждению. И избежать того, что тут угрожает, можно только, если, как бы, принять

⁴Дословно: «союз народов» (прим. пер.)

ориентацию, и под этим имеется в виду примерно та же ориентация, которую Запад позволяет нам распространять в Центральной Европе, если принять эту ориентацию на Восток, то есть, наладить экономические связи с Востоком и, некоторым образом, искать на Востоке источники сбыта того, что сейчас производится в Германии. Поскольку люди привыкли смотреть на всё только с экономической точки зрения, теперь эта схема распространяется и на Восток.

Это сказано, собственно, с исключением каких-либо соответствующих действительности рассматриваний. И поэтому я хотел заранее рассказать, как Восток и Запад задействованы во всей нашей современной цивилизованной жизни, чтобы был создан путь для обретения суждения с этой стороны. Вопрос, как раз, в следующем: разумно ли со стороны задающих тон экономических деятелей, которые некоторым образом интегрируются в ту конфигурацию, которая под влиянием единственной обеспечивающей спасение экономической жизни должна принять то, что по-прежнему называется «Германским рейхом», разумно ли то, что теперь напрямую устанавливаются экономические отношения с Востоком, экономические отношения как таковые?

Кто смотрит на этот вопрос абстрактно, по той схеме, как сегодня мыслят, тот скажет себе: Да! Но тот, кто учтёт то, чему научила нас вся духовная, политическая и экономическая жизнь 19-го столетия и вообще последнего времени, вероятно, придет к иному выводу. Поскольку, возьмём реальные факты, которые мы имеем: У нас есть достаточно возможностей увидеть, с какой отдачей и как охотно европейский Восток принимал духовную жизнь Центральной Европы, если мы взглянем на отношения, которые разыгрывались в 19-ом столетии веке вплоть до его последних десятилетий. Поскольку если вы посмотрите на духовную жизнь России и спросите себя: как она, собственно, возникла? - то вы увидите, что во всей этой духовной жизни России живёт нечто двойственное.

Во-первых, в действительно русской духовной жизни, во всём, что для нас тут выступает и что из определённой тяги к сенсациям приняла Центральная Европа, - во всём этом для нас живёт рефлексия хорошего центрально-европейского мышления. С готовностью, большей, чем в самой Германии, в России были приняты немецкие мыслители и всё, что связано с немецким мышлением. Даже вполне конкретным образом, как раз, в первой половине 19-го столетия были призваны немецкие личности для организации русской образовательной жизни. Повсюду можно видеть, как то, что есть в России в виде конкретных мыслей и намерений в отношении институтов, возникло под влиянием Центральной Европы, а именно, немецких деятелей, которые появились точно так же, как когда-то легендарное правление Рюриков, которое началось со слов: У русских было и то и это и всё остальное, кроме порядка; поэтому они обратились к трём братьям и попросили их установить у них порядок. Приблизительно так же в продолжении всего 19-го столетия обстоит дело в отношении всего, что как духовный источник жизни имелось в отношениях с Центральной Европой. Повсюду, где в чём-то нуждались, чтобы принять нечто конкретное, обращались к Центральной Европе или Западной Европе. Но реакция на обе эти области была совершенно различная. Среднеевропейская жизнь влилась в русскую жизнь довольно естественно, не создавая из этого особого шума, и продолжает так жить. Более западноевропейская духовная жизнь вживалась так, что вокруг неё было поднято много шума, она приобрела определённый конкретный, сенсационный оттенок, вживалась с некой помпезностью, с неким декоративным элементом. Это нечто такое, что несомненно надо учитывать. Возьмём наиболее значимого русского философа Соловьёва. Такой философ в русской жизни имеет совершенно иное значение, нежели какой-то философ в среднеевропейской жизни. Все его мысли среднеевропейские, Гегеля, Канта или Гёте, и так далее. Мы всюду обнаружим лишь рефлексии своей собственной жизни, если предадимся этим философам в отношении их конкретных мыслей. Можно даже сказать: То, что имеется в виде конкретных мыслей у Толстого, является среднеевропейским или западноевропейским, - но со всеми отличиями, которые я только-что привёл. Это верно даже для Достоевского, не смотря на его упёртость в русско-национальный шовинизм. Всё это одна сторона.

Но вы видите, как, я бы сказал, с определённым единодушием в России возникло неприятие, когда в конце 19-го и начале 20-го столетий Россия соприкоснулась с экономическими махинациями Центральной Европы. Подумайте только о принятии определённых положений торговых соглашений и тому подобного. И подумайте, как подобно мимозе вёл себя русский элемент - если не считать крикунов, - как мимозоподобно вела себя Россия как народный элемент в неприятии того, что проявлялось как чисто экономическое вторжение или как развёртывание экономической власти.

Всё это должно было бы послужить руководством. Всё это должно было бы показать, что сегодня нецелесообразно пытаться развивать отношения с Востоком посредством торговли или других экономических связей. Что тут важно и чего мы должны добиться, не смотря на большие трудности, связанные с этим вопросом в отношении большевистского элемента, так это, прежде всего, привести в Россию духовный элемент, насколько он исходит из продуктивной духовной жизни. Всё, что исходит из продуктивной духовной жизни, распространяется на взгляды и чувства, которые касаются самой духовной жизни или государственной жизни, или экономической жизни. Всё это будет очень хорошо принято русским элементом.

Поскольку второй элемент в дополнении к первому, который состоит только в перенимании конкретных, а именно, немецких идей, - этот второй элемент русской духовной жизни, представляет собой, ну, как бы это назвать, не дифференцированный, расплывчатый - это имеется в виду не как-то агитационно, а снова как некая терминология, - расплывчатый душевный (Gemüts-) и чувственный соус. Это опять же нечто такое, что весьма характерно можно наблюдать на примере такого философа, который так типичен для русского элемента, как Соловьёв: Мысли исконно немецкие. Но у Соловьёва они выступают в совершенно другой форме, нежели, скажем, у немецких мыслителей. Также и гётевское выступает у Соловьёва в совершенно другой форме. В ней всё перемешано, это некий душевный соус из эмоций и чувств, который придаёт всему определённый нюанс. Но этот нюанс - это единственное, что отличает эту жизнь. И этот нюанс - это нечто пассивное, нечто принимающее. И это принимается из духовной жизни Центральной Европы.

В этом общении средневропейской духовной жизни и русским народным элементом может возникнуть нечто грандиозное и плодотворное для будущего. Но надо понимать, насколько такой трафик созидателен для цивилизации. Только это должно происходить в чисто духовной стихии. Это должно происходить в определенной стихии, которая строится на отношениях между людьми. Мы должны завоевать эти отношения с Востоком. И когда это будет понято, то происходящее в духовной жизни автоматически станет тем, что можно назвать естественным экономическим сообществом. Но надо иметь чувство для того, чтобы понять, насколько цивилизационно-творческое такое общение. Только оно должно разыгрываться в чисто духовном элементе. Оно должно разыгрываться в некоем определённом элементе, который выстроен на отношении между человеком и человеком. Это отношение мы должны обрести к Востоку. И когда это будет понято, тогда само по себе в то, что тут происходит, исходя из духовной жизни, вольётся то, что можно назвать естественным экономическим сообществом. Из этого не следует исходить, иначе это обязательно будет отталкивать. Что бы экономисты ни делали в отношении Востока, это, определённо, не принесёт нам никакой пользы, если это не будет построено на основе того, что я только что объяснил. Это чрезвычайно важный социальный вопрос, который необходимо учитывать.

Другими должны быть для нас отношения с Западом. Видите ли, учить Запад с тем, чем является наша средневропейская жизнь, - это вещь невозможная. И с этой невозможностью надо считаться, не говоря уже о том, что чрезвычайно трудно уже перевести то, что мы думаем в Центральной Европе, что мы чувствуем в Центральной Европе, что также ощущает Восток. Весь способ взгляда на вещи, когда речь идёт о чисто духовных вещах, совершенно различен между областью Центральной Европы, с одной стороны, и Западом и Америкой, с другой стороны. Люди были удивлены тем, что Вильсон так мало понимал Европу, когда приехал в Париж. Они были бы удивлены меньше, если бы прочитали толстую книгу,

написанную Вильсоном в девяностых годах, под названием «Государство». Эта книга была написана, собственно, исключительно с учётом европейской учёности. Но только посмотрите, что стало с этой европейской учёностью! Никто бы не удивился, если бы принял во внимание антецеденты⁵; никто бы не удивился, если бы Вильсон ничего не понимал в европейских делах. Он этого не мог. Ведь, поскольку тут во внимание принимается мышление как таковое, то бесполезно пытаться произвести какое-либо непосредственное впечатление. С другой стороны, было бы весьма значимо представить дело таким образом, чтобы можно было сказать: Да, если кто-то хочет вести переговоры с Западом на основе отношений народа с народом, то он ничего не добьётся. Но если исключить из переговоров государственных деятелей и учёных, учёных из всех областей и особенно государственных деятелей, если не посылать на Запад государственных деятелей, а только экономистов, то западные люди поймут этих экономистов, и из этого выйдет что-то полезное. Только в сфере экономической жизни на Западе можно что-то понять в ходе непосредственных переговоров. Но это не значит, что в отношении общения с Западом надо ограничиваться только тем, что представляет собой экономическая жизнь. О, нет, в этом нет необходимости. Например, чрезвычайно интересно посмотреть на некоторые концертные залы, большие концертные залы в западных странах и имена известных композиторов, которые там стоят: Моцарт, Бетховен, Вагнер и так далее, - как правило, вы найдете там только немецкие имена. Так что можно быть уверенным: если кто-то захочет произвести впечатление в Западной Европе, исходя просто из средневропейской субстанции мысли, то он не продвинется далеко ни у романского, ни у англосаксонского элемента. Это не исключает того, чтобы говорить с людьми о том, что думают в Центральной Европе. Разумеется, можно. Но говорить надо иначе, чем в Центральной Европе, где в первую очередь учитывается жизнь представлений, жизнь мыслей. Возьмите более масштабный пример: западный европеец, а возможно, и американец, само дорнахское строение, то, что фактически из него выходит, понимает даже больше, чем то, что в основном передается в нашем дорнаховском строении сегодня.

Конечно, можно в самой речи оформить вещь так, чтобы из этой вещи позволить проявиться фактическому. Ведь, перед войной - и я могу это подчеркнуть ещё раз, не будучи нескромным, - дело дошло до того, что в мае 1914-го года я мог прочитать в Париже лекцию на немецком языке, которую надо было переводить слово в слово; но я мог читать её на немецком. И эта лекция, я говорю это только как факт, имела больший успех, чем любая другая лекция, которую я когда-либо читал в Германии. Так далеко мы продвинулись. Но тогда необходимо придавать сказанному совершенно определённую форму, чтобы это можно было представить людям, я бы сказал, больше фасадом, художественной стороной, тем, что выходит из того, что может действовать наружу. Тут в значительной степени речь идёт о «как».

И потому это не какая-то нереальная, а вполне конкретная реальная мысль, когда вы говорите себе: Мы произведём большое впечатление на Запад, если будем таким образом правильно понимать свою задачу, если мы, например, действительно выйдем за рамки того, что нам не удаётся и никогда не удастся, поскольку мы всегда останемся позади Запада, - если мы пойдём дальше подражания Западу. Видите ли, это всё равно, подражаем мы западным машинам или нет, - мы делаем их не такими же точными, как Запад, - или подражаем ли мы производству вставных зубов, - мы не делаем их такими же элегантными, как Запад, - это не имеет абсолютно никакого значения! Если мы просто подражаем, мы не справимся с Западом. Поскольку ему не надо принимать то, что мы производим. Но если мы поймём, что мы можем, и что Запад не может, если мы, например, пронизали бы технику искусством и художественным пониманием, если бы мы действительно пришли к тому, что давно уже присутствует в нашем Антропософском обществе, но что мы не можем воплотить в жизнь из-за нехватки личностей, готовых это сделать, если бы мы, например, художественно оформили локомотив, если бы мы художественно оформили вокзал, на который мы прибываем, если бы тому, что может быть нами понято мы запечатлели то, что

⁵Antezedenzien (антецеденты), - предыдущая жизнь, обстоятельства прошлой жизни (прим. пер.)

есть в нас, тогда западные люди это примут, тогда они это также поймут. И тогда они также будут с нами общаться. Но у нас должно быть представление о том, каким должно быть это общение. Это может сделать лишь каждый в своей собственной области, но это следовало бы сделать. И начать надо было бы сейчас с того, чтобы узнать, как из всех этих реальных отношений возникает импульс трёхчленности.

Мы должны иметь духовную жизнь, которая организована так, чтобы она могла оказывать влияние на Восток больше описанным выше способом; это может быть только продуктивная духовная жизнь. Тогда бы мы выдавили всех Луначарских и прочих. Поскольку в долгосрочной перспективе им не удастся поработить русский народ, русскую народную душу. Только когда у нас будет такая продуктивная духовная жизнь, она произведёт впечатление на Восток. Нам просто нужно обрести силы, чтобы дать проявиться самой этой духовной жизни. Мы должны победить всех паразитов, которые сейчас подступают, чтобы раздавить эту духовную жизнь.

Ведь, враждебность к духовной жизни дошла до такой степени, что я должен был недавно в Дорнахе зачитать отрывок, в котором говорилось, что теперь духовные искры огня уже достаточно разгорелись в столкновении с духовной наукой, что это здание в Дорнахе должна теперь, наконец, захватить реальная искра огня. - Таким образом эта враждебность приняла самые жёсткие формы. Речь идёт о том, что это нечто необходимое: привести в действие эту продуктивную духовную жизнь, эту совершенно конкретную, продуктивную духовную жизнь независимо от того, над чем люди насмеются и что они делают. Поскольку можно узнать: Эта продуктивная духовная жизнь, которая может исходить из Центральной Европы, может создать то огромное братство, которое может распространиться на Восток и объединить этот Восток с Центральной Европой, в то время как жёсткие экономические манипуляции всё больше и больше углубляли бы пропасть между Центральной Европой и Востоком. Это чрезвычайно важно, видеть такие вещи и делать их популярными. Это, ведь, особенно важно уже по той причине, что, если вы обретёте публику для таких вещей, эти люди затем, благодаря тому, что они привыкли думать таким образом, придут к совершенно другому мышлению и в отношении прочих социальных вопросов.

Но это надо делать на более широкой основе, нежели до сих пор. Для этого необходимо, чтобы для этого работали действительно с огоньком, чтобы эти вещи, которые мы делаем, не были всегда в определённом смысле потерянными трудом. Поскольку, ведь, мои дорогие друзья, это надо подчеркнуть: в нашей газете по трёхчленности представлен сегодня богатый материал, который, однако, по сути, заключён в гроб, поскольку это, прежде всего, только литература. Поэтому необходимо всегда работать дальше. Но это одна из возможностей. Необходимо действительно на широкой основе, через многих людей, переработать то, что произошло там или здесь. Но нужно всмотреться в эти вещи.

Мы должны совершенно ясно понимать, что нам нужна свободная, продуктивная духовная жизнь и что мы должны её культивировать, чтобы иметь возможность наладить отношения с Востоком.

И точно также у нас должна быть экономическая жизнь, в которую не вмешивается государство, в которую не вмешивается духовная жизнь, в которой действует только хозяйственник, чтобы иметь отношения вначале с Западом. Об этих отношениях должны заботиться сами хозяйствующие. Только так что-то получится. Это можно сделать, и это нужно сделать, пока нет другой возможности: завязывать отношения с Западом как государство с государством. Правда, ничего продуктивного из этого не выйдет. А что-то выйдет из этого только тогда, когда наши государственные деятели исчезнут из экономических переговоров, как бы они там из своей области ни кричали. Пусть государственные деятели ведут переговоры у себя! Тогда государственные деятели стоят внутри экономической жизни. Но у нас, когда экономические деятели становятся государственными деятелями, они лишают себя хозяйственности; тогда они становятся людьми, мыслящими исключительно государственно.

Важно видеть реальные необходимости жизни. Таким образом, нам необходимо иметь трёхчленность социальный организм уже по той причине, чтобы мы могли посылать на Запад экономистов, не подверженных влиянию махинаций государства и духовной жизни. И нам нужна свободная духовная жизнь, чтобы мы могли вступить в возможные отношения с Востоком. Таким образом, нас к этому обязывают сами интернациональные отношения.

Как это организуется в отдельном, это должен каждый делать сам. Поскольку то, что здесь даётся, должно быть лишь направлением пути. Но это направление пути исходит из реальных условий. И то, что часто говорилось, надо принять в самом глубоком смысле. Это неправда то, что сегодня практики в действительности что-то понимают в практической жизни. Собственно, по-настоящему практическую жизнь они, по сути, вообще не понимают - как раз, потому, что они практики! Поскольку сегодня практики в действительности являются наибольшими теоретиками, потому что они полностью вживаются в отдельные мыслительные схемы и теоретизируют внутри практики. Это, как раз, то, что необходимо основательно рассмотреть в самом глубоком смысле. И это необходимо со всем сердцем положить в основу нашей, так называемой, «агитации».

Видите ли, прежде всего нам должно быть ясно то, что современная экономическая жизнь как таковая делает необходимой эту трёхчленность. А именно по той причине, что эта экономическая жизнь сегодня является хаотическим образом перемешанной импульсами с Востока, импульсами с Запада и импульсами середины. И дело обстоит так: ведь, экономическая жизнь, по сути, состоит из трёх элементов: из того, что даёт природа в том смысле, как я это объяснял на предыдущей лекции; затем из того, что делает человеческий труд; и из того, что создаётся посредством капитала. Капитал, человеческий труд, то, что даёт природа и что затем продолжается посредством производства, - это то, что фигурирует в экономической жизни.

Но смотрите, как в человеческом трёхчленном организме, состоящем из трёх членов, в каждом из которых повторяется трёхчленность, так и в социальном организме. В голове мы имеем человеческий орган, определённо являющийся преимущественно органом нервно-чувствующим; но голова тоже питается, она в определённом смысле пронизана питающими органами. Точно так же в том, что является просто организмом обмена веществ, внутри обмена веществ, на службе обмена веществ, мы имеем опять же что-то от нервно-чувствующего организма, *Nervus sympathicus*. Так же обстоит дело и в отношении трёхчленности социального организма. Там в каждом из трёх членов опять же заключено целое. Но сегодня оно заключено там неорганично. Оно заключена там так, что оно разрушает жизнь, не создаёт жизнь.

Прежде всего, там заключена природа, и производство, ведь, является лишь продолжением природы. И, поскольку там заключена природа, то в нашей экономической жизни заключен, собственно, ещё и тот способ ощущений, который является полностью восточным, полностью с Востока. Восточный человек совершенно не поймёт, что в экономическую жизнь можно было бы задействовать то, что является человеческим трудом. И даже если мы вернёмся к нашему прошлым пронизанным восточными отношениями экономические отношения, то мы нигде не найдём то, что в экономической жизни как-то фигурирует человеческий труд.

Это также и невозможно, чтобы этот человеческий труд фигурировал в экономической жизни. Поскольку видите ли, вы можете сложить вместе яблоко и яблоко. Вы можете арифметически что-то получить. Вы можете также сосчитать яблоко и грушу как фрукты. Арифметически вы тоже что-то получите. Но я не знаю, как вы хотите привести яблоко и очки к общей арифметической сумме. То, что содержится в каком-то имуществе, в товаре, принципиально отличается от того, что, как человеческий труд, как говорится марксистским языком, «просочилось в товар». Говорить так - ни что иное, как глупость, но сегодня стало модным говорить: то, что «просочилось в товар». Этот человеческий труд и то, что содержится в имуществе, в товаре, делать чем-то общим, - это такая же бессмыслица, как пытаться сделать чем-то общим яблоки и очки. Но современная экономика это сделала.

Таким образом, экономическая жизнь создала произведение искусства, так сказать, поедания очков и использования яблок в качестве оснащения для глаз.

В человеческой жизни это не замечается. Это замечается в подчинённых природных царствах. Это звучит парадоксально, когда говорят что-то подобное, но в действительности это делается постоянно. А поскольку в экономической жизни вообще есть заработная плата, а заработная плата содержит в себе нечто такое, за что нужно платить и что содержится в цене товара, как то, что исходит от природы, то фактически складываются яблоки и очки. Это невозможно. Это совершенно немыслимо.

Когда эти три области социального организма, духовная жизнь, государственно-правовая жизнь и экономическая жизнь, ещё регулировались старыми условиями, причем последняя на восточный манер, когда люди, собственно, не особенно задумываясь об этом, производили только лишь из излишков, - я сказал на предыдущей лекции: были немного выше животного, которое тоже берёт только то, что даёт природа, - в прежние времена, также и в наших краях, товары и труд вообще не суммировались. Труд регулировался некоторым другим образом: человек был помещиком, дворянином-помещиком, он наследовал это общественное положение от своих предков. Если человек не имел в своих жилах такой крови, он был крепостным, холопом, рабом. Это означает, что люди находились в правовых отношениях друг с другом. Необходимость работать или возможность кормить живот и наблюдать с балкона за работой других определялась не ценой или деньгами, а основывалась на правовых условиях. Это значит, что люди состояли друг с другом в правовых отношениях. Должен ли был человек работать или, поглаживая свой животик, смотреть с балкона на то, как работают другие, это определялось не ценовыми или денежными отношениями, а в основе этого тогда лежали правовые отношения. Работа регулировалась совершенно по иным принципам, чем оборот товаров. Они были полностью разделены в этом регулировании из старых отношений, в которых мы больше не нуждаемся. На Востоке были две вещи: товар и человеческий труд. Всегда считалось, что правовые трудовые отношения устанавливаются на иных основаниях, нежели оборот товаров. Те, конечно, получались из этих старых правовых отношений. Но работа никак не оплачивалась; человека ставили на должность, а затем он работал, и то, что он делал, циркулировало. Но никакой человеческий труд не «просачивался в продукт».

Таким образом, вы видите, что в том, что возникает экономически, - поскольку, ведь, в этом участвует труд, - через труд, там содержатся государственно-правовые отношения. Когда в экономической жизни мы говорим о чисто экономическом, мы должны говорить об имуществе и товарах. Поскольку мы говорим о развитой экономической жизни, то есть, об экономической жизни, которая основана на разделении труда, то мы должны прибавить к этому и государственно-правовой элемент, так, чтобы регулирование труда являлось государственно-правовым. Таким образом, это перекидывается на другого члена социального организма. И капитал - да, капитал, по сути, является частью экономической жизни в том смысле, что он поддерживает экономическую жизнь духовно. Капитал - это то, что создаёт экономические центры, что создает производства. Это духовный элемент в хозяйственной жизни. Только дело обстоит так, что в условиях современного материализма эта духовная жизнь в экономической жизни принимает материалистический характер. Но она тем не менее является в экономической жизни духовным элементом. Капиталистический элемент - это духовное в экономической жизни.

Это ведёт нас к тому, чтобы в самой этой экономической жизни снова искать трёхчленность. То есть, с точки зрения собственно экономической жизни, в которой совершается товарное производство, товарное обращение и товарное потребление, то, что вливается в экономическую жизнь как труд, должно быть приведено в связь с правовой или политической жизнью; а капитал, который является собственно духовным элементом, должен быть приведён в связь с духовной жизнью. Представленным конкретно вы найдёте это в «Основных пунктах», где говорится о том, что передача капитала, циркуляция капитала должно стоять в определённой связи с духовной жизнью. То есть, мы должны учиться различать эти три области в самой экономической жизни.

Но верная картина того, что, собственно, есть, получится только тогда, когда мы, с одной стороны, знаем, что должны определённым образом регулировать то, что восточный человек беззаботно обошёл стороной: отношения человеческой экономической жизни к природе. У восточного человека это было нечто само собой разумеющееся. Мы же должны это регулировать. У западного человека вся духовная жизнь, как я её описал вам раньше, вошла в экономическую жизнь. Даже сам Спенсер мыслит экономически, хотя якобы мыслит научно. Там всё содержится в экономической жизни. Там духовная жизнь экономична. Поэтому капитализм как таковой становится материалистичным. Ведь, капитал существовать должен, как это стоит также и в «Основных пунктах», но сведение духовного к капиталу встретит сильнейшее сопротивление на Западе, где капитализм, какой он есть сейчас, как раз, соответствует западному образу мышления, где всё духовное входит в материальное. Поэтому, по сути, всё, что сейчас навязывается Западом среднему миру, о чём было затрачено так много неоправданных слов, является, собственно, ни чем иным, как воздействием западного капитализма, которое только приняло более крупное измерение. Так что считается, - в то время как западные государства окапитализировались, - что мы имеем дело с простым государственным образованием. Но это не так. Государственные деятели, по сути, также являются экономистами, как и ученые. И поэтому различается то, что тут, я бы сказал, с одной стороны, должно быть продумано нами в экономической жизни, в то время как Восток не привык это продумывать, и то, что, с другой стороны, должно быть одухотворено в отношении капитализма, в то время как Запад даже и не думает одухотворять это дело. Это то, что является задачей среднеевропейских регионов. Поэтому в этих среднеевропейских регионах возникло нечто такое, что должно быть очень и очень внимательно рассмотрено.

С этим постоянно сталкиваются, - здесь, в Штутгарте, и в Швейцарии, и другие наши друзья пережили нечто подобное, - постоянно сталкиваются с тем, что люди говорят: Хорошо, предположим мы согласились с разделением на свободную духовную жизнь и свободную экономическую жизнь, то тогда, ведь, ничего не остаётся для области государства! Действительно, такая государственная жизнь, как она есть сегодня, как она, с одной стороны, всосала в себя духовную жизнь, которая ей не принадлежит, а с другой стороны, всё больше и больше всасывает экономическую жизнь, - такая собственная жизнь государства хиреет. Тогда собственная государственная жизнь, а именно то, что разыгрывается между человеком и человеком, между всеми совершеннолетними людьми, больше не существует. Поэтому, конечно, такие люди, как Штаммлер⁶ могут штаммельн⁷ только так: жизнь государства состоит в том, чтобы придавать форму экономической жизни. Но именно в этом и заключается суть, что жизнь государства возникнет только тогда, когда она охватит всё, что разыгрывается между людьми, достигшими совершеннолетия, уже в силу того, что они являются людьми, и это включает в себя, например, всю область регулирования труда, что это [регулирование] возникнет правильным образом только тогда, когда будут отделены две другие области. Только тогда сможет образоваться действительно демократическая государственная жизнь. То, что у нас ещё нет верного понятия об этой государственной жизни, это не удивительно, поскольку у нас ещё нет никакого верного понятия о самостоятельной демократии, потому что люди мыслят лишь абстрактно и на основе этого формулируют понятие демократии. Ведь, формулировать можно всегда, не правда ли? Формулирование напоминает о старом греческом примере, который я приводил уже часто, когда кто-то формулировал понятие человека: Это живое существо, ходящее на двух ногах и не имеющее перьев. На следующий день тому, кто так сформулировал, принесли оципанного гуся и сказали: То есть, это человек, поскольку он ходит на двух ногах и у него нет перьев. С формулировками можно делать, что угодно. Но речь идёт не о формулировках, а о том, чтобы найти реальность.

⁶Stammler - Рудольф Штаммлер, 1856-1938, «Хозяйство и право согласно материалистическому пониманию истории» (1896).

⁷stammeln — нем. заикаться, мямлить, лепетать (прим. пер.)

Возьмите понятие демократии, как оно существует сегодня и как оно, по сути, имеет западное происхождение, - как же оно возникло? Вы можете проследить развитие Англии. Если вы проследите историю древних английских владений, то обнаружите стремление освободиться от связанности. Но всё это имеет религиозный характер. И это приобретает совсем уже религиозный характер, как раз, при Кромвеле. Тут из теократически-пуританского элемента, из свободы веры развивается нечто, что затем отделяется от теократии, от веры, и становится демократически-политическим элементом свободы. Это, таким образом, то, что на Западе называется ощущением демократии. Оно оторвано от религиозно-независимого ощущения. Так получается реальное понятие демократии. И действительное понятие демократии будет дано только тогда, когда между духовной и экономической организацией появится организация, основанная теперь на отношениях человека с человеком и равенстве всех достигших совершеннолетия людей. Только тогда получится то, что является государственным отношением.

Но смотрите, это характерно, что в Центральной Европе эти мысли возникли, по сути, тогда, когда ещё никто не пришёл к мысли об этой трёхчленности, что возникли мысли: Хорошо, а как, собственно, должно возникнуть государство? В высшей степени интересно то, что, исходя из определённых шиллеровских понятий, из гетевских понятий, Вильгельм фон Гумбольдт, который даже мог стать прусским министром, - это странная вещь, - в первой половине 19-го столетия написал прекрасное эссе «Попытка определить границы действительности государства». Там действительно речь шла о возможности построения государства, настоящего построения государства. Там была сделана попытка извлечь из социальных отношений всё, что может быть только государственным, политическим, правовым. Конечно, Вильгельму фон Гумбольдту не удалось добиться этого безупречным образом, но суть не в этом. Такие вещи следовало бы развивать дальше. И пока мы не дойдём до создания реальности того, что является государственным, пока «заики» будут вечно повторять, что государственная жизнь - это всего лишь форма экономической жизни, мы никуда не продвинемся. Эти вещи необходимо сегодня донести до широкой публики, в большом охвате и как можно быстрее. Поскольку, только принося здоровые мысли в наше современное общество и как можно быстрее их распространяя, мы сможем продвинуться вперёд.

Ведь, противоборствующие власти сильны. Они насмежаются и проявляют свою волю к уничтожению изо всех углов. И не надо питать никаких иллюзий относительно сильной воли с той стороны. Поскольку, если шаг, который мы сейчас предпринимаем, должен иметь какой-то действительный смысл, то мы уже должны сказать себе: Мы, исходя из антропософски ориентированной духовной науки, попытались обрести социальный импульс. Не правда ли, то, что представляет собой антропософски ориентированная духовная наука, требует времени, она может развиваться медленно, и она также может принимать во внимание то, что люди могут вынести. Могут также образовываться клики. Поскольку, ведь, эти клики существуют только в физическом мире; духовное движение проходит над ними. То, что тут действительно лежит в основе как жизненная сила в чисто антропософском движении, имеет значение, содержание в духовном мире. Поэтому не так важно, что внутри образуются клики, появляются сектантские черты и так далее. Это нечто такое, что, конечно, по отдельности, часть за частью, нужно преодолевать в наше сегодня такое серьёзное время. Но это плохо не так, как если бы правильного не происходило в той области, где из антропософского движения извлекается практическое, непосредственно действенное, как это имеет место, я бы сказал, в нашем социальном крыле антропософского движения. Тут нет времени для ожидания. Тут мы не можем учреждать союзы для трёхчленности, которые организованы так, будто они являются лишь копиями старых антропософских ответвлений. Тут мы должны осознавать, что то, что мы произведём завтра, каким бы хорошим оно ни было, может оказаться хуже того более плохого, что мы производим сегодня. Здесь важно действовать непосредственно в данный момент, потому что каждый день может оказаться, что уже слишком поздно. И действительно, события показывают нам, как с каждой неделей

делать эти вещи может стать слишком поздно. Поэтому была инициирована эта акция, перед которой мы сейчас стоим, и поэтому ей уделяется так много внимания, - потому что необходимо, чтобы эти вещи происходили быстро. Поскольку Европе терять времени нельзя.

Необходимо внедрить в головы возможность мыслить так, чтобы в этом мышлении играла какую-то роль действительность. Человечество полностью воспитано так, что, по сути, нереальный образ мышления стал, как раз, задающим тон также и в практической жизни. Это нереальный образ мышления, когда выступают люди и говорят: надо культивировать право, надо как-то продвигаться дальше в социальной жизни, исходя из этической точки зрения. Эти вещи, конечно, прекрасны, но они очень абстрактны. Духовное имеет ценность только в том случае, если оно непосредственно вмешивается в материальную жизнь, если оно действительно способно нести и побеждать материальное. Иначе оно не имеет никакой ценности. Мы не должны позволять себе поддаваться тирадам, подобным тем, что сегодня проповедует Фёрстер⁸ и подобные ему люди. Это прекрасные образы речи, но они не проникают в материальную жизнь, потому что люди, которые их произносят, сами ничего не смыслят в материальной жизни, но верят, что нынешний материальный мир можно как-то улучшить посредством проповеди.

И это та ошибка, которую сделала буржуазия: она всё больше и больше уходила в отношении своей душевной жизни в область люкса. Шесть дней в неделю человек сидит в бюро. В начале кассовой книги, конечно, стоит «с Богом!». Но дальше речь идёт совсем не о Боге; там это «с Богом» слишком абстрактно. Но затем, поработав всю неделю известным образом, в воскресенье человек идёт слушать наполняющую душу духовным наслаждением проповедь о вечном спасении и тому подобном. Это значит превратить духовную жизнь в люксус, в роскошь, и лишит духовности материальную жизнь! В этом отношении буржуазия достигла больших успехов. Она продвигала это все дальше и дальше, так что в конце концов вся духовная жизнь действительно стала идеологией.

С другой стороны, нет тогда никакого чуда, когда теперь приходит пролетариат и, в свою очередь, теоретически объясняет: Духовная жизнь - это идеология; и когда он теперь пытается преобразовать всю экономическую жизнь, имея в виду только способ производства. Обе стороны принадлежат одному. Действительно, дела сегодня обстоят так, что борьба между буржуазией и пролетариатом в конце концов состоит лишь в том, как долго один находится внизу, а другой наверху, и наоборот. Это просто борьба. Цель не в том, чтобы глубже вникнуть в суть вопроса и прийти к плодотворной организации жизни. Это возможно только если иметь радикальный импульс, охватывающий человека как такового.

Но тогда надо либо заняться трёхчленностью, если считают это нужным, либо на место трёхчленности поставить нечто лучшее. Всё остальное, что выступает сегодня, совершенно не считается с человеком как таковым. Поэтому необходимо в самом ближайшем будущем действительно спасать наше движение от того, что планируют наши враги. А они планируют с помощью махинаций сделать наше движение невозможным. И эти махинации, ведь, осуществляются весьма изощренным образом. Просто подумайте, сколько изощренности содержится сейчас в кампании «Berliner Tageblatt»⁹. Не правда ли, в этом «Berliner Tageblatt» сфабрикована статья, в которой упоминаются всевозможные глупые «оккультисты», и в центре стоит антропософия, которая не имеет с этим никакого дела? Но люди избавляют себя от необходимости иметь дело с антропософией, просто внося её в рубрику бессмысленного. Конечно, каждый может понять ту чепуху, которая там написана, поэтому ему нет необходимости как-то особенно заниматься антропософией. Это распространяется действительно по всему миру; вы видите это повсюду, в английских газетах, везде. Но это только одно. В ближайшее время начинается - это уже началось, но будет продолжено, - война на уничтожение против того, чем является наше движение. Поэтому сегодня необходимо подумать о том, что надо делать. И если не произойдет чего-то радикального в широком масштабе, то, мои дорогие друзья, нам придется себе сказать: Хотя мы и имеем

⁸Friedrich Wilhelm Förster (Фридрих Вильгельм Фёрстер), 1869-1966, этик, педагог и пацифист.

⁹«Berliner Tageblatt» - Берлинский ежедневник (прим. пер.)

понятие о том, что могло бы произойти в отношении социальной жизни с точки зрения антропософски ориентированной духовной науки, но у нас нет сил для того, чтобы осуществить это. Действительно, когда видишь, с каким упорством действует противодействующая сторона, иногда с упорством в гнусности, то говоришь: Нам необходимо понять, что нужно проявить волю! У них воля злая, так почему бы ей не противопоставить добрую волю? Почему же тогда можно по праву говорить: у нас было намерение совершить нечто полезное для человечества; но соперниками были другие ребята, у них была последовательная воля, которая даже дошла до своей реализации!

Дорогие друзья, если мы не сделаем этот шаг и не придем к реализации своей воли, то, разумеется, в настоящий момент мы не сможем достичь ничего. В нашем движении сейчас в определенном смысле стоит вопрос «или-или». Поэтому была инициирована эта акция. Пожалуйста, подумайте об этом. Я прошу вас принять это в свою волю, прежде чем мы продвинемся дальше в образовании того, что нам нужно для этой воли.

ЧЕТВЁРТАЯ ЛЕКЦИЯ 14 февраля 1921 года (после обеда)

Первой темой, предлагаемой для вашего рассмотрения, будет: Великие вопросы современности и трёхчленность социального организма. - Необходимо, чтобы мы выбирали темы, которые вы хотите рассмотреть, таким образом, чтобы при этом был повод как можно точнее познакомиться, во-первых, с тем, в чём нуждается сегодняшний день, а во-вторых, с тем, что должен дать импульс трёхчленности социального организма в отношении великих вопросов современности, и чтобы при этом у вас всегда была возможность указать, с одной стороны, на то, что антропософски ориентированная духовная наука должна дать основу для того типа социального мышления, которое должно быть принесено в мир через трёхчленность, а с другой стороны, чтобы всегда была возможность выступать за «Грядущий день»¹⁰ и тому подобное. Ваша деятельность должна будет распространиться на всё наше движение как целое, как на духовную сторону, так и на практические учреждения. С одной стороны, вы должны убедить мир в том, что в настоящее время необходимо культивировать действительно продуктивную духовную жизнь; с другой стороны, вы должны принять во внимание то практическое, что мы уже просто как движение должны вмешиваться в социальную жизнь, в экономическую жизнь, и что поэтому мы должны быть укреплены финансово настолько, насколько это только возможно, не ради нас самих, а ради улучшения экономической жизни.

Как раз, сегодня я хотел бы сказать несколько слов относительно необходимых тем, в предвосхищении наших дальнейших обсуждений. Пожалуй, тогда лучше всего будет, если мы выберем в качестве второй темы, скажем, тему: Свободная воспитательная и учебная система в её отношении к государству и экономике. - А третьей темой будет тогда: Система хозяйственных ассоциаций и её отношение к государству и к свободной духовной жизни. - Выбрав эти три темы, мы в течение следующих нескольких недель получим возможность эффективным образом представить миру то, что принадлежит нашему движению в целом.

Теперь, прежде всего, позвольте нам поговорить о некоторых принципиальных вещах в отношении первой темы. Тут, прежде всего, речь пойдёт о том, чтобы вы показали людям,

¹⁰«Грядущий день» (нем. Der Kommende Tag). Акционерное общество по содействию экономическим и духовным ценностям. - Штутгарт 1920- 1925. Попытка ассоциативного предприятия в духе идеи трёхчленности Рудольфа Штайнера, который был председателем наблюдательного совета до 1923 года. В состав компании входило до двадцати торговых предприятий и учреждений культуры. В результате общего экономического кризиса в 1925 году предприятие пришлось ликвидировать. См. также презентацию Фрица Пистона в серии «Вклад в полное издание Рудольфа Штайнера», выпуск 88, Дорнах, Йоханни, 1985.

что, ведь, эта трёхчленность как требование уже в некоторой степени присутствует, что не нужно делать ничего другого, кроме того, чтобы правильным образом организовать то, что уже есть. Она присутствует, правда, в другой форме, нежели должна быть и будет после такой организации; она присутствует как требование трёх вещей, которые сегодня, однако, хаотично перемешаны и именно и из-за этого борются друг с другом внутренне, как некое чудовище, которое возникло примерно так, будто голова человека находится в его животе, органы пищеварения - в сердце, и тому подобное, когда эти три системы организма хаотично перемешаны. То есть, тому, что уже есть, что ждёт своего оформления, надо придать правильную форму.

Чтобы сделать это наглядным, начнём, скажем, с третьего члена социального организма, с экономической жизни. Ведь, эту экономическую жизнь, такую, как она есть сейчас, можно охарактеризовать, прослеживая её развитие в продолжении последних столетий. Поскольку лишь в последние столетия экономическая жизнь приняла те формы, которые она имеет сегодня, и из которых вырос весь социальный вопрос. Правда, это всё же некий более длительный процесс. Экономическая жизнь, перед которой мы стоим сегодня, даже если бы мы хотели вернуться как можно дальше назад, не уходит в прошлое дальше 14-го или 13-го столетий. Тут мы имеем время, когда европейская экономическая жизнь переживает своего рода кризис, своего рода, я бы сказал, крадущийся кризис. Тут мы имеем время, когда европейская экономическая жизнь основательно подготавливается к изменениям.

Если вернуться в более ранние времена, то мы обнаружим, что европейская экономическая жизнь находилась под полным влиянием континентальной торговли и транспортных потоков из Азии через Центральную Европу в Западную Европу. И в те более старые времена мы повсюду видим, что экономическая жизнь протекает с некой естественностью, и также транспорт осуществляется с некой естественностью. В определённом смысле экономические условия ещё не были развиты настолько интенсивно, чтобы возникла необходимость ограничивать или организовывать свободу торговли и свободу передвижения. Но по мере того, как население Центральной Европы становилось всё плотнее, а экономическая жизнь становилась всё более интенсивной, возникла необходимость многое организовать. И из более свободной экономической жизни прежних времен возникла во многом более связанная экономическая жизнь. Более свободная экономическая жизнь прежних времён характеризуется тем, что отдельные хозяйства, индивидуальные хозяйства, которые больше походили на домашние хозяйства, управлялись по наитию, согласно инстинктам их частных владельцев, с прислугой, с крепостными, и что обширная торговля, которая велась между тем из Азии в Европу, не нуждалась в каком-то особом регулировании. Её можно было осуществлять совершенно свободно, поскольку, опять же, экономическая жизнь ещё не была интенсивной.

Однако, как было сказано, с увеличением населения, а также с развитием других обстоятельств, которые, ведь, мы можем тут же упомянуть, интенсивность экономической жизни постоянно увеличивалась; и возникла необходимость принять определённые защитные меры, которые ранее не были необходимы, - все эти защитные меры в большей или меньшей степени имели характер поддержки потребителя. Особенность, как раз, состояла в том что в то время, когда экономическая жизнь переживала, своего рода, крадущийся кризис, как это было в 13-ом и 14-ом столетиях, без того, что кто-то придавал этому большое значение, собственно, повсюду возникала тенденция некоторым образом защищать потребителя. Что это, как не защита потребителя, когда города, через которые проходила торговля, через которые проходили торговые пути, использовали, так называемое, складочное¹¹ право, означающее, что проезжающий торговец должен был оставаться в городе определённое количество дней и только после этого мог проехать через город с товаром,

¹¹ Складочное (штапельное) право (нем. Stapelrecht, фр. droit d'étape) - право, принадлежавшее избранным городам в средневековой Европе принуждать купцов, осуществлявших транзит своих товаров через окрестности города, торговать этими товарами в специально отведенном месте в пределах таких городов Википедия, прим. пер.).

который он не мог продать в течение этих дней, и затем свободно его продавать? Таким образом, речь идёт о защите потребителя, везде речь идёт о защите потребителя.

Таким образом, даже если это не сразу бросается в глаза, вполне можно причислить к защите потребителя в это время ещё и нечто другое. Я, как раз, уделил этому вопросу много времени, и в конце концов обнаружил, - если подходить к делу совершенно непредвзято, то нельзя обнаружить ничего иного, - что создание и образование гильдий, хотя они, казалось бы, организовывали производство, по сути, были предприняты для поддержки потребления производимой в гильдиях продукции. Это достигалось в обход, через организацию институтов производства. Хотя гильдии образовывались путём объединения схожих профессий, главной заботой была не столько организация производства, сколько то, чтобы те, кто объединялся в гильдии, могли продавать свою продукцию по такой цене, чтобы соответствующим образом было обеспечено её потребление. Гильдии действительно были защитным механизмом для потребления. Если вы просто возьмете в библиотеке любой справочник и актуализируете приведённые там данные, то, взглянув на те направления, на которые я вам здесь указываю, вы сможете сказать себе: они определённым образом характеризует экономическую жизнь того времени.

И вот эта экономическая жизнь развивалась под такими защитными мерами в течение нескольких столетий. Но она, опять же, всегда содержала в себе, своего рода, крадущийся кризис. Она становилась всё более и более интенсивной. И вот в чём особенность: экономическая жизнь, которая на определенной территории становится всё более и более интенсивной, требует также всё больше и больше ограничений, защитных мер и организаций. Экономическая жизнь, которая каким-то образом открыта, которая имеет в каком-то направлении доступ к неисчерпаемым ресурсам, а именно сельского хозяйства, земли, не имеет стремления организовываться. Экономическая жизнь, которая ограничена со всех сторон, которая становится всё более и более интенсивной, получает потребность себя организовать.

Теперь, было бы, ведь, совершенно несомненным, что эта европейская экономическая жизнь в ходе столетий пришла бы к декадансу неслыханного масштаба, если бы не произошло одно всем вам хорошо известное событие. То, что прежде всего уберегло нас от этого декаданса, было, с одной стороны, открытием морских путей, а с другой стороны, - открытием Америки. Тогда была снова открыта экономическая жизнь в направлении Запада. Нельзя сказать, не правда ли, что был открыт некий кран, поскольку это открытие было слишком большим. Это был бы огромный кран! Но это оказалось тем, что снова направило экономическую жизнь в совершенно иное русло. Правда, влияние этого пути на Запад совпало с появлением современной техники. Однако распространение этой современной техники в полном объёме не было бы возможным ни при каких других обстоятельствах, кроме как при открытии всей экономической жизни в сторону Запада. Этими вещами вы просто дали то, что придало современной экономической жизни её основную конфигурацию. В неё помещается затем то, о чём я говорил вчера как о самых значительных политических событиях.

Далее, в этой европейской экономической жизни у нас есть две тенденции. Одна тенденция образовалась под принуждением интенсивной экономики во второй половине средневековья и ещё позднее, и затем приняла характер некоего экономического образа мышления. Думать экономически учились при обстоятельствах, которые образовались, скажем, от 13-го до 16-17-го столетия. Тогда усвоили мысли о том, как надо хозяйствовать. В торговле, а также, очень медленно, в промышленности и даже в сельском хозяйстве тогда образовалось то, что стало движущими экономическими идеями. Они зафиксировались преимущественно в это время. Можно также сказать: те слои населения, которые были призваны, и по-прежнему призваны мыслить экономически в первую очередь в связи с европейскими территориями, развили свою жизнь экономических представлений под влиянием этих событий. Это засело в людях глубоко. Как раз, в этих вещах душевная

конституция людей стала консервативной. И то, что сидит в людях в виде консервативных представлений, берёт своё начало преимущественно в это время.

Затем экономическая жизнь открылась в направлении другой стороны так, как я описал вам выше. И, благодаря этому, во все эти представления экономической жизни вошло нечто такое, что, однако, не сразу напрямую было принято в образ мышления, а что этому образу мышления дало особый экономический импульс, толчок. Это было, как раз, соединение с Западом, с Америкой, с тем, что пришло посредством открытия морских путей. Это сделало экономическую жизнь сильной.

И таким образом, с одной стороны, образовалось, я бы сказал, конкретное мыслительное содержание экономической жизни, а, с другой стороны, - импульс, движущая сила. Эти факты были настолько сильны, что изначально определили конфигурацию новой социальной жизни в целом, а также придали ей материалистическую форму. И эта современная цивилизация всё больше и больше приобретала характер, который должен был стать результатом влияния этих двух описанных факторов.

Таким образом у нас есть экономическая жизнь, которая преобладает просто, благодаря власти событий, и которая оказывает сильное впечатление на людей и человеческое развитие. Эта экономическая жизнь принимает также характер, который только и может принять эта экономическая жизнь, поскольку дело всё же обстоит так, что каждый из трёх областей социального организма, просто благодаря своей природе и сущности, принимает свои собственные закономерности: в экономической жизни определяющими являются товары и цена.

Однако, эти социальные отношения могут стать сфальсифицированными, благодаря тому, что экономическую жизнь бросают в одну кучу с обоими другими областями социального организма. Тогда каждая отдельная область следует своим собственным законам только в споре с другими. И, поскольку экономическая жизнь преобладала, получилось так, что она втянула в свои закономерности другие социальные области. И тогда выступили обстоятельства, которые привели к современному социальному вопросу.

Поскольку если мы вернёмся назад в историческом развитии, то пролетарское движение как специфическое движение заработной платы, как движение против рабства труда, отсутствует. Я, ведь, уже говорил вчера, что разделение работы, будь то господин или слуга, в старые времена организовывались с политической точки зрения. Теперь экономическая жизнь организуется так, что она всему придаёт характер товара. Всё стало товаром. И таким образом только в это время человеческий труд стал товаром. Раньше это была служба, преданная или принудительная служба. Однако, собственно товаром труд стал лишь в новейшее время. Поскольку постепенно за него стали платить так же, как за товары. А экономическая жизнь просто не может поступать никак иначе, как всё, что вступает в её область, превращать в товар. И в этом смысле, я имею в виду, что эту трёхчленность мы имели, собственно, всегда. Мы должны её только сделать истинной, мы должны только ввести в мир в истинной форме то, что существует в ложной форме. Поскольку в своей лживой форме она причиняет вред и ведёт к гибели. Если же мы будем в состоянии придать ей истинную форму, она должна стать подъёмом.

Но в товар был превращён не только труд, в товар, ведь, была превращена также и материалистическая духовная жизнь в форме капитала. Пожалуйста, взгляните на рынок капитала и использование капитала в наше время и сравните его с использованием капитала, например, в Древней Греции! В Древней Греции могущественным, тем, кто имел возможность что-то сделать, был тот, кто был могущественным политически; он имел власть строить то или это. По политическим причинам он находил тех, кто выполнял работу, а его капитал заключался просто в том, что в силу своих наследственных отношений он был господином и мог приказывать большому количеству людей. Таким был капитал в древней Греции. В это новое время, которое мы рассматриваем, то, что ведёт к предпринятию, по сути, также становится товаром. В конце концов, что вы делаете, когда покупаете или продаете ценные бумаги на фондовой бирже? Чем вы торгуете? Вы торгуете, по сути, духом

предприятия. То, что является духом предприятия, на бирже является в основном товаром. У вас здесь совершенно нет специфического, специального духа предприятия, вы совершенно не знаете, что вы покупаете или продаёте; но в действительности вы покупаете или продаёте дух предприятия. Вы можете это наблюдать, как раз, в изменениях (Umlagerung) на рынке капитала. Короче говоря, там, где экономическая жизнь становится господствующей, всё приобретает характер товара. Всё становится товаром: труд становится товаром, дух становится товаром. Таков был ход новейшего развития событий.

Правда, параллельно с этим происходит, ведь, ещё нечто другое. Из политических оснований образуется современное государство. Прежде всего, не правда ли, мы видим, как это современное государство образуется из определённых более ранних, более свободных отношений между окружающим сельским населением и имеющимися городами, которые из церковных центров или чего-то подобного возникли в Италии, исходя из несколько иного образа мышления - во Франции, Англии. Таким образом, образуется то, что является государствами.

В то время как на Западе собственное понятие государства уже сформировалось, в Центральной и Восточной Европе мы пока видим другие, собственно, более свободные условия в этом отношении. Мы видим, как из старых условий получается то, что прежний город, который возникал, исходя из каких-то церковных или подобных причин, становится рыночным центром, рынком. И по мере того, как старые города становятся рынками, появляются, в свою очередь, новые города. Интересно проследить, как в действительности под влиянием экономической жизни в 13-ом, 12-ом, 11-ом столетиях возникали города. Поначалу эти города возникали точно так же, как они возникают в сегодняшней Южной Германии и на Западе от Европы на расстоянии пяти-шести часов езды. На Севере и на Востоке они возникали на расстоянии семи-восьми часов езды. В старые времена это было само собой разумеющимся. Почему? Потому что крестьяне, которые вели там хозяйство, должны были в течение одного дня приехать туда со своей продукцией, а затем вернуться назад. Это возникало из внутренней необходимости. Но если в истории возникает нечто подобное, то впоследствии под влиянием принципа имитации образуется нечто, не связанное с такой необходимостью. Во-первых, необходимо, чтобы города находились на расстоянии пяти-шести часов езды друг от друга, или семи-восьми часов. Потом остальные замечают: тут нужно что-то делать! И они подражают этому. Затем возникает то, что исторически не является необходимым. Это влияет на здравое мышление некоторых людей в отношении этих вещей. Историки обходятся с одними городами точно так же, как с другими, то есть, с теми, что не возникли из-за экономической необходимости, так же, как с теми, что возникли из-за экономической необходимости. И тогда всё становится запутанным. Но правильный взгляд на такие вещи состоит в том, чтобы иметь чувство для такого различия. Люди могут очень доходчиво доказать вам, что это неправда, что тот или иной город был основан, исходя из экономической необходимости. Конечно, иногда это не так. Поскольку, хотя этот город и не возник из экономической необходимости, но он возник под влиянием более позднего имитационного принципа. Но в общем, это всё же правда. Это положение, что города образовывались как рынки, в Восточной Европе оставалось гораздо дольше, чем на Западе, где образовывались единые государства, которые затем хотели всё включить в свои рамки.

Ну, действительно, как бы иногда ни неприятным это казалось сегодня, дело обстоит так, что в Италии, исходя из духа определённой патриархальной солидарности между крестьянским населением и горожанами, возникли своеобразные территориальные области и развилась одна определённая федералистская государственная система, в то время как в Испании, Франции и Англии - другая. И также, как было сказано, как бы ни неприятно так кому-то думать, всё же это так, что ближе к середине Европы и на Востоке Европы образование городов, как и образование городов раньше, происходило посредством имитации. И это подводит нас к тому, чего вы пока, ведь, сегодня не можете рассказать людям, потому что в противном случае вы были бы разделены не на три части, а на четыре. Но эта истина всё же существует. Конечно, это была полностью экономическая

необходимость, но так получилось также и в силу предпосылок характера народов, что западные государства возникли как единые государства. Но государства Центральной Европы и восточные государства возникли, собственно, только путём имитации. Для них не было никакой исторической необходимости. По сути, Австрия и Германский Рейх, в конце концов, развалились потому, что для их внутренней централизации не было никакой исторической необходимости, а была, собственно, имитация. И точно так же имитацией является принцип единого государства Италии, которое возникло примерно в то же время, что германское единое государство. И ещё одна совершенно поверхностная имитация, без того, чтобы действительно внутренне достичь того, чем являются государства Центральной Европы, - это Северная Америка, которая полностью зависит от того, чтобы влиться в экономическую ассоциацию. Тот, кто внимательно изучит экономические отношения в Северной Америке, наверняка сможет объяснить ход этих событий.

Теперь, видите ли, наряду со всем тем, что развилось, как бы, из первоначальной экономики, в условиях, подобных тем, которые я только что описал, возникла и новая конфигурация торговли. И именно тогда впервые возникло слияние государственной жизни с экономической, - не в области промышленности, а, собственно, в области торговли. Промышленность была лишь включена. То, что я сейчас говорю, легко оспорить. Ведь, людям достаточно лишь сказать: сначала должно появиться производство, а затем можно действовать. Но не об этом речь. Если взять даже самые современные высокоразвитые отрасли индустрии, то они зачастую не выходят за рамки коммерческой сферы. Люди создают себе только свои собственные продукты для торговли, которую они осуществляют. Мы ещё далеко не на той стадии, когда был бы уже найден переход от первичного производства, основанного на природе и через торговлю включённого в промышленность, к тому, чтобы задающим тон была промышленность. Поскольку в тот момент, когда задающим тон является промышленность, ассоциация становится необходимостью. Структура, которую имеет сегодня деловая жизнь, всегда ещё определяется принципами торговой жизни; также и индустрия определяется принципами торговли. Фабриканты являются, по сути, торговцами, которые только создают возможность торговли. Свои промышленные предприятия они также организуют согласно коммерческим точкам зрения; они являются решающими факторами. Поскольку в тот момент, когда промышленная сфера вмешивается в коммерческую, необходимостью становится ассоциация. Слияние государства с экономической жизнью происходит, собственно, в обход через коммерческое.

И, с другой стороны, каждый из трёх членов социального организма, в свою очередь, устанавливает для себя свои законы и борется с другим членом, если он не отделён должным образом. Смотрите, государственно-правовая сфера, собственно, уже давно борется с экономической сферой в хозяйственном законодательстве, пенсионном страховании и так далее. Что это означает, как ни то, что глупым образом пытаются отделить труд от экономической жизни? Умно было бы, если бы это было сразу же основательно отделено! Но государства определённо находятся на марше - если мне будет позволено использовать эти слова, которыми, как вы знаете, злоупотреблял Виссет¹², - к независимой правовой жизни. Создавая законодательство по защите трудящихся, по страхованию в старости и так далее, они всё равно исключают организацию труда, регулирование вида и времени труда из экономической жизни. Теперь, мы тут видим, что и второй член социального организма также находится на пути к эмансипации от экономической жизни.

Правда, несколько более запутанный вид дело приобретает с духовной жизнью. Вся действительно духовная жизнь по своей внутренней сути выросла из старых теократий. Пожалуйста, ведь, вам достаточно просто изучить университетскую жизнь в 12-ом и 13-ом столетиях. Она полностью вытекает из существа церкви. И это была эмансипированная духовная жизнь. Лишь постепенно она вращается в жизнь государства. Ведь, большая часть европейской борьбы заключается ни в чём ином, как в переходе церковных институтов в

¹²Рудольф Виссет (Rudolf Wisset), 1869-1962. В 1919 году - рейхсминистр экономики. Выдвигал идею единого национального хозяйства.

государственные. И в отношении этих старых времён надо сказать: Свобода образовательных институтов в старой церковной системе была намного больше, чем в более поздней государственной системе или сегодня. Поскольку эти вещи образуются из духовной жизни с полным сознанием. С полным сознанием, например, церковь в 869-ом году на вселенском соборе в Константинополе отменила дух, то есть, изменила догму о том, что человек состоит из тела, души и духа, на то, что он состоит только из тела и души, и что душа имеет некоторых духовные качества. Это было тогда сделано сознательно. Сегодня профессора философии проповедуют, что человек состоит из тела и души, и не знают, что они являются лишь исполнителями церковного догмата. То, что мы называем философией, полностью выросло из старой церковной жизни, и господин Вундт в Лейпциге определённо является лишь побочным представителем старых церковных догматов, хотя и кажется, что это больше не так, судя по тому, как он это представляет. Но то же самое происходит и в других вещах, которые выросли из старого теократического образа духовной жизни. Теологические факультеты теперь, вы только посмотрите на них, они настолько выросли из прежней духовной жизни, что сегодня представляют собой лишь своего рода карикатуру, так же, как и юридические факультеты. Кто хочет видеть, повсюду обнаружит оболочку старой теократической сущности современной цивилизации. О медицине я говорить не хочу. Совершенно очевидно, что она выросла из иной связанности со старой духовной жизнью, которая развивалась церковным, религиозным образом. Мы имеем течение, отрасль духовной жизни, которая целиком выросла из свободной от государства церковной жизни, которая в прежние времена была единственной духовной жизнью. К этому прибавилась, я бы сказал, теперь не выросшая из неё, а стоящая рядом с ней, современная наука и техника. Там духовная жизнь развилась на собственной почве и лишь напоминала то, что в прежние времена выросло из церкви. Поэтому также так странно выглядит то, что, я бы сказал, судорожно организовано в процессе копирования старых институтов. Постепенно образовались технические высшие школы, коммерческие школы, сельскохозяйственные школы и так далее. Всё это судорожно выстроилось подобно тому, что выросло из прежней церковной жизни. И так мы получили совершенно неестественные черты нашей системы высшего образования. С одной стороны, нечто во многих отношениях старомодное, - это собственно университетская система; она, безусловно, несёт в себе античное церковное наследие. С другой стороны, то, что, собственно, комично по своей форме ставится рядом: современная сельскохозяйственная школа, техническая школа, горная академия и так далее, которые по внешнему виду, в титулах и тому подобному, искали сходство с университетами.

Тут, с одной стороны, мы имеем духовную жизнь, как она возникает из старой, свободной церковной жизни и постепенно поглощается государством; а с другой стороны, мы имеем включение, - я бы сказал, опять-таки из некоторой свободы, поскольку дух, ведь, должен быть действительно свободен, государство не может производить гения, - той духовной жизни, которая, в свою очередь, помещается в жизнь государства. Ведь, это соответствовало бы идеалу многих людей, также и в художественных школах обучать настоящих художников. Но вы знаете, что до сих пор не существует учебной программы, способной воспитать гения или настоящего художника, хотя многим людям этого и хотелось бы. Таким образом, мы видим, как тут духовная жизнь поглощается недостаточными средствами. По сути, просто поглощение, - это, ведь, то, что является внешней формой. Содержание же должно всегда, если мне будет позволено так сказать, быть скрытым под рукой, совершенно определённо быть скрытым. Поскольку, не правда ли, если кто-то перед лицом современных условий оказывается в неприятном положении иметь какой-то дух, то он должен его проносить через все ужасные мучения экзамена и так далее как можно более скрытно, чтобы он не зачленел в продолжении всей этой процедуры, и чтобы он мог ещё после этого развернуться. Да, надо, как раз, скрывать то, что является собственно духовной жизнью. Это просто факт. И это, ведь, по сути, также ни что иное, как, своего рода, эмансипация духовной жизни, некая позиция латентной эмансипации.

Также и здесь мы стоим перед подготавливающимся кризисом. Конечным следствием системы огосударствления является марксизм и, радикально, большевизм. Там всё огосударвляется: там всё государство становится огромным индустриальным учреждением, огромным предприятием, по крайней мере, вначале в идеале. Ну, если это сделать, то необходимо внедрить в весь этот зверинец, - я, конечно, хотел сказать, в эту машинерию¹³, - организацию того, что является техническими знаниями. Потому что без этих технических знаний нельзя двигаться вперед. Ведь, современная техника необходима. Но весь большевизм и все способы введения марксистского принципа в действительность не приведут ни к чему иному, кроме хищнической эксплуатации в этой области. Это значит, что технически одаренных людей можно будет на какое-то время поработить. Но они постепенно исчезнут, если до этого не перейти к независимой, эмансипированной, свободной, продуктивной духовной жизни. Перед этим кризисом человек стоит повсюду там, где огосударствление духовной жизни испытывает радикальный прогресс. Поскольку, как два других члена социального организма, правовая-политическая и экономическая жизнь, имеют свои собственные законы, как экономическая жизнь всё превращает в товар, как государственно-правовая жизнь включает в свою организацию, ставит под свои закономерности то, что не вписывается в экономическую жизнь, так и духовная жизнь, следуя своим законам, должна эмансипироваться от двух других.

Эти три области социального организма, безусловно, необходимы: духовная область, государственно-правовая область и экономическая область. Поэтому, это также три главных вопроса нашего времени. Этими тремя главными вопросами современности являются вопросы правильной организации духовной жизни, правильной организации государственно-политической жизни и правильной организации экономической жизни.

И это повсюду проявляется там, где возникают сегодняшние нелепые попытки. Посмотрите на то, что исходит сегодня от конфессий, например, в Центральной Европе, в Германии, где евангелические усилия по достижению единства, усилия младокатоликов и так далее, направлены на попытку гальванизировать старое, выжать из старого ещё что-то жизнеспособное, чтобы иметь какую-то духовную жизнь, поскольку у них нет мужества для продуктивности в духовной жизни. Повсюду можно увидеть нелепую попытку зародить новую духовную жизнь. Конечно, эта попытка, выжать из старого лимона ещё что-то, не приведёт к действительно духовной организации. Этого можно достичь, только обратившись к продуктивной духовной жизни. Но мы повсюду видим лишь нелепые попытки. Мы видим, как появляются американцы для возрождения старого христианства, поскольку они считают, что человечество не может оздоровиться на основе старых государственных принципов. Но нигде нет понимания того, что духовную жизнь необходимо производить заново из её первоисточников. Повсюду халтурится то, что уже есть. Это показывает, что и здесь человек инстинктивно уже стоит на пути, но ещё не нашёл в себе мужества установить самостоятельную духовную жизнь в её действительной чистоте.

С другой стороны, мы видим, как старый государственный принцип, сложившийся в Европе с 15-го, 16-го столетий, испускает последний вдох. Поскольку что же это такое, эти чудовища, которые называют мирными договорами и тому подобным, которые появляются со времен Брест-Литовска и Версаля, - что это такое, как ни умирающий государственный принцип, который не может больше организовать из себя ничего плодотворного, который создает образования, которые не могут сохраняться? Чехословакия, например, не сможет сохраниться, потому что у нее нет того, что ей нужно. Должно быть снова организовано польское государственное образование. Оно не может быть организовано. И так далее. Государственная жизнь может вновь стать здоровой только в том случае, если она будет строиться на демократическом принципе равноправия людей, то есть если она будет включать в себя вопросы, которые являются вопросами каждого совершеннолетнего человека.

¹³Игра слов: зверинец = Menagerie, машинерия = Maschinerie (прим. пер.)

Пока сегодняшняя жизнь остаётся хаотически перемешанной, продвинуться дальше нельзя. Здесь мы видим, как, с одной стороны, государственная жизнь действительно испускает дух, но, с другой стороны, она уже показала, как она должна заниматься регулированием труда. Мы видим, как перед ним вырастают задачи. И тогда можно сказать: У нас есть, таким образом, духовный вопрос, который виден в тех нерешительных попытках, которые проявляются в евангелических усилиях по единству, в усилиях молодых католиков; у нас есть вопрос государственно-правовой вопрос, который проявляется, например, в мирных договорах; но у нас есть также и экономическая жизнь, которая является третьим большим вопросом современности, из-за которого, по сути, ведь, и разгорелась огромная война против Запада, и который выплескивается в том, чем являются в революционные и подобные им импульсы.

Это надо рассмотреть с разных точек зрения. Среди прочитанных мною здесь лекций вы найдете одну¹⁴, которая содержит в себе эти вещи. С этой точки зрения трёх больших вопросов нашего времени мы должны рассмотреть нашу первую тему. Мы должны обсудить то, что сегодня есть большие вопросы: духовный вопрос, государственно-правовой вопрос и экономический вопрос, что поэтому трёхчленность - это не то, что выдуманно, а то, что считано из великих вопросов времени, и что, с другой стороны, то, что подготавливалось как антропософская духовная наука, как раз, является основой для действительно продуктивной духовной жизни.

То, чем в древние времена была духовная жизнь в конфессиях, от которой нынешние университетские науки являются лишь ответвлениями, - эта духовная жизнь пришла в упадок; другая же ещё не смогла начать жить как духовная жизнь, то есть, та, что выросла из естествознания и техники. Это ещё не могло быть одухотворено. Это должно быть обусловлено тем же образом мышления, из которого возникла старая духовная жизнь. Духовная наука вновь станет столь же продуктивной, как и прежняя наука, которая пришла в упадок в религиях.

Это то, что даёт духовной жизни её содержание, её импульс. И когда вы взглянете на это дело таким образом, когда вы правильно распознаете, что на вопрос: Откуда должна взяться свободная духовная жизнь? - вы можете с полной убежденностью отвечать: Мы должны не только говорить о потребности в свободной духовной жизни, но у нас также есть нечто, что может быть помещено в эти рамки свободной духовной жизни, нечто, что производит дух, что есть живой дух. Тогда вы сможете указать на антропософский источник, который к нему относится. Тогда вы сможете нечто развить, что, если вы хотите принести это людям, должно быть принесено им с определённым энтузиазмом, так, чтобы внутреннее, как бы, обращалось вовне, чтобы то, чем вы являетесь как люди, с чем вы срослись, действительно донеслось до публики. Это должен быть один тон, который вы используете в своих лекциях. Вам должно быть ясно, что антропософия даёт свободной духовной жизни содержание и пищу.

С другой стороны, вы найдёте другой тон, если глубоко почувствуете, что экономическая жизнь всё превращает в товар, что то, что не должно быть товаром, должно быть изъято из экономической жизни. Тогда вы найдёте сухой тон трезвого размышления, который должен пронизывать ваши лекции, когда вы говорите об экономической жизни. Поскольку тогда вы можете говорить трезво, сухо, тогда вы должны говорить так, будто должны делать расчеты.

И так, вы найдёте два нюанса, которые вам нужны для ваших лекций, и вы найдёте их отличными друг от друга: сухой, трезвый тон сухого экономического оратора и одухотворённый тон того, кто говорит о свободной духовной жизни не просто как о политическом идеале, а говорит так, что знает, что в неё входит.

И затем, ритмично перемещаясь между ними, - вам не придётся молотить судорожные фразы, - вы найдёте третий тон, тот тон, который вам нужен для обращения с государственно-правовыми вопросами.

¹⁴Вероятно, это публичная лекция, прочитанная в Штутгарте 18 июня 1919-го года на тему: «Свобода для духа, равенство для закона, братство для экономической жизни», в томе «Преобразование социального организма», GA Bibl.-No. 330.

Но необходимо, чтобы вы в своих настроениях, как бы, сами интенсивно разделились на три части, чтобы правильно их распознавать, чтобы вы по-разному вели себя в своей душе по отношению к духовной жизни, к государственно-политической жизни и к экономической жизни. О духовной жизни говорят с внутренней силой и убежденностью; говорят так, что действительно знают: каждый человек является законным участником гармоничной духовной жизни человечества, гармонии духовной жизни человечества. О духовной жизни говорят, исходя из внутренней силы и убеждения; говорят так, что человек, собственно, знает: каждый является полноправным участником гармоничной духовной жизни человечества, гармонии духовной жизни человечества. О жизни государства говорят так, что позволяют душе колебаться от одной чаши весов к другой: обязанности - права, обязанности - права! Говорят с определённой холодной рассудительностью (Überlegenheit), которое, ведь, не нуждается в том, чтобы быть рассудительной лживостью старых государственных деятелей; но это делается с известной рассудительностью, поскольку в государственно-правовой жизни одному человеку предоставляются такие же права, как и другому. А об экономической жизни говорят, правда не так так, будто вам нужно управлять собственной фондовой биржей; это не приводит ни к чему разумному, а говорят с таким чувством, будто вы держите в кармане чужие кошельки и должны ими управлять. Тогда говорят с таким чувством, будто к делу нужно подходить как можно осторожнее, что многое может обернуться иначе, чем вы себе это представляете. То чувство надёжности, которое человек испытывает по отношению к духовной жизни, - в духовной жизни, если её правильно понимать, никогда не может пойти что-то не так, - это чувство надёжности невозможно иметь по отношению к экономической жизни. Тут что-то может пойти и не так. Это также должно быть и в тоне, с которым вы говорите об этой вещи. Поэтому в «Основных пунктах» вы найдете: О духовной жизни говорят с абсолютной уверенностью и определённой; там, где речь идёт об экономических отношениях, это всего лишь пример, чтобы создать ощущение, что это могло бы быть также и иначе.

Это то, что придаст вашим речам определённую внутреннюю силу: если вы внутренне интенсивно разделены на три части. И это то, что я вам рекомендую сделать: немного углубиться внутрь себя, чтобы вам удалось встретить этот тон. Поскольку большинство из вас молоды, то, если вы обратите внимание на эту трёхчленность человека-оратора, это станет, своего рода, средством придания силы вашей работе.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

14 февраля 1921 года (вечер)

Будет правильным добавить сейчас некоторые формальности, чтобы затем иметь возможность снова перейти к содержательному рассмотрению.

Я показал до этого, что посредством углубления во всё существо и смысл предмета в том или ином члене трёхчленного социального организма можно найти, как бы, верный тон. Он получается сам собой, если правильным образом жить в предмете.

Сейчас я хотел бы дать ещё кое-что в этом направлении. Но я хотел бы предварительно заметить, что, конечно, если речь идёт о практических советах, то дела всегда могут обстоять несколько иначе, и что о таких вещах можно говорить только как о примерах, - да, что в одном случае надо обходиться с этими вещами одним образом, а в другом - другим. Но когда я представляю себе, что может подойти в отношении вашего ораторского воздействия, как раз, для случаев ближайших недель, то прежде всего я хотел бы обратить внимание на то, что

для оратора в каждом отдельном случае огромное значение имеет совершенно определённый внутренний настрой.

Видите ли, худшее, что вы могли бы сделать, это, несомненно, взять тему, например, «Великие вопросы современности в связи с трёхчленностью социального организма», и, поскольку вы будете произносить целый ряд речей в разных местах в течение недели, повторять это снова и снова, как бы, заучивая наизусть отдельные формулировки. По внутренним, объективным причинам это, вероятно, наихудший метод, который можно выбрать для такого дела. Ответственную и деловую манеру речи можно развить, собственно, только в том случае, если каждая ваша речь будет в определённом смысле субъективной, личной, чем-то новым. Поэтому необходимо, даже если произносишь речь тридцать раз или даже, возьмём редкий случай, сто раз подряд, хотя бы и так, как я вскоре укажу, каждый раз воспринимать её как нечто новое и каждый раз испытывать определённое уважение и внимание к содержанию речи, затем в основных нюансах - заметьте, что я говорю, - в её основных нюансах, снова и снова позволять ей выступать перед своей душой, прежде чем её произносить, - каждый раз, мысленно проживать её снова и снова, не столько в отдельных фрагментах и формулировках, сколько в основных нюансах. То, как вы к этому подойдёте, зависит от вашего отношения к материалу. Я знал актёров и актрис высочайшего уровня, которые уверяли меня, что они получали чувство, что хорошо сыграли роль, только когда играли её примерно в сотый раз. Ну, конечно, в каком-то смысле в этом есть некая иллюзия; у них это было и в сорок девятый, и в пятидесятый раз, но только по сравнению с предыдущими разами. Но, любом случае, есть способ проявить одинаковое уважение и внимание к содержанию речи, независимо от того, как часто вы её произносите. И, по сути, единственное, что поддерживает в вас необходимую свежесть по отношению к речи, - это чувство, что вы, собственно, никогда не сможете насытиться соответствующим материалом, даже если он повторяется почти одинаково.

Тот, кто, по отношению к речи, которую ему предстоит произнести, чувствует, что она ему уже наскучила, или что ему наскучило произносить её, потому что он произносил её уже много раз, представляется мне таким, будто он ел целый месяц, а первого числа следующего месяца говорит: Мне наскучило есть, поскольку это всего лишь повторение того, что я делал в течение предыдущих тридцати дней; я не хочу делать это снова. По сути, организм, в отношении своих важнейших функций, каждый день монотонным образом делает одно и то же, за исключением того, что немного меняется последовательность приёмов пищи. Но так, можно, ведь, нюансировать и мысли лекции, чтобы происходило разнообразие, как и в случае с приёмом пищи. Но в основном для организма остается монотонным: быть голодным - насыщаться, иметь жажду - пить, и так далее, и это, по сути, никогда всерьёз не надоедает.

Наш интеллект, наша душевная жизнь вообще, впадая в декаданс, определённым образом отклоняется от живого роста как природных, так и духовных элементарных сил; она отклоняется тем, что хочет, как бы, иметь всё только один раз, а затем «имеет» это. Продвигаясь вперёд в душевном развитии, человек снова возвращается к тому, что имеет природа и первоначально духовные элементарные силы: к ритму, к повторению одного и того же. И когда мы работаем в духовном мире, в сфере духовного, мы должны прийти к этому возврату, к тому, что стоит ближе к изначальным творческим силам, стоит ближе, чем наша упадочная интеллектуальная и душевная жизнь. Это, по сути, уже приняли во внимание религии. Поскольку они, ведь, не дают вам каждое утро и каждый вечер повторять новые молитвы, а дают вам одни и те же. И они предполагают, что это не скучно, что это действительно соотносится со всем душевным развитием человека так же, как пища и вода с органическим развитием человека. И мы можем настроить себя для того, что мы делаем в духовном, особенно в таком случае, как ораторское искусство, так, что, даже повторяя одно и то же бесчисленное количество раз, мы всегда снова и снова с тем же интересом внутренне проводим перед собой содержание, прежде чем изложить материал. Только когда, когда мы таким образом внутренне проводим перед собой содержание, - пусть это иногда и занимает

всего несколько минут, - только тогда мы обретаем правильное отношение к тому, что хотим высказать. Только так мы обречем также правильное чувство ответственности.

И нам необходимо это чувство ответственности, когда мы оказываемся в таком положении, в каком окажитесь вы на следующей неделе. Поскольку вы должны осознавать, что не просто что-то говорите людям своей речью, а что мы находимся в исторически-мировом моменте, и что ваша речь что-то значит для этого исторически-мирового момента. Вы должны очень ярко поставить перед своей душой последствия того, что вы делаете. Вы должны сказать себе примерно следующее: Я должен дать людям нечто такое, что, если это до них дойдёт, будет фигурировать действительно как единственное средство для того, чтобы привести мир к подъёму, в то время как повсюду нас окружают силы упадка.

И если вы по отношению к этим вещам будете занимать такую позицию, то вы также правильно оцените и то, что из всех углов проявляется как враждебность к нашему делу, которая со всех сторон подстерегает на пути, на который вы хотите теперь вступить. Эта враждебность, как раз, внутри нашего движения, остаётся без внимания со стороны большинства наших членов. Они не любят этим заниматься, и это, как раз, отсутствие интереса к современной истории. Но мы должны говорить и действовать, исходя из интереса к современной истории. Наши слова приобретают действительный вес только тогда, когда мы действуем, исходя из них. Нам непозволительно относиться к этой враждебности легкомысленно. Иногда, как раз, в рамках нашего движения, просто опускаются руки, когда видишь, как люди остаются совершенно флегматичными к страшным обвинениям, которые выдвигаются против антропософии, против трёхчленности, а теперь и против «Грядущего Дня» и так далее. Тогда противники, если можно так выразиться, совсем другие ребята. Иногда они бывают совершенно гнусными, тонкими обманщиками. Но за их обманом стоит огромное рвение. И они находят слова, исходя из определённого энтузиазма, часто, и даже чаще всего, из энтузиазма ко злу, или также из энтузиазма неспособности, которая себя защищает, поскольку не может утвердить себя перед лицом того, что утверждается. Но в этом в определенном смысле есть энтузиазм, воодушевление; даже в ругательствах есть энтузиазм. Люди не находят нужных слов, если они привлекают их искусственно. Но нужные слова находятся, если вы можете извлечь их из общего настроения по отношению к делу. Это то, на что мы должны настроиться как в письменных вещах, так и в устных. Мы не должны бояться сталкиваться с самыми сильными возражениями, которые так бесстыдно высказываются против антропософии, против трёхчленности и так далее. И мы должны осознавать, что, благодаря этому, по сути, придаётся определенный оттенок и позитивному.

К предметному принадлежат также те вещи, которые мы выдвигаем нашим противникам в ходе наших позитивных речей, уделяя при этом как можно меньше внимания защите себя. Поскольку, видите ли, конечно, иногда нужно защищаться, я уже говорил об этом, но что, собственно, означает защита перед такими индивидуальностями, как Макс Дессуар и ему подобными? Напротив, очень важно охарактеризовать, какой позор для немецкой образовательной и университетской жизни иметь таких людей в качестве доцентов. Это общекультурное явление представить в правильном свете, - это то, для чего нам нужно найти правильные слова и их нюансы. И тут хорошо описывать вещи, я бы сказал, определённым образом красочно. Тут для этого красочного описания вам надо попытаться найти чернила и цвета из вашего жизненного опыта. Карма существует, только если вы её правильным образом принимаете во внимание. Уже эта карма принесёт вам нюансы.

Видите ли, в своих «Загадках души» я привёл тот своеобразный факт, о котором упоминал Макс Дессуар в своём толстом томе, который он написал, что он является одним из тех людей, которым внутренняя определённость души предписывает иногда останавливаться в последовательности мыслей, не идти дальше; что это может с ним случиться даже во время лекций, когда он вдруг настолько переполняется силой того, что он должен выразить, что - он не говорит прямо, что его разум останавливается, но это что-то вроде того, - его разум останавливается. Я выделил это в своих «Загадках души». Несколько недель назад я получил письмо от одного моего друга, который, как раз, слушал лекции Дессуара в Берлине в то

время, на которых действительно происходило то, что разум Дессуара останавливался. Студенты называли эту странную университетскую мебель «красавчиком Максом», поскольку у него была привычка, - как пишет этот друг, - каждую неделю надевать жилет другого цвета и выступать в нём. Видите ли, это, ведь, всего лишь имитация. Подобная слабость была и у более великих людей, чем Макс Дессуар. Например, однажды с известным крупным философом Куно Фишером случилось так, что в парикмахерскую, которая находилась напротив здания университета в Хайдельберге, пришёл молодой студент. А этот парикмахер, разумеется, очень интересовался университетом и его студентами. И тогда он вступил в разговор с этим ярким лицом, который, как раз, собирался поступать к Куно Фишеру. Он поведал ему, что хочет пойти к Куно Фишеру. «Сегодня он что-то напишет на доске», сказал парикмахер. «Откуда Вы это знаете?», спросил удивлённый студент. Он был, как раз, здесь недавно и попросил сделать ему сзади пробор; когда он это делает, он всегда что-то пишет на доске; потому что тогда ему надо повернуться спиной». - Далее, этот «красавчик Макс» однажды был в том положении, что от него неожиданно улетели все мысли. Тогда он начал становиться диким, разумеется в соответствующем этой неделе жилете. Кто-то сидел перед ним с газетой в руках, и он набросился на него, ужасно обругал, поскольку тот, по его мнению, читал эту газету и был виноват в том, что у него улетучились все мысли. Через пять минут мысли к нему снова вернулись. - Это действительно записано, это можно доказать документально!

Таким вещам можно придать нюансы. И очень часто обнаруживается, что можно использовать некоторые краски, когда хочешь описать особенности системы образования в наши дни, как они проявляются в университетах. Помимо вредных, раздражающих и разрушительных сторон, у них есть и забавные стороны. Я сам знал, если мне будет позволено ещё это упомянуть, одного химика; он был профессором химии и технологии органических веществ. Каждый год он говорил на своих лекциях: Да, есть, собственно, только три великих химика: один - Лиебиг (Liebig), второй - более поздний, Горуп-Бесанец (Gorup-Besanez), и скромность не позволяет мне упомянуть третьего.

Как уже сказано, речь для нас идёт не о том, чтобы делать акцент на защите, что, конечно, может иметь место; а речь идёт о том, чтобы представить весь вред подобных культурных явлений. То есть, чтобы мы показали себя достаточно сильными, чтобы судить о, так называемых, духовных течениях современности. Мы можем позволить втекать это в позитивное представление повсюду, и таким образом, возможно, лучше всего доносить это до душ. Поскольку, если мы хотим в них проникнуть, мы непременно должны уметь создать в душах наших современников отвращение к некоторым современным явлениям. Мы должны быть в состоянии внедрять правильное суждение о том ужасном, что, собственно, происходит из-за неспособности среди нас, а особенно из-за лицемерия среди нас. Чтобы мы могли делать это правильно, нам нужно просто внимательно следить за манипуляциями этих людей и не позволять им проделывать какие-то вещи. Мы должны чётко подчёркивать именно симптоматическое, характерное. В наше время господствует, - и мы будем сталкиваться с этими вещами всегда, - ужасное лицемерие, особенно в области, так называемой, науки. И это лицемерие, которое, собственно, становится тем сильнее, чем дальше мы продвигаемся от естественнонаучных факультетов, философских факультетов, через медицинские факультеты, в некоторые другие области, это лицемерие мы должны снова и снова предъявлять нашим современникам, характеризуя его на отдельных примерах. Это имеет большое, огромное значение. Поскольку сегодня у нас нет правильного, энергичного чувства того, что, собственно, означает такое лицемерие, такая ложь, насколько она развращает умы (Gemüter) людей, когда тот, кто в остальном является учёным, в рамках своего влияния в то же время запятнан определённой ложью. И мы добьёмся немало даже в долгосрочной перспективе, пусть и не сразу, если нам удастся заставить наших современников осознать лицемерность нашей нынешней образовательной жизни. Но мы найдём для этого верный ораторский нюанс, если будем говорить, исходя из того настроения по отношению к делу, которое я охарактеризовал выше.

Затем, видите ли, как раз, когда находишься в ситуации, подобной той, в которой вы окажетесь в течение следующих нескольких недель, похоже, важно одно: жить в материале, который вы хотите преподнести, чтобы вы, собственно всегда, как бы, боролись с этим материалом во время выступления, чтобы вы готовились так, чтобы позволять вещам являться перед своей душой в намерениях, в мыслях, но не в формулировках, поскольку за формулировки вам, собственно, нужно сначала побороться перед вашими слушателями. Поэтому лучше готовить лекцию не вплоть до формулировок, а ограничиться лишь некоторыми ключевыми фразами. В зависимости от вашего субъективного ощущения вы можете записывать ключевые предложения. Не ключевые слова! Это то, что обычно вводит оратора в заблуждение. Но ключевые предложения, как бы, темы отдельных абзацев. Например, вы записываете: «Экономическая жизнь имеет свои законы, она всё превращает в товар». А затем вы говорите об этом, используя это не как отправную точку, а как тему абзаца, как нечто такое, вокруг чего кристаллизуется остальное. Вы говорите, опираясь на такое ключевое предложение. Затем вы переходите к следующему ключевому предложению.

Буквально хорошо иметь, - но не буквально в памяти, а по смыслу, - только то, что охватывает примерно первые пяти-шесть предложений лекции и то, что охватывает последние пяти-шесть предложений. Иметь наизусть остальное не хорошо ни при каких обстоятельствах, поскольку тогда очень сильно ухудшается внутреннее живое отношение. Но необходимо довольно точно сформулировать первые пяти-шесть предложений и последние пяти-шесть предложений. Поскольку у оратора, который говорит перед публикой как человек, а не как говорящий автомат, как правило, при первых пяти-шесть предложениях присутствует волнение. Как раз, если он человек, а не говорящая машина, то это так. Это очень хорошо, это волнение. Оно может иметь самые различные нюансы. Может быть так, что, благодаря этому волнению, при первых пяти-шесть предложениях, если они хорошо сформулированы, появляется внутренняя живость, и эти формулировки обуславливают определённое внутреннее отношение к ней, в то время как, если эти предложения не сформулированы, может легко произойти так, что оратору ничего не придёт на ум или нечто подобное, не правда ли. Например, я знал одного в остальном превосходного человека, который обычно читал лекции. Но однажды он захотел, - мне кажется, как будто это всё ещё стоит передо мной сейчас, я так хорошо это помню, - он захотел сказать хотя бы первые предложения по памяти, но ему это не удалось. Ему пришлось прочитать первое предложение, первое слово, настолько он привык к манускрипту. Таким образом, хорошо жить полностью внутри темы, вплоть до формулировки, в первых пяти-шесть предложениях.

Что касается последних предложений, то снова дело обстоит так, что если вы человек, а не говорящий автомат, то когда вы дочитываете до конца, вы оказываетесь под впечатлением от всей своей речи, и потому в неё входит определённая живость, как раз, в конце, и в конце вы не могли бы каждый раз находить правильную формулировку, чтобы не испортить конец, если бы как следует не подготавливались к концу, к последним пяти-шесть предложениям.

Так что для таких «речей по случаю» в лучшем смысле этого слова, которые вы должны произносить, как раз, по требованию времени, несомненно, лучше всего принести с собой первые пять-шесть написанных предложений, затем ключевые предложения, и затем последние пять-шесть предложений. Но если я могу дать вам совет, который я, однако, прошу вас не воспринимать так, будто его необходимо соблюдать при любых обстоятельствах и выполнять то, что я только что сказал относительно листка, который вы берёте с собой, то совет будет таким: Запишите на листке бумаги первые пять или шесть предложений, затем ключевые предложения, затем последние предложения. Придерживайтесь этого. А потом сожгите это! На следующий день или для следующей лекции сделайте то же самое. И также сожгите это снова. Лучше сделать это пятьдесят раз, чем позволить себе хранить этот листок бумаги на протяжении всех пятидесяти лекций.

Это нечто такое, что принадлежит к внутреннему оживлению отношений человека к материалу. Надо таким образом быть готовым с живым материалом лекции, как вы 14-го февраля были готовы с тем, что вы ели 13-го февраля. Это вполне может служить правилом.

Поскольку, видите ли: в определённых областях деятельности речь идёт о том, чтобы снова найти путь назад к элементарным жизненным отношениям. Только, благодаря этому, мы можем вырвать духовную деятельность из той природы плесени, которую она имеет потому, что в абстрактной разумной жизни есть нечто вроде: человек хочет испытать что-то только один раз; как только вы что-то испытали, это больше не вызывает никаких сенсаций, и тому подобного. Конечно, верно, что если человек привыкает к чему-то вроде того, что я сейчас описал, он постепенно приходит к тому, чтобы получать то, что он духовно производит, из гораздо более глубоких областей, чем из тех весьма сомнительных областей, которые с пространственной точки зрения находятся в человеке на самом высоком уровне. И это чрезвычайно важно, чтобы, как раз, самые возвышенные духовные вещи приходили не из этих регионов головы. Поскольку этот регион бесцветен, трезв; он, собственно, таков, что, как бы это парадоксально ни звучало, никого, кроме нас самих, по сути, не касается. Та ясность, которую может обрести разум, касается, собственно, только человека, который является носителем этого разума.

То, что мы должны сказать миру, основывается не на том, что мы понимаем, а на том, что мы прожили, прочувствовали, благодаря чему мы испытали боль и страдание, счастье и преодоление. И, мои дорогие друзья, содержание того, что мы должны сказать миру в следующие недели, если позволить этому содержанию проходить через душу, мы можем каждый день ощущать заново, как преодоление и страдание и, если мы некоторым образом сможем почувствовать, что должно быть, также как счастье, как спасение. Но, прежде всего, мы сможем ощутить сильное чувство ответственности. Всё это можно проделывать каждый день. И это намного лучшее приготовление, чем любые диспозиции и всё то, что даётся во многих риториках. Это живое внутреннее отношение к предмету является тем, что нас, собственно, действительно подготавливает таким образом, что образует то неуловимое, которое возникает между нами и нашей аудиторией, какой бы большой она ни была.

В основном именно в этой области можно заметить, насколько мы стали абстрактными и теоретическими людьми. Однажды я слушал одну лекцию Германа Гельмгольца (Hermann Helmholtz) перед большой аудиторией. Он достал свой манускрипт и прочитал всю лекцию от первого до последнего слова. После того, как эта процедура с публикой была закончена, ко мне подошел один мой друг, театральный режиссер, и спросил: «А для чего, собственно, всё это было?» Ведь, эта лекция была уже распечатана и её можно было просто раздать каждому слушателю. И если бы Гельмгольц, которого, ведь, очень ценили и почитали, просто обошёл всех и пожал каждому руку, то это принесло бы всем гораздо большее удовлетворение, нежели трата времени на слушание того, что можно прочитать самому, если это напечатано.

Это мы, собственно, всегда должны держать перед душой: что напечатанное, то есть, также всё, с чего можно считать, что уже записано, является чем-то другим, нежели произносимое слово. И даже если время от времени случается, - по причинам, не связанным с чисто художественными и подобными им причинами, - что произнесенное слово записывается, что это ариманическое искусство практикуется, и что это снова читается, то всё же нельзя утаивать, что вся эта процедура является, по сути, в самом высоком смысле бессмыслицей. Эту бессмыслицу приходится практиковать по определённым причинам. Но тем не менее она остаётся бессмыслицей. Поскольку то, что говорится, для того, кто смотрит на вещи с художественной точки зрения, не может быть одновременно напечатано или написано. Поэтому я не мог не почувствовать, когда тот директор сказал мне, что было бы разумнее, если бы Гельмгольц просто пожал всем руки и раздал свою напечатанную лекцию.

Это те вещи, которые нужно иметь в виду, поскольку, по сути, это риторика, а то, что стоит в риторике, - это в основном то, что, собственно, выполнить невозможно. Поскольку это, по сути, дебри, перемолотая солома, с которой вы ничего не сможете начать, если хотите оставаться в своём деле живым.

Ну, видите ли, это такие формальности, которые, я бы сказал, могут содержать только советы, но которые могли бы быть, я не хотел бы сказать, продуманы, но прочувствованы вами. И если вы их прочувствуете, то сможете, как раз, наилучшим образом подготовиться к

своей работе в ближайшие недели. Поскольку из чувств, которые вы разовьёте по отношению к таким советам, в вас вырастет представление о том, что вы, собственно должны делать с материалом, над которым вы будете работать в ближайшие несколько недель. И то, что ещё остается сказать в этом направлении, это примерно следующее:

В таких речах, которые вы собираетесь сейчас произносить, даже если темы прорабатываются так, как я обозначил ранее, всё равно хорошо начинать с чего-то, что относится к сегодняшнему дню, с какого-то повседневного события, которое является симптоматичным для всего сегодняшнего положения. Ведь, мы живём во времена, когда подобные события происходят действительно каждый день. Достаточно лишь немного понаблюдать за современной историей, и мы повсюду заметим симптоматичные события. От них мы тогда сможем исходить. Благодаря этому, мы сразу же создаем некую общую атмосферу между нами и слушателем. Поскольку слушатель знает суть дела, мы её знаем, и мы создаём тогда такую коммуникацию, которая имеет совершенно особое значение в речах о современной истории или, лучше сказать, в тех речах, которые призваны оказать влияние на развитие времени.

Или вы также можете рассказать о более отдаленном симптоме. Особенно подходит приём правильной концентрации внимания, когда рассказывается что-то, на первый взгляд вообще не имеющее отношения к теме, но на самом деле имеющее с ней внутреннюю связь, что поначалу затрагивает слушателя несколько парадоксально, он не понимает, зачем вы это рассказываете; и затем делается попытка найти переход от чего-то столь далекого к тому, что вы, собственно, хотите развить.

Другим советом является следующий: что в определённых случаях чрезвычайно хорошо в конце вернуться к началу. Лучший способ добиться этого - это сформулировать что-то в самом начале, что вы либо задаёте как вопрос, пусть не педантично как вопрос, но подобно вопросу; тогда лекция становится рассмотрением этого поставленного вопроса; и в конце вы, собственно, приходите к ответу, так что всё завершается определённым образом. Это часто оказывает очень хорошее влияние на душу слушателя. Он усваивает тогда легче, чем обычно.

При определённых вещах может быть даже очень хорошо иметь, своего рода, лейтмотив, к которому после определённых абзацев возвращаются, пусть и в другой форме. Если вы будете что-то снова и снова повторять, воздействие будет негативным, но если вы вернётесь к этому в другой форме, вы, безусловно, сможете оказывать хорошее влияние.

Тогда вы будете также уже посредством формы нашей речи оказывать на слушателей некое реформирующее воздействие; я мог бы также сказать «воспитательное», если бы использование слова «воспитательное» не оскорбляло людей. Реформирующим образом можно воздействовать и посредством формального в речи. Видите ли, сегодня люди ожидают того, чтобы вы давали им как можно больше определений. Но мы хотим, как раз, избегать любых определений. Мы всегда хотим характеризовать. В частности, мы хотим охарактеризовать некоторые вещи с двух или более сторон, чтобы всегда вызывать представление о том, что у каждой вещи есть разные стороны, с которых её можно охарактеризовать. Мы не хотим делать компромиссов, мы также не хотим делать никаких других компромиссов в речи, но меньше всего этот: чтобы давать людям педантичные определения. Мы непременно должны вызывать впечатление, что то, что исходит из духовных оснований, что происходит из духовной науки, даже по своей форме должно являться современникам в ином виде, чем то, что возникает из материализма. То, что исходит из материализма, даже если оно, например, пронизано кажущимся религиозным, будет материалистичным; даже если этот материализм религиозно окрашен, он будет говорить существительными (in Substantiven). То, что исходит от духа, не может хорошо говорить существительными. Поскольку дух действует не субстанциально. Он находится в постоянном движении. Дух полностью вербальный (глагольный). Он растворяет существительные. Он предпочитает образовывать придаточное предложение, а не существительное. Таким образом, он избегает обхождения с существами как с кусками дерева, размещая их рядом друг с другом, или как с деревянными кольями. Эта расстановка вещей как деревянных

кольев материалистична. То, что схватывается духом, как раз, растворяет существительное. И важно, чтобы мы не делали в этом отношении никаких компромиссов с нашим материалистичным настоящим. Правда, - но в этой ситуации вы не окажетесь; поэту в настоящее время там оказаться легче; но не тому, кто должен говорить то, что говорить должны вы, - правда, если что-то погружено в визионерство или только в фантастическое, то существительные также могут появляться. Поскольку тогда имажинации - это формы. Каждый стиль имеет свой особый характер, присущий определённой области. Но то, что необходимо представить своим ближним в определенном отношении как новое в виде учения или воззрения, если оно исходит из духа, вовсе не будет чувствовать внутреннего побуждения ставить одно существительное рядом с другим.

Затем для вас будет также хорошо действительно привнести, я бы сказал, нечто моральное. Когда мы начинали наше антропософское движение, люди даже очень гордились, когда могли сказать: я там-то и там-то представлял теософские или антропософские взгляды, не говоря при этом, откуда они взялись, и не употребляя слова «теософия» или «антропософия». Это отрицание основы, на которой человек, собственно, стоит, стало настоящим безобразием, особенно в антропософских кругах, это нежелание явного исповедания какого-то предмета. Ну, я хотел бы вам сказать, что те люди, которых удалось склонить на свою сторону таким образом, избегая ясно и открыто говорить об этом вопросе, либо были склонены недействительно, либо, если их удалось склонить на свою сторону, бесполезны. Единственное, что имеет ценность для нашего дела, - это то, что приобретено в полной правде и с абсолютной честностью. И если мы сделаем это нашим ясным ориентиром, то у нас, возможно, и могут быть неудачи. Но там, где у нас будет успех, это будет настоящий успех. Мы ни в коем случае не должны утаивать от людей духовно-научное, антропософское основание. Даже если поначалу это будет действовать на большую часть людей как красная тряпка для быка! Ведь, самое плохое в таких вещах - это не красная тряпка, а бык.

Это те вещи, которые должны принадлежать к моральным нюансам нашего усердия в этом деле в ближайшие недели. А мы нуждаемся в этом рвении. Нам, ведь, не нужно чувствовать себя мучениками за какое-то дело. Но у нас должно быть чувство большой ответственности. У нас обязательно должно быть чувство, что мы говорим, исходя из развития нашего времени, исходя из истории. Чем больше у нас этого будет, тем лучше.

Возможно, сегодня я снова позволю себе вам напомнить то, о чём уже говорил много раз. Однажды мне захотелось разъяснить двум католическим священникам, как они ошибались, выдвинув своё особое требование после одной моей лекции. В одном южно-германском городе, который сегодня уже больше не является южно-германским городом, я читал лекцию о мудрости христианства. При этом присутствовали также два католических пастора. Это было в то время, и это было уже давно, когда приказ активно бороться с антропософией был внедрён в круги католического духовенства ещё не так интенсивно, как сегодня. И так там были также эти два пастора. После лекции они подошли ко мне. Теперь, не правда ли, с антропософией дело обстоит так, что на какую-то тему можно говорить долго и предметно, даже если слушает католический священник. Если он с самого начала не намерен бороться со всем, что не стоит на почве конституционно спаянной церкви, то он не заметит, что может что-то выдвинуть против. Те возражения, которые приходят, как раз, от Католической церкви, должны исходить из других областей, отличных от области истины. Итак, эти пасторы подошли ко мне и сказали: Да, мы ничего не имеем против содержания вашей лекции, - в то время это указание ещё не вышло из Рима, - но манера, в которой вы говорите, неприемлема. Поскольку мы говорим так, что это понимают все люди, а вы говорите только для определенного круга, который подготовлен. - Я сказал, у меня всегда было чувство, что во внешней жизни человек не становится нечестным, если он обращается к людям так, как

принято в этой внешней жизни; любому Хофрату я говорю «Хофрат»¹⁵, а каждому католическому священнику - «преподобный». Поэтому я сказал: Ваши Преподобия, считаете ли вы или я, что нечто предназначено для всех людей, - это не имеет значения. Само собой разумеется, что и вы, и я субъективно думаем так. Не в этом суть, важно то, поручено ли нам представлять нечто импульсами времени, должно ли это быть представлено, независимо от нашего субъективного состояния, или нет. И теперь я спрашиваю вас, предполагая эту добрую, субъективную совесть, все ли люди, желающие узнать что-то о Христе, ещё приходят сегодня в вашу церковь? Если в вашу церковь приходят все люди, то вы говорите для всех людей. Я спрашиваю вас совершенно объективно: Все ли люди приходят к вам в церковь? - Они, ведь, не могли ответить «да», это было невозможно. Тогда я сказал: «Ну, видите ли, с теми, кто больше не приходит к вам в церковь, но всё же хочет что-то услышать о Христе», - с теми говорю я. Это объективно. Тут мы, вы и я, можем субъективно думать, что говорим для всех. Не в этом суть. Важно то, что мы обретаем способность извлекать уроки из фактов так, как должно. - Конечно, это не вошло в голову двум достопочтенным господам, но тем не менее это правда.

Это, собственно, те вещи, которые я хотел вам сегодня рассказать в виде, так сказать, формальностей. Это не правила, а также не такие советы, которые следует принимать как догмы. Я уже в начале своих рассуждений сказал, что они подразумеваются скорее в смысле примеров. Их можно как угодно варьировать. Может быть, что вам будет необходимо в другой ситуации следовать другим руководящим принципам. Но я подумал, что те люди, которые тут сидят передо мной, как раз, в ситуации, в которой они могут оказаться в течение следующих нескольких недель, возможно, должны обдумать - некоторые так, некоторые иначе, - то, как они это организуют, чтобы правильным образом выступить перед своей публикой и, прежде всего, какую позицию они должны занять по отношению в делу, которое должны представлять, и которое должно быть совершенным или несовершенным образом выполнено. И здесь я подошел к тому, чтобы в формальном отношении сказать то, что я только что сказал.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

15 февраля 1921 года (после обеда)

Все будет зависеть от того, насколько общая направленность лекций, которые вы сейчас хотите представить публике, отличается от той, которая в основном лежит в основе дебатов, распространенных до сих пор. Позиция, которую вы должны занять, будет определяться прежде всего тем, что вам надо будет повсюду указывать на важность самого человека во всей социальной жизни.

Сегодня вы повсюду встретите социальные суждения, которые исходят из чего-то иного, нежели из человека как такового. Вы обнаружите социальные суждения, которые опираются на понятия капитала, на функции капитала и так далее, внутри социального порядка. Затем вы обнаружите, что о капитализме говорят так, будто это некая сила, пронизывающая мир, и что во всех разговорах о «капитализме», собственно, очень мало внимания уделяется существу человека как таковому.

Затем вы услышите разговоры о труде, о социальном значении труда; также и здесь вы, хотя и сможете почувствовать, что когда говорят о труде, то в основе его лежит человек, поскольку, ведь, это он трудится, но при этом труд как таковой отделяется от человека, а именно от человечества, и говорится о «самом труде».

Затем, в третьих, вы обнаружите, что говорят о товарах. Это может иметь положительное значение в рамках экономической жизни; но это всё же приводит лишь к заблуждениям и

¹⁵Хофрат (Hofrat)- функциональный титул в Священной Римской империи (а позднее и в государствах-преемниках Германского союза). Hof = «двор», Rat = «совет», то есть: «служащий дворового совета». Сегодня Хофрат - официальное и профессиональное звание в Австрийской Республике. (прим. пер.).

искажённым социальным представлениям, если повсюду не учитывать существо человека как такового.

Конечно, как раз, когда мы обращаемся к трёхчленности социального организма, нам нужно чётко различить между тем, что, я бы сказал, как область человеческой деятельности должно изживаться на духовном поле, и тем, что должно изживаться в государственно-правовой сфере, и, наконец, тем, что должно изживаться на хозяйственном поле. Но невозможно правильно сформировать эти представления о человеческой деятельности, понимаемой так односторонне, если не обращать взор на существенное человека как целого. Именно это обращение взора к существенному человека как к целому приводит нас к необходимости того, что внешний социальный порядок должен подразделяться на охарактеризованные соответствующими текстами три области.

Теперь, однако, в современных мировоззрениях люди, собственно, постепенно исключаются из рассмотрения. Вы повсюду обнаружите, что человек как таковой исключён. Прежде всего вы обнаружите это в самой узкой духовной области, - в области науки. Наука рассматривает царства природы: минеральное царство, растительное царство, животное царство, затем рассматривает развитие животного царства вплоть до человека и представляет человека как более сложное, преобразованное, метаморфозированное животное. Но она не доходит до того, чтобы рассматривать самого человека. Она представляет человека лишь как конечный пункт животного ряда. Это уже давно является целью науки. Но это лишь симптом того, что сущность человека выброшена из чувства и мышления. Если бы в наше время люди обладали сильным чувством чисто человеческого в самых разных областях жизни, то они не были бы в состоянии выбросить человека из, так называемой, науки и относиться к нему только как к конечному пункту.

Но вы также видите, как человек исключен из институтов, которые составляют сегодня основу духовной жизни. Он, ведь, насколько это возможно, захвачен правилами, которые исходят не от него самого; или он оказывается включённым в действие сил, которые приходят из экономической жизни; но очень, очень мало внимания уделяется тому, что представляет собой человек как человек в общественной жизни. И так приходят к определениям всего возможного: капитала, труда, товаров; но человек полностью выпадает из этого рассмотрения.

В жизни самого государства весьма странно, как в последнее время, особенно в странах Центральной Европы, с огромной интенсивностью утрачивается чувство того, что всё, что представляет собой государство или любое другое сообщество, существует, собственно, ради человека, а не человек - ради государства; что все институты, возникающие из этих сообществ, в конечном итоге должны быть направлены на развитие самого человека в полноценное человеческое существо, в полноценную индивидуальность, насколько это только возможно.

Как часто, как раз, в последнее время повторялось, что человек должен пожертвовать всем ради общества. Да, мои дорогие друзья, если то, что поначалу кажется звучащим довольно хорошо, а именно, что человек должен пожертвовать всем ради общества, будет введено в жизнь практически, то это постепенно приведёт к величайшей атрофии общественной жизни. Поскольку ничто не устанавливает общественную жизнь лучше, чем то, что в рамках этой общественной жизни отдельные человеческие индивидуальности могут развиваться в самом полном смысле этого слова во всех отношениях. Те, кто думает иначе, обычно упускают из виду главное.

Тот, кто развился как полный человек, который всесторонне проявил свою человеческую индивидуальность, в силу этого развития зависит от того, чтобы как можно больше отдавать общественной жизни; он уже наилучшим образом налаживает общественную жизнь посредством того, что есть в нём самом. То, что может быть развито в человеке, если его правильно вести и направлять, ни в коем случае не основано на эгоизме. Эгоизм, собственно, создается в человеке извне, а не изнутри. Эгоизм во многом порождается именно общественной жизнью. При решении социальных вопросов этому уделяется слишком мало

внимания. И поэтому также получилось так, что в наше время существует настоящая несоразмерность между само собой разумеющимся отсутствием эгоизма и щедростью в духовных вещах и эгоизмом и жадностью во всех материальных вещах. Относительно того, что люди производят духовно, по своей природе они не особенно скупы; из этого они хотели бы сообщить каждому так много, как это только возможно. Тот, кто сам является только поэтом, предпочтет отдать то, что он создаёт как поэт, всем людям самым щедрым и свободным от эгоизма образом, а не оставлять это себе. Сегодня люди поступают Иначе люди ведут себя по отношению к внешним, материальным благам: они хотели бы оставить их себе. Но они никогда не приходят к нам изнутри, а обусловлены тем, что нас окружает. И социальное искусство состояло бы в том, чтобы то, что нас окружает внешне, постепенно преобразовать так, чтобы человек мог обращаться с этим, как с чем-то принадлежащим ему изнутри, как с чем-то, что полностью исходит из его индивидуальности. Но для этого необходимо, чтобы люди усвоили образ мышления, подобный тому, что я сейчас описал вам в нескольких абстрактных предложениях. Этого они никогда не смогут сделать в рамках сегодняшней духовной жизни, поскольку эта сегодняшняя духовная жизнь, как раз, запрягает людей в повозку внешнего государственного или экономического порядка, а не исходит из того, чтобы то, что есть в человеке, развивать из него самого. В педагогике, когда говорят, что всё обучение и воспитание должно исходить от человека, - это остаётся абстрактным принципом. Этот абстрактный принцип совершенно не помогает. И те, кто больше всего его проповедует, обычно больше всего против него и грешат, например, на практике.

То, что наполнит человека таким образом мышления, направленного на человеческое как таковое, может быть только антропософски ориентированной духовной наукой. Поскольку она со всех направлений ведёт к признанию существа самого человека. Она безусловно ставит человека в центр всего рассмотрения. Возьмите, например, - хотя точно также за основу можно взять и другое, - мою «Тайную науку»: там земные стадии развития прослеживаются с помощью доземных состояний, - не важно, как они называются, - состояния Сатурна, Солнца, Луны и так далее. Но ни одно единственное из этих состояний не прослеживается так, как это делается в гипотезах новейшего естествознания. Что же у нас было в этом новейшем естествознании? Там у нас было сначала какое-то состояние тумана; в нём не было ничего от человека. И ещё долгое время в тех стадиях развития, которые возникали согласно представлениям естествознания, не было ничего от человека. Затем, вдруг, появляется человек, после того, как образовались другие существа. Затем он, в свою очередь, исчезнет, а с ним исчезнет Земля и всё остальное. И всё развитие заканчивается полем трупов. Тут всё, что думают о мире, о космосе, расчеловечено. И если бы мы не были вынуждены, - поскольку мы имеем на Земле это двуногое животное и поскольку это двуногое животное, в конце концов, делает что-то, что оно вообще мыслит, - если бы мы не были из-за этого вынуждены отводить человеку какое-то место, то его вообще можно было бы отбросить.

Но рассмотрите мою «Тайную науку»: там человек присутствует с самого начала. Ничто в космосе не рассматривается без того, чтобы там присутствовал человек. Всё приобретает смысл и одновременно становится основой для познания только тогда, когда рассматривается в связи с человеком. Нигде человек не исключается. Эта антропософски ориентированная духовная наука возвращает наше рассмотрение мир к рассмотрению человеческого существа.

С этим я даю вам некоторые мысли, которые будут для вас важны, когда вы выйдете отсюда, чтобы читать свои лекции, поскольку они должны дать вам то, что побудит вас следовать мыслям, которые ставят человеческое в центр социального процесса; и вы, я бы сказал, окрасите свою речь так, чтобы поставить человека в этот центр и будете избегать того, чтобы помещать его вне этого центра.

Взгляните на теоретическое рассмотрение последних лет; оно уже исключило человека из исходной точки, оно рассматривает его, собственно, только как, своего рода, «Luxus-объект» для познания. Но сходный путь приняло в новейшее время и национал-экономическое рассмотрение. Вернитесь назад, - а к этому восходит также, например,

марксистское, и другое мышление, - вернитесь к Адаму Смиту. Вы увидите, что там в центре рассмотрения оказались две вещи: во-первых, экономическая свобода и, во-вторых, частная собственность. Человек, собственно, нигде не является главной вещью. Конечно, время от времени на него обращают внимание, но он не стоит тут в первую очередь, он не стоит в центре этого рассмотрения.

Но, ведь, экономической свободы человек как таковой иметь совершенно не может! Поскольку экономическую свободу нельзя иметь как человеку; её можно иметь только как собственнику какого-то имущества. Человек как собственник какого-то имущества движется в социальном процессе и, обладая этим имуществом, он в некотором смысле имеет то, что Адам Смит называет свободой. Но он не движется в нём как человек, а приводит в движение имущество, вызывает процессы в этом имуществе. И эти процессы, вспашка, сбор урожая, если человек является владельцем такого имущества, или то, что человек делает в индустрии, они свободны, они независимы; но человек как таковой при этом вообще не входит в рассмотрение, когда речь идёт об экономической свободе.

А как обстоит дело с частной собственностью? Ну, надо вспомнить, что она должна быть каким-то образом обретена, посредством ограбления, посредством завоевания или посредством наследия, или ещё каким-то образом; то есть, она должна была как-то иметь дело с человеком. Но Смит рассматривает её не так, как человек образовал себе отношение к собственности изначально, а он рассматривает её как нечто абсолютно данное. Люди вообще рассматривают частную собственность так, будто люди подобны стаду свиней. Там они тоже рассматривают человека, обращая внимание не на него самого, а на собственность как таковую. Там национал-экономический способ рассмотрения выбросил человека.

Но это произошло уже не просто, хотелось бы сказать, из-за невоспитанности знаний или недостатка знаний, а из-за того, что, по сути, сама экономическая жизнь приняла эту форму. По сути, под влиянием новейшего абстрактного образа мышления экономическая жизнь развивалась автоматически сама. Человек постепенно отстранился и отдал себя на попечение тому, что было создано вне человека. Вы могли бы легко провести следующее рассмотрение:

Возьмите, скажем, господское поместье и проследите за ним, исключая то, что привнесли в него внешние силы посредством техники и так далее, проследите за ним на протяжении ряда поколений исключительно в отношении человеческого, которое, как раз, было устранено; переходите от владельца конца 19-го столетия к владельцу середины 19-го столетия, затем к владельцу начала 19-го столетия и так далее. То, как осуществлялся процесс, как помещичьи имения вмешивались в народно-хозяйственный процесс, вы можете, собственно, проследить, не слишком беспокоясь о землевладельцах конца 19-го столетия, землевладельцах середины 19-го столетия или землевладельцах начала 19-го столетия. Они гуляют по своим владениям, делают то, что вытекает из самого дела, и тогда вмешиваются в него; но это не имеет значения, невозможно отличить, является ли этот владелец владельцем конца 19-го столетия, середины или начала 19-го столетия. То, что важно, так это именно внечеловеческий процесс. То есть, уже объективно сложилось так, что человек был исключён.

Но он был исключён только с одной стороны, и это является причиной наших катастрофических условий. Он не был исключён в отношении одной определённой области духовной жизни: технического естествознания. Тут он вмешивался, но обе эти вещи не подходили друг другу. Одно было просто втиснуто в другое. Человек, правда, вмешивался и многими другими способами посредством того, что в результате пренебрежения к человеку всё больше и больше людей становились пролетаризированными. То, что было пролетаризировано, что, собственно, не имело в себе ничего другого, кроме человека, проявлялось снова. И потому в новейшем развитии то, что человек значил в экономическом и вообще во всём социальном процессе, абсолютно не развивалось, и отдельные области действовали друг в друге неорганически. Одна просто механически впихивалась в другую. Нигде нельзя сказать, что, например, техника развивалась так, что те, кто владел техникой, были владельцами товара, а можно сказать, что техника, я бы сказал, втиснула себя со

стороны в управление товарами. Конечно, ничего органичного из этого не вышло, а вышло то, что в конце концов с этим пришлось бороться. Всё, что в наше время борется друг с другом, по сути проистекает из этих фактов.

Но результатом этого - и вы должны теперь в своих лекциях представить это человечеству с противоположной точки зрения - является то, что люди всё больше и больше теряют из виду связь между всеми экономическими процессом и всё больше и больше сосредотачиваются на частичных процессах, то есть на том, как создается и функционирует капитал, как в национально-экономический процесс вписывается труд, как производятся товары, как они циркулируют и так далее. Но видение единого целого, ведь, совершенно не развито. Поскольку, видите ли, если рассматривать процесс взаимосвязей, процесс социальной жизни в целом, то нельзя сделать ничего другого, кроме как поставить человека в центр, всё соотносить с человеком.

Для этого, однако, есть один правильный образ мышления, только одна правильная духовная наука, поскольку она повсюду ставит человека в центр. Поэтому мне не надо было в «основных пунктах социального вопроса» спрашивать: «Из каких производственных отношений возникла социальная жизнь? Так спрашивает Маркс и ему подобные, так спрашивает также Родбертус. А я должен был спросить: Как возник современный пролетарий? Как возникли импульсы в современном пролетариате? - Ведь, это составляет содержание первой главы этих «Основных пунктов»: Как возник тот факт, что пролетариат всю духовную, нравственную, научную, религиозную жизнь, жизнь искусства, воспринимает как идеологию, как пролетариат оказался в таком положении? Тут человек был поставлен в центр. И это вы также обнаружите в следующих главах.

Но, только благодаря этому, - тому, что человек включается во всё космическое развитие, - понятия товара, капитала и труда получают своё правильное значение, точно так же, как получают своё правильное значение и понятия естествознания. То есть, ваши лекции должны быть окрашены тем, что у вас человек со своими мыслями и чувствами ставится в центр, а также вы должны вызвать у слушателей ощущение, что всё зависит от человека, а не от капитала или товаров.

Я хотел бы поговорить, как раз, об этом нюансировании ваших лекций: вы должны определённым образом владеть понятиями, которые вы находите в обычных справочниках и учебниках по национальной экономике. Их необходимо знать. Но знать их не так уже и трудно. Люди просто позволяют себе быть слишком впечатлёнными тем, чему их обычно учат. Только взгляните на небольшие коллекции, появившиеся в последние годы, такие как «Природа и духовный мир» или коллекция Гёшена¹⁶ и другие коллекции, и вы увидите, что во многих из них достаточно было бы и оглавления. Если вы, скажем, хотите изучить экономику, и ваша голова не совсем зашорена, и у вас есть сила для понимания того, как образовались понятия, то вам воистину не нужно существенно различать одну коллекцию от другой. Вы можете выбрать одну или другую. Если вы хотите разобраться в национальной экономике, то возьмите одну из брошюр коллекции Гёшена, но нет необходимости брать именно её, вы можете с тем же успехом воспользоваться другой коллекцией, это всё равно. Внутренне они существенно не отличаются друг от друга. Всё униформировано. Не только солдаты перешли к униформе, но и научные книги, по сути, все униформированы. Единственными, где ещё есть внутренняя жизнь, правда, сомнительным образом, являются собрания выходящие из таких издательств, как, например, издательство Хердера (Herder) во

¹⁶Георг Иоахим Гёшен (нем. Georg Joachim Göschen, 1752—1828) — крупный немецкий издатель и книготорговец эпохи позднего Просвещения и веймарского классицизма, работавший в городе Лейпциг. В его издательстве выходили, среди прочего, сочинения Шиллера, Гёте, Виланда, Иффланда, Зойме и Клопштока. В «коллекцию Гёшена» входило более 1000 брошюр, посвящённых самым различным темам искусства и науки. После смерти Георга Иоахима Гёшена в 1828 году его издательство отошло его сыну Герману Юлиусу Гёшену, и в 1838 году было куплено издательством Cotta'sche Verlagsbuchhandlung. После смены ряда владельцев и возвращения издательской деятельности в Лейпциг в 1896 году, в 1918 году книгопечатная фирма G. J. Göschen'sche Verlagsbuchhandlung вошла в состав издательства Walter de Gruyter (прим. пер.)

Фрайбурге-им-Брайсгау. Там ещё осталось кое-что от старой, сегодня уже увядшей духовной жизни, а именно, от изначального католицизма; там ещё остались понятия, которые по крайней мере отличаются от других и которые имеют определённую внутреннюю импульсную силу, правда, импульсную силу в том направлении, куда мы толкать не хотим. В конечном счёте, это то же самое явление, как если бы вы взяли биографию Гёте, написанную в рамках новейшей духовной жизни. Тут тоже не имеет большого значения, какую книгу вы возьмёте в руки, будет то Хайнеман (Heinemann), Бильшовский (Bielschowsky) или Мейер (Meyer). Конечно, люди рассказывают истории по-разному: Хайнеман - как школьный учитель, Бильшовский - как плохой журналист, а Мейер - как коллекционер заметок. Гундольф (Gundolf), так, я полагаю, зовут одного из них, в свою очередь рассказывает эту историю, скажем, как несколько кокетливый модный шут от культуры; но ничего нового по сравнению с другими биографиями вы из неё не узнаете. Я думаю, что даже у Эмиля Людвиг (Emil Ludwig) вы не узнаете ничего по-настоящему нового, хотя он значительно отличается от других тем, что те рассказывают свои истории как обыватели, выросшие в комнатах, а он рассказывает свои истории как уличный мальчишка. Однако, это тоже не имеет существенного значения для собственно содержания. С другой стороны, возьмите такую внутренне цельную книгу, как книга о Гёте, написанная отцом-иезуитом Баумгартнером (Baumgartner), который, правда, ругает Гёте, но книга которого, тем не менее, содержит дух - тот дух, конечно, которому мы не хотели бы желать иметь силу импульса!

Таким образом, мы можем сказать: вы должны ознакомиться с тем, что производится в наше время. Вы должны знать, как люди думают о труде, о капитале и так далее. Но вы должны осознавать, что вам надо повсюду переворачивать эти вещи и ставить человека в центр рассмотрения.

Вы, конечно, можете сказать: это может вызвать у кого-то страх и тревогу. Теперь мы должны выходить в мир, выступать с речами и делать всё, о чём здесь говорят! Но это не так! Речь идёт о нашем настрое, а не о том, что мы должны сесть и долго и упорно думать о том, как поставить людей в центр внимания. Теперь мы должны непосредственно делать то, о чём здесь говорится. Таким образом, речь идёт о том, чтобы вы выходили в мир с тем настроением, который здесь охарактеризован, и пытались достичь того, чего вы можете достичь в соответствии с уровнем вашего предыдущего развития. Но я всё же должен представить вещи такими, какими они являются, я бы сказал, в идеале. И вы можете взять из этого то, что вы затем можете применить.

Теперь, если всё направлено на человека, то есть, если действовать в этом смысле антропософски, если иногда вплетать также то, что приходит к нам из антропософии, не оскорбляя людей, поскольку нет нужды включать в свои речи об экономической жизни членение человека на физическое тело, эфирное тело, астральное тело и Я, - тогда современный человек вообще не сможет следовать за ходом ваших мыслей. Надо попытаться перевести эти вещи на язык современных людей. То есть, если у вас антропософская жизнь стоит не только в основе содержания, но и в том, как вы представляете это содержание, и в ваших указаниях содержится то, что даёт только антропософия, а именно, когда вы берёте из антропософии примеры, то есть, то, посредством чего вы делаете наглядными собственные знания социальной жизни, то, благодаря этому, вы сможете производить определённое впечатление, и благодаря этому, вы будете также в состоянии не исходить в своей работе из односторонности понятий.

Я хочу дать вам один пример того, как в современном социальном мышлении работают, исходя из односторонности понятий. Я уже указывал на то, как, например, марксисты говорят о работе и товарах. Они говорят: В продукте, который появляется на рынке, мы платим за то, что в него, так сказать, влился труд; когда мы платим за продукт, поступивший на рынок, мы платим за «влившийся труд» («geronnene Arbeit»). Указывается также на время, которое там содержится; но речь не об этом. Рабочий работает. Благодаря этому, возникает продукт, и, благодаря этому, этот продукт является «влившимся или застывшим трудом». Сырой продукт, который доставляет природа, сам по себе, ведь, ещё не обладает никакой эффективной

стоимости в человеческом обращении. Работа «вливается», и, по сути, речь идёт об обосновании того, какова ценность какого-то товарного объекта, благодаря тому, что в него «влилось» определённое количество труда. Этот «квант» труда, который «влился», представляется так, что он является износом человеческой мускульной силы, которая должна быть, в свою очередь, компенсирована. Это осуществляется опосредованным образом через заработную плату, то есть, человеку необходимо платить так, чтобы заработная плата с другой стороны возмещала то, что он потерял в результате своей работы, что «влилось» в продукт. Это является весьма правдоподобным, только если рассматривать работника и его отношение к продукту односторонне, особенно в той области, где работают действительно физически. Таким образом, если взглянуть на эту сферу однобоко, то можно было бы сказать: стоимость продукта, который появляется на рынке, соответствует тому, сколько труда в него вложено. Конечно, это нечто такое, что с определенной точки зрения даже неоспоримо, нечто такое, что с определенной точки зрения может быть строго доказано логически.

Но, смотрите, возьмите другую точку зрения. Возьмите рабочего, который, скажем, до сих пор работал над изготовлением определённого продукта. Благодаря каким-либо экономическим отношениям, работодатель склонен платить ему за то, что он делает, больше, чем раньше, поскольку, исходя из экономической ситуации, он может платить ему больше. Этот рабочий будет склонен отдать свою работу тому, кто теперь даёт ему больше. Поэтому в следующий момент времени он получает больше благ за свою работу, чем получал ранее. В результате эти блага имеют теперь для него иную ценность, существенно иную ценность. Он перестает рассматривать вложение труда в товар как единственную точку зрения. Критерием для него становится противоположная точка зрения. Он начинает оценивать блага так, что он теперь говорит: Для меня какое-то благо тем ценнее, чем больше работы я сэкономлю, чем меньше работы вкладывается в это благо, чем меньше мне надо для этого работать. А если учесть, что при определённых обстоятельствах какое-то благо можно приобрести и иными способами, нежели посредством труда: его можно приобрести путём грабежа, его можно найти, его можно приобрести и таким образом, что выражения «ограбить» и «найти» являются тогда лишь образными, но в экономическом плане означают нечто схожее, - если учесть всё это, то такой взгляд на вещи вообще получается весьма распространенным! Поскольку, если вы имеете такое добро, то что оно тогда для вас значит? А это для вас значит, что вы его можете отдать и кто-то другой сделает работу за вас. Вы это не заработали, но вы можете это отдать. В наших экономических отношениях за вас работает кто-то другой; на вас может работать очень много людей. Тут у вас в самом наглядном смысле сэкономленный труда выражен в стоимости товара. И, по сути, это даже заходит так далеко, что некоторые товары производятся исключительно с этой точки зрения: экономить труд, не выполнять его. Когда я рисую картину и продаю её, то народно-хозяйственная ценность заключается в том, что мне не нужно теперь самому изготавливать себе обувь, самому убирать свою комнату и делать многие другие вещи, а я эту работу для себя экономлю. Тогда измеритель ценности направляется на то, чтобы экономить работу. Тогда надо измерять стоимость согласно сэкономленной работе.

То есть, я могу сказать: есть две точки зрения, с которых можно определять отношение труда к благам, к товарам или, по крайней мере, к их стоимости. Можно сказать, что стоимость продукта равна стоимости труда, вложенного в его создание. Но можно также сказать, что какое-то добро стоит столько, сколько на нём сэкономлено труда, поскольку оно устраняет необходимость вкладывать труд во что-либо. Первое определение с вложенным трудом будет тем более верным, чем больше мы имеем дело с чисто физическими товарами или товарами, произведенными посредством физического труда. Другое определение, однако, будет тем более обоснованным, чем больше мы имеем дело с товарами, с которыми имело дело мышление, спекулирование или другие более ценные духовные силы. Оба они в равной степени применимы ко всей сфере жизни, как один, так и другой.

Но речь идёт о том, чтобы не обманываться мыслью, что для определенных случаев верно одно определение, поскольку тогда можно спорить с другим. В жизни на всё есть два

противоположных взгляда. Поэтому нельзя рассматривать жизнь, исходя из понятий. Поскольку, какое бы правильное вы ни имели понятие и как бы оно тем самым ни приближалось к жизни, вы всегда найдёте в нём только часть жизни. Но если исходить из жизни, то всегда обнаружится, что можно характеризовать вещи с двух противоположных точек зрения, так же как можно фотографировать человека спереди и сзади, справа и слева. Истинное познающее рассмотрение ничем не отличается от художественного отображения. И мы должны заменить теоретические взгляды, которые распространились среди людей в последнее время, на жизненные взгляды.

Но если у человека есть взгляды, то он и действует в соответствии с ними. А в течение трёх, четырёх, пяти столетий люди приобрели такие взгляды, которые исходили из понятий, и в соответствии с ними они организовывали социальную жизнь. Люди создают социальную жизнь! И поэтому сегодня мы имеем односторонние представления не только в человеческих понятиях, но и в самой жизни односторонние институты, которые не согласуются друг с другом.

В пролетариате, например, мы имеем такой способ производства, при котором отношения между трудом и товаром действительно стоят так, что товар представляет собой вложенный в него труд; но если взглянуть с капиталистической стороны, то сущность товарной стоимости состоит в том, что эта стоимость определяется сэкономленной рабочей силой. Таким образом, мы имеем нечто такое, что в реальном процессе вообще невозможно сравнить. Капиталист действует иначе, чем пролетарий. Пролетарий не только думает, но и действует так, что из его действий возникают ценности согласно вложенному в товары труду; капиталист действует так, что ценности возникают согласно принципу экономии труда. То есть, один должен затрачивать труд для того, чтобы возникали товары, а другой экономит труд. И это действует одно в другом и пронизывает друг друга. И в этом пронизывании заключаются социальные пороки настоящего времени. И нет другого решения, кроме как по-настоящему взглянуть на реальные процессы, познать жизнь как таковую, действительно признаться себе: в социальном процессе необходимо, чтобы в нём были люди, - видите, тут мы и приходим к людям, - которые работают таким образом, чтобы их труд перетекал в продукт, и люди, которые работают так, - никакая работа не может быть выполнена другими без следования этому принципу, - чтобы труд можно было сэкономить. Поскольку нельзя руководить, не следуя этому принципу: экономить работу.

Из этого следует, что вообще неприемлемо включать регулирование труда в экономический процесс, а что регулирование труда должно происходить в той социальной сфере, каковой является государственно-правовая жизнь.

Если вы последуете такому ходу мыслей, вы увидите, что тут важно. И, поскольку мир сегодня наполнен неясными и размытыми понятиями, как раз, в практических областях, то важно их исправить, чтобы люди и в свои институты, в свою очередь, могли внести нечто правильное. Если у нас не хватит смелости крикнуть миру: вы не должны продолжать думать так, как вы думали до сих пор, потому что вы разрушаете внешний мир своими мыслями; В центр внимания необходимо поставить людей, а не товары, капитал и т. д. — если у нас не хватит смелости указать на ошибки настоящего, то мы не добьемся никакого прогресса. Это должно произойти именно там, где старые идеи все еще обсуждаются, особенно в экономике. Таким образом, если у нас нет мужества призывать мир: Нельзя продолжать так мыслить, как вы мыслили до сих пор, поскольку своим мышлением вы губите внешний мир; вы должны в центр ставить человека, а не товары, капитал и так далее, - если у нас нет мужества к таким призывам в ситуации заблуждений современности, то мы не продвинемся вперёд. Это должно произойти, как раз, там, где иначе всегда говорят, исходя из старых представлений, особенно в национальной экономике.

В том способе обсуждения, который я даю, вы видите, как повсюду необходимо привлекать к рассмотрению случаи из жизни. А они в распространённой национально-экономической литературе, как раз, не привлекаются, так что та или иная книжонка может предложить вам одно и то же. Неважно, возьмёте ли вы одну из брошюр Гёшена по

экономике или из «Природа и духовный мир». Там вы повсюду найдете всё о том, как не следует думать. И повсюду вам надо будет противопоставлять этому способ рассмотрения, который пронизывает людей, исходит от людей. Но для этого себя можно только воспитать, а воспитать людей для этого можно только посредством чего-то вроде антропософской духовной науки. Поэтому нельзя допускать возникновения заблуждений относительно того, что оздоровление внешней социальной жизни возможно только тогда, когда происходит оздоровление одного из членов трёхчленного социального организма, духовного члена, в воспитании и обучении и так далее, чтобы тогда смочь сделать наглядным то, как может снова возникнуть продуктивная духовная, то есть, полностью наполняющая человека, духовная жизнь.

В этом отношении очень трудно что-либо понять, но, по крайней мере, те, кто сидит здесь сейчас, должны были бы хорошо понимать такие вещи. Видите ли, нам снова и снова с самых различных сторон сообщают, что школы надо создавать по модели вальдорфских школ. Некоторые говорят: мы сможем открыть такие школы, как только у нас появятся деньги. - Я всегда их спрашиваю: хорошо, и как вы поступите потом? - Они отвечают: Мы просим Вас, каких учителей нам следует взять. - Я говорю им: Меня лишь частично можно принимать в рассмотрение при выборе учителей, поскольку существуют законные предписания, что можно выбирать лишь таких учителей, которые прошли государственные экзамены. То есть, происходит совсем не то, что должно происходить, когда должны учреждаться вальдорфские школы. Ведь, надо было бы исходить из того, что имеется полностью свободный выбор учителей, что, конечно, не исключает возможности использования государственно проштампованного учителя. Но не должно существовать необходимости использовать только их, иначе мы не стоим в трёхчленности.

Ведь дело не в том, чтобы создавать школы в рамках нынешней системы, в которой создаются суррогаты обучения, когда просто верят, что можно следовать данному мной курсу, а в том, чтобы в этой области следовать принципу: свобода в духовной жизни. - Тогда с созданием такой школы закладывается начало трёхчленности. Поэтому не создавайте у людей ложных представлений, принося им веру, что можно оставаться в старых условиях и тем не менее основывать вальдорфские школы, а вызывайте представление о том, что в школе в Штутгарте действительно царит свободная духовная жизнь. Поскольку там нет никакой программы и учебного плана, а там есть учителя со своими реальными возможностями, а не с предписаниями того, что они должны уметь. Мы имеем там дело с реальными учителями. Всегда лучше иметь в виду плохого действительного учителя, чем какого-то нереального учителя, который просто стоит в предписаниях. И в обучении, мы имеем дело с учениками и с тем, что заполняет шесть стен классной комнаты, а не с тем, что называется учебными материалами, методами обучения и так далее. И это то, на что мы должны указать: что мы должны иметь дело с реальностью.

Что касается программных учреждений, так, по мне, могут собраться хоть двенадцать человек - может быть больше или меньше. И я уверяю вас: если эти двенадцать человек будут хоть немного дисциплинированы между собой, они будут мыслить ужасно умно и смогут составить планы реформ; то, что они считают, может быть ужасно умным, ужасно разумным. Можно будет сказать: это должно произойти так-то, то - так-то и так далее. В отношении таких вещей можно даже утверждать, что существует множество людей, которые вполне могли бы сказать, как в идеале следует относиться к определенной области науки или как в идеале следует оформлять журнал. Но дело не в этом. А дело в том, чтобы работать, исходя из реальности.

Какая польза от того, что у вас есть прекрасные школьные предписания и, возможно, учебные материалы, которые по своим возможностям далеки от этих вещей? Тогда такие предписания приводят лишь к заблуждениям, в то время как, когда вы берёте тот материал, который есть, вы представляете истину. Когда речь идёт о том, чтобы что-то сделать, надо считаться с реальностью и остерегаться каким-то образом полагаться на параграфы и программы. Это в наше время понимают плохо, и потому необходимо подчеркнуто указывать

человечеству именно на этот пункт. Поскольку, работая в последнее время с программами в самых различных областях жизни, эта жизнь была основательно разрушена.

Если вы, к примеру, возьмёте развитие социал-демократии от Айзенахской программы¹⁷ до Готской программы¹⁸, то вы увидите тенденцию к профанации. Хуже всего дело обстоит с Эрфуртской программой¹⁹. В ней говорится, как всё должно быть организовано, например, при обобществлении (огосударствлении) средств производства. Но она была создана без всякой оглядки на жизнь. А потом нашёлся человек, который исходил примерно из следующего принципа: Какое мне дело до жизни? - Меня интересует только марксистская программа! Жизнь может идти в тартарары, лишь бы была выполнена марксистская программа! Что до меня, то в один день могут быть повешены тысячи и тысячи людей, лишь бы была выполнена марксистская программа! Этот человек - Ленин. Он был в состоянии вешать тысячи людей каждый день, лишь бы выполнялась марксистская программа.

Конечно, все эти вещи описаны радикально, но они всё же характеризуют ситуацию верно. И для чего же пришёл этот человек? Видите ли, рассмотрение недействительности жизни этого мужа выходит, ведь, из чего-то такого, что, по сути, говорят только гениальные люди. Конечно, Ленин - гениальный человек, пусть упрямо гениальный, по-бычьему гениальный, но всё же гениальный. В его работе «Государство и революция» вы обнаружите примерно следующее: Да, исполнение того, что должно прийти, не выходит из моей марксистской программы. Моя марксистская программа уничтожит всё, что существует сейчас. Но затем будет выведено новое человечество. Оно тогда будет не иметь марксистскую программу, а будет жить по этой программе: каждый по своим способностям и потребностям. Но вначале это новое человечество должно быть выведено!

Вот насколько чуждой действительности стала наша программная жизнь, которая сегодня стала реальностью у человека, который с помощью своих помощников формирует целую огромную империю, исходя не из жизни, а из программ, и который, однако, признаёт: собственно, эта организация, по сути, безнадежна, поскольку здоровые условия возникнут только тогда, когда тех людей, которые есть в этой организации сейчас, уже не будет, когда их место займут другие люди. Я хотел бы сказать: выступает наглядно то, к чему пришёл особый мир представлений и чувств современности. Такие вещи нельзя недооценивать, а нужно относиться с огромным вниманием.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ 15 февраля 1921 года (вечер)

То, что человек должен быть поставлен в центр рассмотрения, с которыми вам придется столкнуться в ближайшем будущем, я охарактеризовал в прошлый раз. Если это произойдет в полной мере, то можно будет исправить то многое в воззрениях современности, что обязательно должно привести к катастрофам, как я, опять же, показал в прошлой лекции. Теперь речь пойдёт о том, чтобы, по крайней мере в качестве примеров, сказать несколько слов о том, что связано с этим утверждением: человек теперь должен быть поставлен в центр социальных рассматриваний и социальных мероприятий.

Над нами витает целая сумма лозунгов, фраз и так далее. То, что многие люди проявляют перед своими братьями, постепенно почти полностью стало фразой. Мы живём во времени фразы. И действительность, которая направляется и управляется фразой, очевидно, должна

¹⁷ *Айзенахская программа*: создана в августе 1869-го года по поводу основания «Социал-демократической рабочей партии» Вильгельмом Либкнехтом и Августом Бебелем (Айзенах — крупный окружной город в округе Вартбург в Тюрингии, в долине Хёрзелль на северной окраине Тюрингенского леса. прим. пер.).

¹⁸ *Готская программа*: создана в мае 1875-го года по поводу объединения этой «рабочей партии» с основанной Фердинандом Лассалем в мае 1863-го года «Всеобщим союзом германских рабочих»

¹⁹ *Эрфуртская программа*: от октября 1891-го года, отредактированная Карлом Каутским, по случаю реорганизации «Социал-демократической партии Германии» в качестве члена «Второго Интернационала», созданного двумя годами ранее.

распасться в самой себе. Это связано с основными феноменами нашего современного развития.

Возьмем из всей суммы того, что есть в социальной жизни, что-нибудь и посмотрим на это так, как это часто обсуждается сегодня. Мы слышим сегодня от некоторых людей, желающих высказать своё мнение по социальным вопросам, что важно, например, то, чтобы пролетарское движение поднималось против дохода для безработных («*arbeitsloses Einkommen*»), против получения оплаты без труда («*arbeitsloser Erwerb*»). - Ну, определённо, за осуществлением таких утверждений всегда стоит что-то реальное. Но обычно это нечто совершенно иное, нежели то, что думают люди, которые делают подобные утверждения. Поскольку нужно ясно понимать, что сначала необходимо выяснить, - и не посредством понятий, а посредством наблюдения за социальными процессами, - что, собственно, представляет собой «доход для безработных», «оплата без труда».

Ведь, об этих вещах люди уже высказались различным образом. Есть люди, и к ним даже принадлежал Бисмарк, которые, хотя и выражались иначе, - они говорили о «производительных классах», но имели в виду, собственно, рабочие классы, - но которые считали, что, например, фермеры, торговцы, работающие руками, и представители подобных профессий являются «производительными людьми», а, например, учителя, врачи и им подобные не являются «производительными людьми». То есть, что то, что исходит от учителя, не является «продуктивным трудом».

Ведь, вы, наверное, знаете, что Карл Маркс сделал экономическое открытие, вокруг которого было много разговоров, как раз, для того, чтобы «производительный труд», который имели в виду эти люди, представить в правильном свете. Это знаменитое открытие Карла Маркса называется «индийский бухгалтер». Это человек, который где-то в небольшой индийской деревне, где остальные люди работали вручную, сеяли, собирали урожай, собирали фрукты с деревьев, и тому подобное, был нанят вести учёт этих вещей. И Карл Маркс тогда решил, что все остальные люди в этой деревне выполняют «производительную работу», а этот несчастный бухгалтер выполняет «непроизводительную работу» и что он влачит свою непроизводительную жизнь за счёт «прибавочной стоимости», которая вычитается из доходов от труда других. И от этого несчастного индийского бухгалтера вышло множество дедукций, которые в определенной области народно-экономического рассмотрения стали в новейшее время обычными.

Конечно, деятельность учителя можно включить в социальный процесс в виде «непроизводительной деятельности», так же, как Карл Маркс включил в него деятельность несчастного индийского бухгалтера. Но теперь давайте возьмём такой случай: учитель является искусным человеком, искусным как цельный человек. Он обучает и воспитывает совсем маленьких детей, учеников начальной школы. И предположим, ради простоты, - теория от этого не пострадает, - что все дети, которых воспитывает и обучает учитель, становятся сапожниками. И посредством своего мастерства, посредством того, что своим обучением он развивает способности, благодаря которым они ясно мыслят, умно ставят себя со своей профессией сапожника в жизнь, и далее своим практическим обучением при помощи всевозможных образовательных средств, он делает своих детей более искусными; и они теперь становятся такими сапожниками, которые, скажем, за десять дней делают столько сапог, сколько другие делают за пятнадцать дней. Ну, что же тут, собственно, происходит? Не правда ли, все эти сапожники, которые получились таким образом, согласно по-настоящему марксистскому учению «производительную работу». Если бы не было учителя с его искусностью, если бы он был неискусным учителем, эти сапожники делали бы ту же производительную работу за пятнадцать дней, вместо десяти. Теперь сложите вместе всю обувь, которую сделали эти дети, когда они выросли, за те пять дней, которые были сэкономлены, благодаря искусному учителю, и вы можете сказать: все эти ботинки были, по сути, сделаны этим искусным учителем, и, по крайней мере, в народно-экономическом процессе, во всём, что относится к этому народно-экономическому процессу, то есть, во всём, что из него вытекает для содержания людей и так далее, во всём этом собственно

продуктивным был учитель. Его существо, собственно, продолжает жить в обуви, созданной за эти каждые пять дней!

Дело в том, что к этому вопросу можно подойти близоруко, и назвать тогда труд сапожника по-марксистски «производительным трудом», а труд учителя - «непроизводительным трудом», то есть тем, что поддерживается прибавочной стоимостью. Но, ведь, таким способом рассмотрения фальсифицируется вся действительность.

Можно провести другое рассмотрение, которое не будет иметь одностороннюю тенденцию в том или ином направлении, а будет охватывать весь процесс социальной жизни. Но если думать народно-хозяйственно, чисто народно-хозяйственно, то нужно сказать следующее: Что же это, собственно, такое, что учитель связывает со своим физическим содержанием? Отличается ли это в народно-экономическом плане, то есть, пожалуйста: отличается ли она в народно-экономическом плане от какой-либо другой ренты? Отличается ли это чем-то от того, что каким-то иным образом, выражаясь марксистским языком, «вычитается» из чисто физически-телесного труда и, скажем, передается другому человеку? С народно-экономической точки зрения разницы нет вообще! Поскольку при этом речь идёт о следующем.

Предположим, что то, что называется «прибавочной стоимостью», используется для учителей, тогда это продуктивно вливается в целый экономический процесс таким образом, как я только что охарактеризовал. Предположим, что это передаётся финансисту, человеку, которого в действительном смысле называют рентнером, который ничем иным, как тем, что обычно называют «стрижкой купонов», не занимается. Да, означает ли это, что тем, что он стрижёт купоны, экономический процесс исчерпывается? Не правда ли, он ест, пьёт, одевается и так далее. Он, ведь, не может жить за счёт того, что ему дают как «прибавочную стоимость». Он, ведь, живет за счёт того, что для него вырабатывают другие люди. Это, ведь, просто точка переключения для работы, для народно-экономического процесса.

И если рассматривать эти вещи совершенно объективно, то можно, собственно, сказать следующее: Такой человек, который живёт где-то как финансируемый рентнер, через которого переключаются народно-хозяйственные процессы, стоит внутри социальной жизни примерно так же, как точка покоя в весах, точка опоры плеч весов. Она тоже должна быть, точка опоры плеч весов. Все другие точки движутся; точка опоры весов неподвижна. Но она должна быть. Поскольку должно быть переключение. Другими словами, этот вопрос вообще не может быть решен с экономической точки зрения. В лучшем случае можно сказать: если этих точек покоя, этих «стригущих купоны» рентнеров, станет слишком много, то остальным придётся работать значительно больше и дольше. Но в действительности этого, ведь, нигде не происходит, поскольку число рентнеров по отношению к общей численности населения вообще никогда таким образом не входит в рассмотрение, и поскольку, прежде всего, так, как мы сегодня имеем этот социальной процесс, вряд ли из этого бы что-то вышло, если бы мы изменили эти вещи, исходя из наших нынешних условий.

То есть, так обо всех этих вещах вообще нельзя думать. И если вы просмотрите марксистскую литературу, вы увидите, что именно из-за принуждения, которое человек навязывает себе, чтобы, так сказать, сделать что-то ответственным за все беды социальной жизни, как, так называемый, доход безработных, он приходит к несвязанным выводам. Потому что они не говорят, собственно, ничего. Они имели бы хоть какой-то смысл только в том случае, если бы экономические процессы существенно изменились, если бы рентнеры не получали бы свои ренты. Но это совсем не так. Таким образом, думая таким образом, даже близко нельзя приблизиться к решению этих вещей.

Скорее, речь идёт о том, чтобы ясно сосредоточить внимание на том, что такие точки покоя необходимы для переключения, для оборота в экономической жизни. Поскольку есть прибавочная стоимость, которая в народно-экономическом отношении в точности соответствует всем определениям прибавочной стоимости, данным Карлом Марксом, и которая также, если мыслить чисто экономически, по всем своим функциям соответствует функциям прибавочной стоимости Маркса: это налоговое бремя. Ведь, в отношении своего

возникновения и функций этот налог - то же самое, что и прибавочная стоимость Карла Маркса. И различные социалистические правительства, где бы они ни появлялись, как раз, не показали себя особыми борцами с прибавочной стоимостью в форме налогообложения! На таких вещах проявляется абсурдность этих теорий.

А именно, абсурдность теорий никогда не проявляется перед логикой, а всегда только перед действительностью. Это должен сказать тот, кто стремится повсюду выносить суждение из этой действительности. Пока мы остаёмся в экономической жизни, невозможно как-то соединить разумный смысл с понятием «прибавочная стоимость». Поскольку, пока мы остаёмся в экономической жизни, мы имеем дело с обращением экономических процессов. А они могут обращаться только благодаря тому, что есть места обращения. Лежат ли они у государства или у отдельных рентнеров, это с чисто экономической точки зрения имеет второстепенное значение. Поэтому необходимо указать на то, что всё, что связано с такими понятиями, как «доход для безработных» или «оплата без труда», основано вовсе не на экономическом мышлении, а только на неосознанной зависти (Ressentiment): на взгляде на того, кто имеет такой «доход по безработице», и кого, по сути, рассматривают как того, кто лентяйничает, кто не работает. Просто в экономическое мышление протаскивается правовое или даже моральное понятие. Это прафеномен этой вещи.

В действительности при этом речь идёт о чем-то совершенно ином, а именно о том, что наш жизненный процесс, наш процесс цивилизации вообще не мог бы поддерживаться, если бы было реализовано то, к чему стремятся некоторые, изобретая фразу: «право на полную выручку от труда». Поскольку нет никакой возможности говорить о «полной выручке от труда», если подумать о том, что если я стал сапожником и работаю более искусно, чем я работал бы, не имея искусного учителя, то всякая возможность отстаивать себе право на «полную выручку от труда» исчезает. Поскольку откуда она вытекает? Даже не из всей полноты настоящего! Учитель, который меня учил, возможно, давно умер. Прошлое сливается с настоящим, а настоящее в свою очередь перетекает в будущее. Пытаться взглянуть на такие вещи с помощью узко стёганных понятий, как на то, что как отдельное из того, что делает человек, вставлено в общий народно-экономический процесс, - это абсурд.

Но тут же возникает нечто другое, когда говорят себе: Ну, хорошо, если мыслить чисто народно-экономически, то не может быть никакой речи о том, чтобы человек каким-то образом получал «полную выручку от труда», поскольку это понятие нельзя даже составить. Его невозможно ограничить или очертить. Его не существует. Это невозможно. Но тут же нечто всплывает, если рассматривать действительность. В действительности обнаруживаются такие места переключения, куда от части перетекает выручка других, кто работает физически. Теперь, предположим, что тем, кому это перетекает, является учитель, - тогда он выполняет по-настоящему продуктивную работу, как я охарактеризовал это выше. Но, предположим, это не учитель, а действительно тот, кто стрижёт купоны. В качестве исходного пункта возьмём не одного стригущего купоны, а двух. Один стрижёт свои купоны утром, затем после завтрака выкуривает пару сигарет, читает свою утреннюю газету, затем идет на прогулку, затем обедает, затем садится в своё кресло-качалку и качается в нём немного, затем идёт в клуб и играет там в вист или покер и так далее, и так он проводит свой день. Возьмём теперь другого, который также утром стрижёт свои купоны, но который затем занимается, скажем, организацией какого-то научного института, то есть, занимает свои мысли тем, чтобы организовать научный институт, который никогда бы ни возник, если бы он не мог стричь свои купоны; поскольку, если бы он должен был быть организованным людьми, которые есть, чтобы сделать ту работу, благодаря которой он стрижёт купоны, то он совершенно точно не был бы организован. Он его организует. И в этом научном институте, возможно, через десять лет, возможно, через двадцать, делается чрезвычайно важное открытие или изобретение. Благодаря этому открытию или изобретению, производительная работа выполняется аналогичным образом, и даже в более широком масштабе, чем та, которую мог бы выполнять учитель для своих детей, ставших сапожниками. Тогда есть всё же определённая разница между стригущим купоны А и стригущим купоны В, - разница,

которая чрезвычайно важна с экономической точки зрения. И мы должны сказать: весь процесс стрижки купонов в общем контексте человеческой жизни был необычайно продуктивным.

Экономически, чисто экономически этот вопрос вообще не может быть решён. Его можно решить только в том случае, если есть что-то ещё, помимо экономической жизни, что, независимо от экономической жизни, отдельно от экономической жизни, приводит людей к тому, чтобы они, когда они каким-либо образом берут средства к существованию из общего, снова возвращали посредством своего собственного существа то, что они берут; то есть, если есть свободная духовная жизнь, которая стимулирует людей к тому, чтобы они не становились финансистами, а каким-то образом применяли свою духовную силу, какой она у них есть, или также применяли свою физическую силу, какой она у них есть.

Именно тогда, когда видишь вещи такими, каковы они есть в действительной жизни, приходишь к необходимости трёхчленности социального организма. И, прежде всего, глядя на жизнь таким образом, начинаешь осознавать, что всё то, что сегодня часто выдвигается в национально-экономической науке, в том числе и практиками, по сути, бесполезно, что в головы людей должно, наконец, прийти что-то другое, а именно целостное рассмотрение жизни. И это целостное рассмотрение жизни является тем, что в конечном итоге ведёт к трёхчленности социального организма.

Поэтому мы должны стремиться распространять такие представления дальше и дальше. Мы не должны стесняться указывать на то, насколько близорукой является сегодняшняя практическая жизнь. Мы должны объединить эти две деятельности: с одной стороны, представлять позитивное трёхчленности, а с другой стороны, быть самыми острыми критиками того, что сегодня существует в виде множества духовных течений. Мы должны познакомиться с этими духовными течениями и стать их острыми критиками. Поскольку, только показывая людям, словно в зеркале, абсурдности, существующие сегодня, мы сможем продвинуться вперёд. И то, что мы таким образом приносим людям, от этого мы должны в то же время дать им такое представление, чтобы они ощутили, как мы работаем с реальными понятиями.

Смотрите, человек, который производит сапоги, - определённо продуктивный человек. Однако, согласно марксистским понятиям, тот, кто, скажем, производит косметические пластыри, является столь же продуктивным человеком. Поскольку, если исходить просто из выполнения физической работы, то это такая же физическая работа, как и любая другая. Речь идет о том, чтобы взглянуть на весь процесс в целом и получить представление о том, как то, что кто-то делает, вписывается в процесс социальной жизни. Люди должны получить ощущение этих вещей. Другого пути вперёд нет.

Нам необходимо, однако, уважать образ мышления сегодняшних людей. Но вы должны ясно понимать, что если вы сейчас выйдете к людям и поговорите с ними в течение часа, в течении пяти четвертей часа, о таких вещах, которые я вам сейчас представляю, они начнут зевать, и в конце концов, выйдя из зала, будут рады, что это прекратилось, поскольку будут жаждать крепкого сна. Они посчитают, что это трудно, слишком трудно! Поскольку люди полностью отвыкли следовать за мыслями, несомыми действительностью. Благодаря тому, что они всегда следовали лишь абстракциям, что они привыкли к этому уже со школьной скамьи, - благодаря этому человечество стало ленивым на мышление. Ведь, человечество сегодня ужасно лениво на мышление. И вы должны это учитывать, но полезным образом.

Поэтому мы включаем в наши лекции истории о том, что уже развилось из антропософски ориентированной духовной науки. Может быть, нам стоит рассказывать людям меньше анекдотов! В противном случае было бы очень полезно противодействовать лени мышления современного человечества, время от времени прерывая трудную лекцию анекдотами, но мы можем использовать это время для более важных дел. В таких паузах, по мере необходимости вводя это в ход наших мыслей, можно рассказать о нашей Вальдорфской

школе, об эвритмии, о наших курсах Высшей Школы²⁰, о «Грядущем Дне»²¹. Это то, что нарушает ход мыслей, что является приятным разнообразием для людей - тогда им приходится меньше думать. Ведь, не правда ли, тогда можно приблизиться к сути дела. Мы можем немного рассказать о том, как возникла и была организована вальдорфская школа; мы можем показать, как тридцать доцентов в Дорнахе на курсах Высшей Школы пытались, исходя из духовной науки, обогатить естественные науки. Тут, в тот момент, когда говорят, что естественная наука должна обогатиться, людям нет необходимости думать над тем, как это происходит в химии, ботанике и так далее, а они могут оставаться со своими общими размытыми представлениями, когда это говорится. И тогда у них есть время лечь на какое-то время между вносимыми мыслями в мыслительную постель. Тогда мы снова имеем возможность в последующие пять минут говорить о более сложных вещах. Но эти прочие вещи тоже чрезвычайно полезны. Если мы, например, расскажем людям, как мы делали аттестаты в вальдорфской школе, как мы пытались не писать там «почти удовлетворительно», «едва ли достаточно», - когда, ведь, вообще нельзя различить того, кто имеет «едва ли» или «почти достаточно», - где мы давали каждому ребёнку нечто вроде небольшой биографии и жизненное изречение. Людям, ведь, нет необходимости много думать над тем, насколько это сложно, то есть, они, конечно, могут уже поразмышлять над тем, как трудно найти жизненное изречение для каждого ребёнка; но если просто сообщить результат, то это принимается ими безболезненно. Так вы можете рассказать, как это практически организовано. И таким образом мы также можем рассказать людям кое-что о формировании Вальдорфской школы, о том, как постепенно здание становилось слишком тесным, как нам приходилось строить бараки, потому что у нас не было денег на строительство полноценных зданий. Это полезно, что люди иногда слышат, что у нас не хватает денег; это может иметь очень приятные последствия. Если мы включим такие вещи в наши рассматривания, то это будет, во-первых, очень предметно, - поскольку это и есть предметно, - весьма оправданно; а во-вторых, мы также можем создать для слушателей приятное разнообразие.

Затем мы можем рассказать о курсах Высшей Школы в Дорнахе, в Штуттгарте. Мы можем упомянуть при этом, что всё это по большей части сегодня должны делать бедные вальдорфские учителя, то есть, есть ещё мало людей, которые что-то делают действительно в смысле антропософски ориентированной духовной науки. Поскольку то, что вальдорфские учителя втрое перегружены, это принимается людьми с большим удовольствием, не так ли. Каждому тогда кажется, что он сам тоже перегружен. Ну, и таким образом, фактически говоря о том, что уже есть снаружи, мы можем в то же время показать людям нечто такое, что они между делом, возможно, с удовольствием захотят услышать снова и снова, но что они также должны знать, что-то, что им нужно знать.

И затем мы говорим, конечно, также о «Грядущем Дне». Мы пытаемся создать представление о том, как организован «Грядущий День». Как он организован, мы видим из проспектов, которые розданы. Мы даёт людям представление о «Грядущем Дне» на основе розданных проспектов и говорим им: Разумеется, вы найдёте, что этот «Грядущий День» ещё не полностью соответствует ассоциациям, - об ассоциациях мы ещё будем говорить завтра, -

²⁰Здание Гетеанума было открыто одновременно с Первым курсом Антропософской Высшей Школы с 27 сентября по 16 октября 1920 года. В рамках конференции состоялось около 100 лекций и художественных мероприятий. Лекции Рудольфа Штайнера были опубликованы как часть полного издания в томе «Границы естественного знания», GA Библиография. - №. 322. - Второй курс высшего антропософского образования проходил с 3 по 10 апреля 1921 года также в Дорнахе. В центре внимания этого мероприятия, в котором приняли участие более 600 человек, были пять лекций Рудольфа Штайнера, опубликованных как часть полного издания в томе «Плодотворное воздействие антропософии на специальные науки», GA Библ.-№. 76.

²¹Открытое акционерное общество по развитию экономических и духовных ценностей. - Штуттгарт 1920-1925. Попытка ассоциативного предприятия в духе идеи трёхчленности Рудольфа Штайнера, который был председателем наблюдательного совета до 1923 года. В состав компании входило до двадцати торговых предприятий и учреждений культуры. В результате общего экономического кризиса в 1925 году предприятие пришлось ликвидировать. См. также презентацию Фрица Пистона в серии «Вклад в полное издание Рудольфа Штайнера», тетрадь 88, Дорнах, Йоханни, 1985.

что он организован ещё под сильным влиянием теперешнего народного хозяйства. Но в то же время мы говорим людям: мы знаем это и так, но это, однако, как раз, показывает, насколько необходимо, чтобы это народное хозяйство стало другим, что при всей доброй воле из теперешнего народного хозяйства нельзя сделать идеал какой-то ассоциации.

Но необходимо, чтобы в своих лекциях вы охватывали наше движение в целом. Вам не нужно стесняться представлять людям, с одной стороны, антропософскую ориентацию, духовную сторону, а с другой стороны, также доходить до практических вещей «Грядущего Дня» и представлять всё это людям. В лекциях, которые вы читаете, вам не нужно напрямую требовать от людей денег; это - я говорю об этом в скобках - может сделать кто-то другой, кто вас сопровождает и выходит к людям только после лекции; так это будет выглядеть лучше. Но, хотя я и говорю это в скобках, это всё же должно быть сделано. Как я уже сказал, вам не обязательно делать это прямо на лекции. Но вы вполне можете дать понять, - без какой-либо корыстной цели, - что для того чтобы содействовать тому, что, собственно, мы хотим достичь с трёхчленностью, нужны во-первых деньги, во-вторых деньги, в-третьих деньги. И, в зависимости от того, что один или другой из вас считает правильным в данной ситуации, он может в этом тройственном акценте на деньгах позволить звучать сильнее первому слову деньги, а затем понизить тон, или повысить его со вторым тоном. Это то, что может как-то способствовать внутреннему формированию дела.

Я говорю вам это не для того, чтобы этим подчеркнуть больше, чем то, что уже надо принимать во внимание относительно того, как что-то говорится. В определённом отношении, когда вы входите в зал, вы должны сами чувствовать, следует вам говорить так или иначе. А именно, это можно чувствовать, когда выступаешь среди совершенно незнакомых людей. Таким образом вам придётся учитывать такие вещи. Если вы хотите достичь того, чего хотите достичь сейчас, вы не сможете выступать перед людьми с какой-то готовой концепцией, а вам придётся полностью подстраиваться под обстоятельства. Вы сможете сделать это только в том случае, если в отношении оформления и проживания ваших лекций вы будете вести себя так, как я описал вчера. Но мы не должны упускать из внимания то, чего мы уже достигли в создании школьной системы, включая практические учреждения, и постоянно указывать на это. Поскольку дело сегодня обстоит так, что люди в этом нуждаются. И будет хорошо, если вы опишите трёхчленный социальный организм, используя в качестве иллюстрации учреждение Вальдорфской школы, а также если вы опишите остальную экономическую жизнь, снова приводя в пример то, чего мы хотим достичь через «Грядущий День». Я, конечно же, хотел бы, чтобы вы не забывали, что именно посредством ваших лекций мир должен быть максимально осведомлён о наших различных институтах.

И за всем этим должно стоять сознание того, что со всех сторон и углов - я уже несколько раз говорил об этом в этих лекциях - на нас обрушивается противодействие, и его будет ещё больше, и что у нас осталось не так много времени, чтобы осуществить то, что мы хотим осуществить и что должно быть осуществлено, но за что мы должны решительно взяться в ближайшем будущем.

Мы не должны брать в пример - и я говорю это для тех, кто уже давно стоит внутри антропософского движения - то, как развивалось антропософское движение как таковое, поскольку, ведь, оно отчасти развивается так, что его члены слишком мало интересовались тем, что, собственно, происходит в мире. Сейчас мы живём в такое время, когда необходимо развивать острый интерес к тому, что происходит в мире. Мы должны приводить примеры, а также критически относиться к тому, что сегодня в виде актуальных событий происходит в мире. Поэтому мы должны интересоваться этими событиями. Из этих событий мы должны извлекать необходимость нашего движения. Мы должны снова и снова подчёркивать то, как эти события способствуют приведению нашей цивилизации к гибели. Поскольку человек должен учиться понимать, что, если будет продолжаться так, как это принято сегодня, то это совершенно определённо приведёт к гибели современной цивилизации, и что европейские страны должны будут пережить, по крайней мере, ужасные времена, если, исходя из

действительно активной духовной жизни и исходя из активно осознанной государственной и экономической жизни, не будет заложена основа для нового строительства.

Мы должны также сталкиваться с фразами, которые постоянно высказываются примерно следующим образом: Да, всё это может быть с трёхчленностью очень хорошо, но чтобы ввести нечто подобное, потребуются не просто десятилетия, а, возможно, столетия. - Это возражение выдвигается часто. Но нет более бессмысленного возражения, чем это. Поскольку, ведь, то, что должно произойти в человечестве, а именно, в плане социальных институтов, зависит от того, чего люди желают и какую волю и мужество они вкладывают в свои желания. И, разумеется, то, что может занять столетия, если мы будем беспечны и ленивы, может занять самое короткое время, если мы приложим активные силы. Но для того, чтобы это произошло, необходимо, чтобы мы доносили до всё большего числа голов то, что приходит от нашей духовной науки, и что может получиться путем изучения наших других институтов. Не забудьте указать на такие вещи, которые возникают сейчас здесь, в Штуттгарте, например, в Лечебно-терапевтическом институте²². Поскольку дело обстоит так, что, возможно, именно из таких учреждений люди лучше всего будут учиться понимать плодотворность духовной науки, по крайней мере, в первом приближении.

Если делать что-то подобное правдоподобным, то, ведь, входит в рассмотрение также ещё и то, что, ведь, было бы, собственно, совершенно бесполезным для дальнейшего развития человечества, если бы наряду со старыми католическими религиозными верованиями, старыми протестантскими религиозными верованиями, иудейскими и турецкими религиозными верованиями и так далее, а также наряду со многими сектантскими, удалось бы установить также мировоззрение, которое было бы «антропософским». Это, определённо, было бы важно для людей, которые встречаются раз в неделю, а то и дважды в неделю, чтобы вдаваться в подобные мировоззренческие вопросы. Это имело бы для этих людей субъективное значение. Но для мира это не имело бы никакого значения. Для мира имеет значение только такое мировоззрение и понимание жизни, которое непосредственно вмешивается в практические вопросы. И поэтому в наши дни мы часто обнаруживаем, что люди с радостью слышат что-то о вечном в человеческой природе, о жизни после смерти. Можно также говорить с большой группой людей о повторяющихся земных жизнях, о законе кармы и так далее без того, что они выцарапают вам глаза только потому, что вы это сказали.

Но сегодня даже ещё более полезно и важно представлять людям то, что антропософски ориентированная духовная наука может что-то дать, например, медицине, терапии, чтобы можно было увидеть, как то, что человек обретает в духе, действительно имеет определённое уникальное значение для материального мира. Поскольку дело не просто в том, чтобы подняться до духа в его абстрактности, а дело в том, чтобы подняться таким образом, чтобы это был живой дух, который тогда имеет достаточно силы и мощи, чтобы действовать в материальном.

Эти мысли, это внедрение духа в материальную жизнь в различных вариантах, вы должны снова и снова ставить перед душевным взором людей. Поскольку дух хочет управлять материей, а не избегать её. Поэтому в определённом отношении совершенно нечестно, когда люди вроде Бруна (Bruhn)²³, написавшего книжонку «Теософия и антропософия», обвиняют антропософию в желании протащить в материальную действительность, в повседневную жизнь то, что должно парить в небесных высотах, над действительностью. Трудно представить себе худших развратителей человеческой жизни,

²²Лечебно-терапевтический институт: «Клинико-терапевтический институт» в Штуттгарте был основан после первого медицинского курса Рудольфа Штайнера (Пасха 1920 года) врачами Др. Людвигом Ноллом, Др. Отто Палмером, Др. Феликсом Пайперсом и Др. Фридрихом Гуземанном. До 1924 года институт был подразделением «Грядущего Дня» (см. выше), затем, до 1935 года, частной фирмой Др. Отто Палмерса.

²³Доктор философии Вильгельм Брун, «Теософская антропософия», в книге «Из природы и духовного мира», т. 775, Лейпциг и Берлин, 1921.

чем такие народные учителя, которые могут использовать кафедры и университеты, чтобы учить людей таким вещам. Но это, ведь, происходит сегодня во всех, всех вариациях.

И особенно актуально сегодня то, что люди говорят: Хорошо, антропософия может быть попыткой углубить отдельные науки, но с религией антропософия не имеет ничего общего, с христианством антропософия не имеет ничего общего. И тогда появляются люди, которые хотят доказать, что антропософия не имеет ничего общего с религией и христианством. Они приходят тогда и устанавливают совершенно произвольные понятия, которые у них есть относительно религии и христианства. И они ясно дают понять, что эти их понятия о религии и христианстве не должны быть поколеблены!

Если бы эти люди были, по крайней мере, честны! Тогда к ним можно было бы проявить снисхождение. Если бы эти люди пришли и сказали: Сейчас появляется антропософия; она говорит из иных источников, нежели я говорил с теологической кафедры или с церковной кафедры. Теперь у меня есть только один выбор: либо оставить свою профессию, но тогда мне нечего будет есть, а это фатальная вещь, либо лучше остаться в профессии и отказаться от антропософии! Таких людей, ведь, вряд ли можно было бы воспринимать всерьёз для культурной жизни человечества. Но они говорили бы правду, точно так же, как один учитель юриспруденции в Граце, который каждый год доказывал своим ученикам существование свободы человеческой воли, когда он говорил: Люди имеют свободную волю! Поскольку, если бы люди не имели свободной воли, то они не имели бы и никакой ответственности за свои дела, тогда не было бы и никаких наказаний, а также права наказаний. Я преподаватель уголовного права. Но тогда я бы не стал читать лекции по уголовному праву. Но теперь я должен это делать. А раз я в этом университете, то должно быть и уголовное право, а значит, должны быть и наказания, а значит, должна быть и ответственность людей, а, следовательно, также и свободная воля людей. - Примерно так этот преподаватель права из Граца несколько лет назад учил своих слушателей свободе человеческой воли. Это действительно мало отличалось от того, что он говорил.

И по этой схеме действовали бы также теологи и другие люди, если бы говорили правду. Они могли бы также добавить другую сторону этой вещи, которая также была бы правдой, и тогда они были бы более снисходительными, они бы могли ещё сказать: я мог бы, вероятно, также взять на себя неудобство заново обосновать религию и христианство. С профессорами университетов могло бы тогда случиться так, что им, возможно, пришлось бы перейти с теологического факультета, если бы они были в большем количестве, на философский. Если уж они являются профессорами, то им это сделать легче, чем если бы они только хотели бы попасть в университет. Но даже при сохранении хлеба насущного это было бы трудно. Но они не хотят брать на себя эту неудобство, эту обузу, заново обосновывать эти вещи. Но если бы они захотели сказать только эти вещи, они были бы, по крайней мере, честными. Вместо этого они преподносят всё, что, однако, не соответствует действительности, а что является только чем-то декоративным, что должно покрывать эту действительность. Но в этих пунктах нам непозволительно быть снисходительными, а мы должны в этих пунктах повсюду, во всех закоулках, выискивать неправду и лживость и безжалостно характеризовать её для нашего окружения.

И мы также не должны упускать случая постоянно указывать на небрежность в мышлении некоторых людей, которая выражается просто в том, что определённые утверждения они всё же не хотят принимать во всей их моральной глубине. Не так давно некто слышал, как я публично охарактеризовал лживость Фронмейера²⁴, который в лживой,

²⁴ 3 декабря 1920 года в Базеле, где он говорил о «антропософской духовной науке, её ценности для людей и её отношениях с искусством и религией» (ранее неопубликованная). Доктор Joh. Frohnmeier (1850-1921) в своей брошюре «Теософское движение, его история, представление и суждение», Штуттгарт и Базель 1920, среди прочего написал следующее (стр. 107): «В настоящее время в Дорнахе вырезана 9-метровая статуя идеального человека: наверху с «люциферическими» чертами, внизу с животными» (во 2-ом издании эта информация была опущена) - Фронмейер взял эти совершенно неверные данные из статьи пастора Генриха Нидекера-Росса (Heinrich Nydecker-Roos) «Визит в Гётеанум антропософов в Дорнахе у Базеля» в «Christlichen Vorboten aus Basel», 1920, 88. Jg. №. 23, 9. июнь, стр. 178.

тенденциозной манере просто описал для Дорнаха нечто, что выглядит совершенно иначе, нежели в его описании. И этот некто²⁵ сказал: ну, да, Фронмейер полагал, что это выглядит так. - Мне совершенно не важно просто указывать на то, что Фронмейер в этом случае говорит что-то лживое, но важно то, что Фронмейер показывает, что он делает утверждения о чём-то, что стоит в Дорнахе, которые являются пощёчиной истине. Тот, кто делает это в одном пункте, делает это также и в других пунктах. Он является теологом. Он читает лекции в базельском университете. Теология черпает из источников, которые считаются источниками истины. Кто характеризует таким образом, как Фронмейер, кто описывает статую Христа так, как он, тот показывает, что он понятия не имеет, как исследовать истину, исходя из источников. Если бы в исторических книгах не стояло, когда был рождён и когда умер Наполеон, он мог бы и об этих вещах сказать что-то лживое, если бы ему надо было их исследовать. Мне важно показать, что такие люди, со всем их губительным влиянием на историю, не соответствуют своему положению, в котором они оказались, благодаря хаотическим обстоятельствам времени. В этом пункте нам непозволительно оказывать какое-то снисхождение.

Это то, что принадлежит к формальностям вашей работы в ближайшие недели.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

16 февраля 1921 года (после обеда)

В этот час я хотел бы немного поговорить об определённых оттенках в отношении теперешней духовной жизни, которую должна принять наша лекционная работа. А именно, мы не должны ограничиваться тем, чтобы настраивать нашу речь на понимание разумного в социальных вопросах, а мы должны работать в том направлении, чтобы обращать внимание мира на то, что в отношении определённых вещей надо воспринимать иначе, нежели воспринимают в кругах, считающихся сейчас, как раз, влиятельными. Поскольку то, что живёт в институтах внешне, что внешне происходит в социальных действиях людей, полностью зависит от образа мышления, чувствования и направленности воли человека. Поэтому я так подчёркивал, что человек как таковой должен быть поставлен в центр социального рассмотрения так же, как и в центр рассмотрения всей жизни и всего мира. Но мы сами должны получить ощущение того, насколько обманчивой и скользкой является в настоящее время жизнь чувств. Мы должны иметь острое чувство того, что цивилизованный мир оказался в сегодняшнем положении, благодаря этой, часто искажённой, жизни чувств. Такие вещи мы должны прояснять для себя посредством примеров. Мы можем легко найти такие примеры, если с определённым объективным чувством взглянем на то отношение, которое испытывает в настоящее время антропософское движение со стороны наших современников.

Ведь, как раз, при обсуждении социальных вопросов всегда необходимо выделять моральный момент, который состоит в том, что правящие личности непосредственного прошлого позволяли развиваться событиям времени, собственно, совершенно безответственным образом. Разве не в правящих кругах заботились только о том, чтобы поставить на сцену хода мира то, что поддерживает это ход мира в смысле в современной техники и форм материализма, возникшего в последнее время, как ход мира поддерживается ими? И совершенно ясно: никто не принимал во внимание того влияния, которое этот ход мира должен иметь на бесчисленное множество людей, которые, как раз, благодаря этому ходу мира, развились в пролетариат. Всеми этому было позволено произойти действительно с беспечностью, которая сейчас, разумеется, показывает себя трагично, но на которую надо обратить самое пристальное внимание, если мы хотим добиться каких-либо улучшений.

²⁵Профессор Д. Герхард Хайнцельманн (Gerhard Heinzelmann,), Базель, согласно его отзыве на статью «Травля против Гётеанума», Дорнах 1920 в «Журнале евангелической миссии», Базель 1921, том.

Самым ярким примером такой беспечности является тот пример, о котором я раньше уже часто упоминал. В конце шестидесятых годов предыдущего столетия в Австрии был министр полиции по фамилии Гискра. В то время уже были отдельные люди, которые указывали на то, что на горизонте современной цивилизации поднимается социальный вопрос. И этот министр полиции на определённые вопросы относительно социального вопроса дал ответ: «В Австрии нет никакого социального вопроса. Он заканчивается у Боденбаха!»

Вот такая страусиная политика запихивания головы в песок в самом широком охвате практиковалась в правящих кругах новейшего времени. И это, мои дорогие друзья, надо видеть, это надо ясно представлять современности. Поскольку, можно сказать: бессовестность из внешнего мира постепенно вошла в само мышление и, к сожалению незаметно для многих людей, там незаметно проявляется. Благодаря этому возникает грубость мышления, и эта грубость мышления, как раз, со стороны интеллектуальных людей, часто отрицается. То, что я, как раз, сейчас сказал, я хотел бы пояснить на одном выступающем сегодня примере.

Видите ли, настоящим продуктом этих кругов, действовавших с величайшей беспечностью и равнодушием к ходу мировых событий, является некий граф Герман Кейзерлинг (Hermann Keyserling), основавший в Дармштадте так называемую «Школу мудрости», - поистине ужасный культурный продукт современности. Его книжный магазин рекламирует эту «Школу мудрости». Как раз, вышла одна книжонка, которая носит, как вы, вероятно, сами подтвердите, довольно амбициозное название «Путь к совершенству». Она нуждалась в рекламе от этого книжного магазина. К этой рекламе на внешней стороне, так называемой, опоясывающей ленты добавлено: «Разрешение нападок Рудольфа Штайнера». Этот книжный магазин добавляет затем: «Позиция графа Кейзерлинга относительно теософии в целом и теософии Штайнера в частности изложена в 14-ой главе его последней книги «Философия как искусство», озаглавленной «За и против теософии». Рудольф Штайнер счёл необходимым ответить на эти высказывания, выражающие правду совершенно объективно, личными оскорблениями». Вот какую рекламу пишет книжный магазин для этой «Школы мудрости»! Теперь, как раз, если мы хотим, чтобы в настоящее время произошло социальное оздоровление, действительно необходимо следить за манипуляциями таких людей, как граф Герман Кейзерлинг, и открыто и откровенно доносить до всего мира о том, что мы обнаруживаем в ходе этого слежения. Поскольку необходимо разоблачать вредителей современной цивилизации.

О внутренней бессовестности, интеллектуальной бессовестности этого графа Кейзерлинга, вы можете судить по тому, что он пишет в этом документе, который, между прочим, содержит, например, на странице 59 прекрасное предложение: «На более продолжительные личные беседы с графом Кейзерлингом вне общих собраний могут рассчитывать только члены студенческого общества. Для этого по предварительной договоренности и за исключением субботы и воскресенья, если он, как раз, не в отъезде, он доступен каждый день с трёх до пяти после обеда в здании школы по адресу Paradeplatz 2, вход со стороны Zeughausstraße. Если кто-либо, не являясь студентом, захочет воспользоваться временем директора для получения мудрых ответов, администрация оставляет за собой право взимать специальную плату за консультации в интересах школы».

Мои дорогие друзья, конечно, совершенно правомерно смеяться над такими вещами; но сами эти вещи совсем не смешные. Как раз, в этих вещах кроется основной вред для нашей социальной жизни. Поскольку на странице 47 вы обнаружите следующее предложение, - вы знаете, что, правда, с определённой безапелляционностью, что необходимо в таких случаях и было обдумано, я уже охарактеризовал здесь, в этой публичной лекции лживость графа Германа Кейзерлинга относительно моей зависимости от Геккеля, о которой он настаивал, - на эту характеристику он отвечает теперь следующим образом: «... и вместо того, чтобы исправить любую возможную ошибку с моей стороны, что я бы с радостью принял, поскольку у меня не было времени специально исследовать источники Штайнера... Штайнер просто обвиняет меня во лжи...». То есть, этот человек не стыдится предположить, что любой

может написать любую неправду, какую захочет, и не получить за это по рукам, претендуя на исправление! Только представьте себе эту интеллектуальную развращенность, ведущую к тому, что можно написать что угодно, а другой человек потом обязан это исправить. Если бы мы работали таким образом, мы оказались бы в социальном болоте. А потом добавить: «... у меня не было времени специально исследовать источники Штайнера...» - что это значит в действительности? В действительности это значит: я не трачу время на то, чтобы тщательно проверить то, что пишу. - И такой человек заявляет, что это его право!

Мои дорогие друзья, мы должны ощущать эти извращённые интеллектуальные понятия современности. И если мы этого не поймём, если мы не сможем выступить перед современностью с разоблачением этого болота, то все наши дальнейшие разговоры будут напрасны. Тут я должен повторять снова и снова: просто защита не поможет. Мы должны воспринимать то, что фигурирует как нападение на нас, только как симптом, характеризующий существующую интеллектуальную испорченность. Поскольку человечество должно знать, как, собственно, его сегодня ведут духовно.

Это двойник ложного обвинения, сделанного профессором Базельского университета, который всегда выпрыгивает с такими вещами, как домовый в ночи, и имя которого, возможно, по этой причине - Хайнцельманн²⁶. Доктор Боос (Boos) на некоторые выпады отреагировал довольно резко. А именно, в швейцарских газетах утверждалось, что антропософия была заимствована из различных древних писаний; было приведено нечто из индийских ведических текстов и литературы Веданты, была приведена Бхагавад-Гита, а также Акаша-Хроника! Теперь видите ли, доктор Боос, вероятно, с определённым основанием сказал: Утверждать нечто подобное - значит предоставлять доказательства того, что заведомо говорится неправда; поскольку, ведь, тот, кто говорит такие вещи, знает, что, подойдя к книжной полке, он не может взять там одну за другой Ведические книги, Бхагавад-Гиту, а потом Акаша-Хронику. Ведь, так были представлены вещи. То есть, надо знать, что пишется неправда. Тот «домовой» из Базеля теперь пишет, после того, как я это соответствующим образом охарактеризовал, что моя характеристика является «новейшим определением научной неправды»;

На странице такой-то я дал определение, что объективная неправда существует тогда, когда неверно утверждается что-то такое, что, собственно, надо знать; это противоречит ранее распространённому определению «заведомой лжи», которая заключается в том, что нечто утверждается «против лучшего знания».

То есть, этот университетский профессор пишет, что на той странице стоит какое-то определения. Но там нет никакого определения! Я сказал только, что то, что он там говорит об Акаша-Хронике, утверждается действительно против лучшего знания. - Таким образом, он просто соврал, что на той странице было какое-то определение. Он пускал людям пыль в глаза, отводя их от собственного факта: что речь идёт, как раз, о том, что было выдвинуто утверждение, противоречащее лучшему знанию.

Видите ли, это кажется педантизмом. В действительности это не так, но это то, что сегодня принадлежит к самым необходимым вещам в моральном плане: что мы даём понять правящим деятелям, насколько отупело в нравственном отношении мышление. И это нравственное отупение распространилось сегодня, по сути, на всю духовную жизнь.

Далее, ведь, правда и то, что это отупение происходит из двух источников: прежде всего, из самой научной жизни, и, во-вторых, из журналистики. Но это не может помешать нам искать подобные вещи везде, где они дают о себе знать, и снова и снова привлекать к ним внимание людей.

И если мы, как раз, для людей нашего времени, так тяжёлым на понимание, хотим прояснить, насколько необходима самостоятельность духовной жизни, то мы сможем это сделать, указывая на то, что стало с духовной жизнью под водительством государственной и хозяйственной жизни. И это обусловлено самим предметом, что мы, не вдаваясь в

²⁶ Heinzelmann (Хайнцельманн), нем. = домовый (прим. пер.).

дальнейшую полемику, представляем эти вещи, только их характеризуя, я бы сказал, в том же тоне, в котором мы пытаемся представить любой другой объективный факт. Однако это, ведь, предполагает, что мы заботимся о таких вещах. И то, что у нас должно быть: это свободный, открытый взгляд на то, что есть, на то, что происходит вокруг нас. Я, ведь, уже подчеркивал это с других точек зрения.

Не составит никакого труда представить многое из того, что содержится, как раз, в этой брошюре графа Кейзерлинга, я бы сказал, во всей его пагубности. Поскольку, не правда ли, в этой брошюре, где говорится о приятной атмосфере, в которую погружаются те, кто посвящает себя Школе Мудрости в Дармштадте, можно найти предложения такого калибра: «Она» - атмосфера - «скоро станет представлять собой такой мощный фактор, что одного присутствия в наполненных ею помещениях будет достаточно для восприимчивого новичка, чтобы на уровне чувств уловить, к чему здесь стремятся». Затем он продолжает: «Однако создание определённой высоко культурной атмосферы не является главным намерением, лежащим в основе Школы Мудрости. Эта атмосфера является основной предпосылкой для достижения более важных целей. Последняя, однако, заключается в том, чтобы продвигать отдельных призванных не только посредством произвольного и бессознательного влияния определённого образа жизни, а также уровня бытия ведущих личностей, но и посредством интенсивной приватной работы. И снова, далее: «Он может представлять любое мировоззрение, придерживаться любой политической программы, иметь любую веру, преследовать любые интересы; он может быть молодым или старым, мужчиной или женщиной, в Школе Мудрости он научится связывать любое («существование») <Dasein> с более глубоким («бытием») <Sein>. В другом месте также подчеркивается, как прекрасна Школа Мудрости тем, что она не заботится о том, правы ли, например, люди, говорящие о свободных деньгах, или правы ли другие школы мысли; это в Школе Мудрости в Дармштадте рассматривают как мелочь, прав или неправ кто-то в каком-либо направлении. А все эти направления должны сойтись воедино на паркете Дармштадта! Поскольку все эти различные интересы, различные верования, различные человеческие конституции призваны «связывать всякое произвольное <существование> с более глубоким <бытием>».

Видите ли, по сути, это лишь теневая сторона того, что, собственно, не может улучшиться, если духовная жизнь не будет поставлена на полностью новую, то есть, свободную почву. Поскольку, если мы хотим говорить об оздоровлении социальных отношений, надо полностью осознавать то, что мы находимся в важном историческом моменте развития человечества, что к некоторым вещам люди стремятся просто из-за того, что они вырабатываются из основ человеческой душевной жизни. И одним из важнейших импульсов, которые здесь вырабатываются из основ человеческой душевной жизни, это импульс преодоления старых институтов принуждения в отношениях человека с человеком.

Обратите внимание на эту формулу: Преодоления старых институтов принуждения в отношениях человека с человеком. - Вернёмся назад к прежним социальным отношениям человечества. Мы обнаружим, что в старые времена существовала система социальных слоёв, основанная исключительно на крови; благодаря рождению в том или ином племени, в той или иной семье, один становился господином, а другой - кнехтом, один - отдающим приказы, другой - их исполняющим. Чем дальше назад мы возвращаемся в развитии человечества, тем больше мы обнаруживаем, что социальная жизнь была построена на таких отношениях крови и наследственности. Они частично ещё сохранились в сознании людей. То, что ещё существует сегодня как классовое сознание благородных слоёв, в конце концов, ведь, касается исключительно старых времён и в основном является продолжением тех социальных требований, которые были основаны в прежние времена на крови.

Правда, в ходе Нового времени в эти социальные слои было втиснуто нечто другое. И это другое основывается на экономической власти. К тому, что раньше с определённой стороны было признано справедливым, а именно, быть господином или кнехтом, исходя из крови, добавилось то, что принесли современные экономические отношения: слой через экономическую власть. Экономически сильному принадлежит другой класс, как тот, кто

ничего не имеет, то есть, является экономически бессильным. Это втиснулось в старое. По сути, ведь, многое в наших современных социальных отношениях всё ещё является продолжением старых отношений принуждения. Против этого восстаёт сегодняшнее сознание человека. И, по сути, большая часть того, что мы называем социальным вопросом, является этим демократическим восстанием против отношений принуждения. Поэтому должен возникнуть вопрос: Как вести себя в этом направлении?

И здесь надо всё же сделать ясным, что без отделения свободной духовной жизни от прочих членов социального организма на основании, которое я, как раз, охарактеризовал, стабильное социальное состояние достигнуто быть не может. Когда духовная жизнь действительно будет поставлена на своё собственное основание, тогда в этой духовной жизни не может быть никаких социальных отношений принуждения, а только отношения свободного признания. И это свободное признание получится в рамках социальной жизни само по себе. Грубо говоря: Не сможет кто-то предоставить где-нибудь место кому-то как учителю музыки, кто сам никогда в своей жизни не играл на каком-либо музыкальном инструменте, и демократическое чувство никогда не будет требовать абсолютного равноправия среди всех людей в отношении приглашения учителя музыки. А учителем музыки на совершенно независимой и свободной основе будет назначен человек, который знает и умеет делать всё необходимое для того, чтобы быть учителем музыки. И, когда нигде ничего не практикуется принудительно, нельзя будет отказать в признании тому, кто знает своё дело; это выяснится само собой.

В свободной духовной жизни будет дано, как раз, очень многое из тех вещей, которые сходны с завоеванием авторитета. Но построение на основе собственного авторитета будет повсюду. Поскольку на чём основано неприятие бесконечного числа людей современности любого авторитета? Это неприятие основано ни на чём ином, как на том, что люди видят: экономические условия налагают на нас принудительное подчинение, и мы не признаем того, что эти экономические условия налагают на нас принудительное подчинение. Также мало люди признают то, что на них налагают принудительное подчинение политические или кровные отношения. Против этого восстаёт историческое чувство, которое я охарактеризовал как демократическое чувство, которое поднимается сегодня на поверхность из глубинных основ человечества. И поскольку самые широкие круги учились у интеллектуалов и духовных лидеров, конечно, не точности, а скорее кейзерлинговской любительщине, они воспринимают историю так, что говорят себе, что они восстают против всякого авторитета в экономической жизни. И, теперь, третье, духовная жизнь, её сюда также включают, поскольку она не предстает перед душевным взором человека в своей совершенно особой сущности. Она может это сделать только в том случае, если действительно находится в состоянии непосредственного свободного самоуправления. Необходимость освобождения духовной жизни необходимо разъяснить людям, исходя из самых различных субстратов.

И огромное значение имеет ещё следующее: должна быть область, где люди чувствуют себя равными. Сегодня она отсутствует по той причине, что государство, с одной стороны, впитало в себя духовную жизнь, а, с другой стороны, стягивает на себя экономическую жизнь, то есть, с двух сторон втягивает в своё существо авторитетность и потому, собственно, нет почвы на которой люди, ставшие совершеннолетними, могли бы чувствовать себя равными. Если такая почва есть, на которой люди, ставшие совершеннолетними, могли бы чувствовать себя полностью равными с другими, то действительно можно было бы ощутить: Я есть человек, равный любому другому человеку. - Тогда он также признает авторитет или ассоциативное суждение в той области, где он не может этого почувствовать, поскольку это абсурд.

Нечто выступит снова, - пока не своевременно рассказывать об этом людям; но я вам скажу, - снова выступит нечто подобное тому, что, исходя из других обстоятельств, играло определённую роль в древности. Возьмем какую-либо деревню в древние времена: священник был, своего рода, божеством в самом полном смысле этого слова. Но были случаи, когда священник появлялся среди других людей исключительно как человек. Они это

очень ценили. Если у нас теперь есть, с одной стороны, духовная жизнь с признанием, свободным признанием само собой разумеющегося авторитета, а с другой стороны, экономическая жизнь с групповым суждением, которое основано на слиянии суждений связанных людей, и между ними почва, где люди встречаются без какого-либо различия прочей авторитетности, - и что имело бы место при трёхчленности социального организма, - тогда это действительно в самом глубоком смысле оказало бы реальное влияние на решение социального вопроса. Но это должно иметь место в самом глубоком смысле, чтобы учитель, духовный человек, - я имею в виду сейчас символически - снимал свою тогу, когда он показывается на почве социальной государственной жизни, и чтобы рабочий мог снять свою блузу, когда встаёт на почву социальной государственной жизни, так чтобы действительно с обеих сторон люди встречались в одинаковой униформе, которой, ведь, не надо быть униформой в обычном смысле, но чтобы люди могли быть равноценны, находясь на правовой государственной почве.

Мы должны придавать огромное значение тому, чтобы такие, я бы сказал, моральные импульсы, жили также внешне, действительно входили в человеческое общество. Поскольку, несомненно, возникли бы дикость и варварство, если бы было реализовано то, что истинный марксист считает идеалом социального порядка. Но с другой стороны, можно быть совершенно уверенным: если широкие массы народа, после пережитого ими в Европе за последние месяцы, правильным образом, достаточно долго, без смущения со стороны своих лидеров будут слышать, в чем смысл трёхчленности социального организма, то для них должен, наконец, появиться свет.

Но параллельно с этим действием должно произойти другое: моральный упадок, как я его только что охарактеризовал, должен стать в суждении современности осознанным. Мы должны наглядно доказать, где в суждении люди просто выпадают из морали, как это произошло с графом Германом Кейзерлингом. Поскольку этот человек в большой степени является человеком, который пускает людям пыль в глаза, и нужно только правильно представить миру такой экземпляр человека. Тогда вы совершаете нечто выдающееся в моральном отношении.

Поскольку, смотрите, после того, как этот Граф Герман Кейзерлинг сделал, или позволил сделать через свой книжный магазин, всё то, о чём я вам рассказал, он делает следующее. Он говорит: «Я касаюсь этого случая только для того, чтобы на его примере ясно показать, как чётко следует различать <быть> и <мочь>. О Штайнере у меня не может возникнуть благоприятного впечатления; noblesse oblige²⁷» - под этим он подразумевает: благородство обязывает не называть лжеца лжецом - «... но как знаток я всё же нахожу его весьма достойным внимания и советую каждому критическому уму, склонному к психологии, воспользоваться редкой возможностью, предоставляемой существованием такого специалиста, чтобы у него и от него поучиться. Я знаком не только с важнейшими его всем доступными произведениями, но и с его циклами, и из них у меня сложилось впечатление, что Штайнер не только необычайно одарен, но и действительно обладает необычными источниками знаний. Для <чувств> же у него нет более тонкого органа, поэтому он должен считать всякую мудрость, не относящуюся к феноменам, абстрактной и пустой; но то, что он говорит о последних, заслуживает серьёзной проверки, как бы абсурдно это на первый взгляд ни звучало, и как бы мало пробуждающим доверие ни действовал как проявление его существа его стиль, поэтому я глубоко сожалею, что его совершенно неожиданные действия против меня лишили меня возможности личного соприкосновения с ним самим. Поскольку остается верным то, что я написал в той же статье, которая вызвало гнев Штайнера, защищая его от своих оппонентов, что великого человека следует судить исключительно по его лучшим сторонам; интерес к его знаниям и способностям не должен быть ослабленным из-за его недостатков и ошибок. В тот же день, когда я получил бранную речь Штайнера, я

²⁷Noblesse oblige (в переводе с французского «благородство обязывает») относится к концепции, согласно которой благородство выходит за рамки простого права и что лицо, обладающее таким статусом, обязано выполнять социальные обязанности (прим. пер.).

порекомендовал одному из моих учеников серьёзно изучить его труды и даже вступить в его Общество, поскольку мне казалось, что это его путь, и в его случае мне не нужно было считать опасным соприкосновение с сомнительными вещами, связанными со Штайнером. Никогда не следует забывать, что каждое существо разнообразно, что никакое плохое качество не обесценивает хорошее; и что характер общества полностью зависит от духа его преобладающих членов. Также и антропософия ещё может иметь будущее, если её покинет догматическая вера и дух сектантства, если она откажется от нечистой агитации и действительно станет тем, чем она должна быть согласно своему уставу».

Таким образом, вы видите, что для тех, кого, к сожалению, хватает в Антропософском Обществе, есть масса поводов сказать: Да, чего же хочет Штайнер? Кейзерлинг превозносит его до небес! Но мне важно не то, хвалит ли он меня или нет, а то, является ли он вредителем цивилизации или нет. Поскольку мне кажется, что всё, что тут говорит Кейзерлинг, таково, что я могу охарактеризовать это только так: Этот человек пытается всё, что навязывается миру его поверхностностью, скрыть за такими - в данном случае я не могу назвать это иначе - хвалебными речами. Я говорю это по той простой причине, что я полностью убежден, что у графа Кейзерлинга нет ни малейшего органа, чтобы понимать то, что он здесь восхваляет.

И для нас гораздо важнее должно быть следующее: обратиться к этому фактическому аспекту, показать в наших лекциях миру, - я привёл сегодня графа Кейзерлинга только как пример, - какая поверхностность и неоправданные стремления царят сегодня. Если мир увидит, какие люди им руководят, то он обретёт понимание для освобождения духовной жизни. Поскольку будет невозможным, чтобы такие герои вообще могли появиться в свободной духовной жизни. Конечно, мои дорогие друзья, земная жизнь, которую человек проводит между рождением и смертью, никогда не будет наполнена только ангелами. И только такой человек как профессор Райн (Rein) из Йены может произносить такое странное утверждение, что антропософская мораль относится, собственно, только к ангелам, как он сделал это в одной из своих статей. Но если в свободной духовной жизни и будут, разумеется, всякие чудачки, то они не смогут составить большинства, а большинство, как раз, посредством внутренней силы и импульсивности духовной жизни будет воспитано к чему-то иному. Разумеется, можно легко распространять по миру такую пустоту мысли, какую распространяет граф Кейзерлинг, если человек достиг социального положения, исходя из старых кровных отношений, как граф Кейзерлинг, и если он, возможно, также получает некоторую поддержку из других сторон, о которых сейчас нет нужды упоминать, для создания таких «Школ Мудрости». Но подобная глупость никогда не сможет возникнуть в свободной духовной жизни. Поскольку тогда наверняка найдётся достаточно людей, которые будут устранять подобные вещи.

Вы видите, что мне было важно в этой лекции, - это настойчиво указать на пустоту и абстрактность кейзерлинговских размышлений, на недействительное. И всякий, кто обладает хорошей памятью, тот знает, что я сначала охарактеризовал эту пустоту и абстрактность, это бессубстанциональное, эту фразеологичность, а затем добавил: Тот, кто предается пустым абстракциям и фразеологизмам, тот, сталкиваясь с чем-то, имеющим субстанциональное содержание, вынужден впадать в неправду. В этом состояла связь. И это было тогда самым главным. И что из этого получилось? Ведь, было бы интересно узнать, что скажет в свою защиту человек, которого обвиняют в том, что он страдает от пустоты, от интеллектуальной и спиритуальной одышки. Но граф в своем журнале «Путь к совершенству. Сообщения Общества свободной философии. Школа мудрости» пишет следующее. Он говорит, имея в виду меня, что находит мою мудрость бескровной, абстрактной и пустой, и утверждает, что всегда может сказать заранее то, что скажут люди моего сорта; суть моей философии - это «душевная одышка, внутреннее стремление избавиться от нехватки воздуха», а об антропософии я не имею «никакого представления, даже смутного». То есть, вы видите, граф Кейзерлинг даёт ту же характеристику, что давал я. Но в этом отношении он действительно всего лишь пример. Именно то, что содержится в качестве основного тона в современной духовной жизни, в конечном итоге восходит к подобным вещам.

Фактически, благодаря развитию абстрактной духовной жизни в последние столетия, стало возможным появление в различных областях выдающихся учёных, которые, по сути, всё же не могут сформировать ни одной правильной, наполненной содержанием мысли. Хорошим примером этого является выдающийся биолог Оскар Хертвиг (Oscar Hertwig)²⁸ из Берлинского университета. Если вы прочтёте его книгу, в которой он критикует дарвинизм, вы не сможете не сказать: Это человек, которого без сомнения надо назвать абсолютно значительным в своей области. И книга «Становление организмов», - так она называется, - это хорошая книга. Но для того, чтобы написать такую хорошую книгу, не нужно ничего, кроме как быть внутри механизма бездумного экспериментального исследования, быть усердным, быть немного продвинутым по службе - он, ведь, прибуксовал в некую клику как ученик Геккеля, - и, если обстоятельства будут благоприятствовать, то можно стать очень важной персоной. Он, ведь, настолько важен, что его даже избрали для того, чтобы он внёс вклад в мудрость бывшего германского императора Вильгельма II в Берлине и ему было позволено прочитать ему лекцию об особенно сенсационных открытиях в изучении низших форм жизни! Затем, вскоре после публикации книги Хертвига о дарвинизме, которая является превосходной книгой в своей области, Хертвиг опубликовал также книгу по социальным вопросам. Это ни что иное, как сборник полной бессмыслицы, строка за строкой. Почему? Да, видите ли, при написании книги «Становление организмов» не было необходимости думать. Там он жил внутри механизма современного научного производства. Но в случае необходимости вынести здоровое суждение в социальной области нужно начать думать самому. И тогда оказалось, что этот великий учёный вообще не может думать, даже самым примитивным образом.

Такие конкретные примеры необходимо использовать для понимания того факта, что мы находимся внутри такой, так называемой, научной и духовной жизни, которую, по сути, можно вести, исключая всякое действительно самостоятельное мышление. И по мере того, как такая духовная жизнь становилась всё более доминирующей, действительное мышление, содержательное, субстанциональное мышление всё больше и больше исчезало.

И тут мы столкнулись со странной вещью, с тем, что люди хотят проверять детей с помощью экспериментальной психологии, воплощая в их память какие-то бессмысленно скомбинированные слова, чтобы установить наличие этой памяти, или подобные шуточки, которые выдаются за «совершенно научные», которые в Америке распространены ещё больше, чем в Европе, но которые уже основательно прижились в Германии. Привнесение этого в школьную жизнь означает ни что иное, как то, что мы выставили человека из социальной жизни до такой степени, что учитель больше не имеет никаких связей с ребёнком, что ему больше не нужно определять, исходя из ребенка, а что он должен с помощью аппарата определять то, на что тот способен. И если большевизм продолжит существовать в России ещё долго, то этот метод будет применяться вместо экзаменов, возможно, в весьма значительной степени. Детей будут проверять, как машины, чтобы определить, годятся они для жизни или нет. Это, безусловно, один из идеалов Луначарского.

Эти вещи надо характеризовать беспристрастно, и тогда, может быть, постепенно в людях настоящего времени пробудится чувство того, что так ощутимо показывает, как нам необходимо обновление, оплодотворение духовной жизни, и как это обновление, это оплодотворение может произойти на основе отделения духовного от других социальных членов. Мы должны пытаться действовать иллюстративно, представляя современные явления во всей их остроте.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

16 февраля 1921 года (вечер)

²⁸Оскар Хертвиг > 1849 -1922. «Становление организмов. Опровержение теории случайности Дарвина», Йена, 1916. Хертвиг также опубликовал книгу по социальным вопросам: «В защиту этического, социального и политического дарвинизма», Йена, 1918.

Как, с одной стороны, путём вхождения в нити духовной жизни настоящего, необходимо, показать людям необходимость отделения и свободного формирования духовной жизни, так, с другой стороны, необходимо представить всё то, что в конечном счёте показывает, как экономическая жизнь должна быть поставлена на почву ассоциативного принципа.

Прежде всего, необходимо подвести людей к твердому суждению, что отдельный человек не в состоянии сделать в экономической жизни ничего, что могло бы быть плодотворно интегрировано в эту экономическую жизнь. В духовной жизни суждение в конечном итоге всё же всегда должно исходить от самого человека; поэтому посредством свободной духовной жизни может полностью проявиться отдельный человек; необходимо создать ситуацию, в которой каждый сможет проявиться полностью индивидуально в соответствии со своими индивидуальными способностями. В экономической жизни это не имело бы никакого значения. Напротив, это было бы вредно, поскольку экономическое суждение отдельного человека вообще не имеет никакой ценности. Оно никогда не сможет по-настоящему корениться в действительности.

Это понятно, как раз, если человек стоит на антропософской почве. Поскольку то, чем является духовная жизнь, в конечном итоге истекает из внутреннего человека. То, что человек приносит с собой с рождением, он должен формировать из самого себя. Правда, он формирует это во взаимодействии с окружением. Он получает также опыт, будь то опыт внешний или внутренний, физический или духовный. Но процесс, который при этом человек развивает, должен исходить из его совершенно индивидуальных способностей. Если же мы хотим понять экономическую жизнь, то в нашей человечности нет ничего, что могло бы иметь столь же определяющее значение для социальной жизни, как индивидуальные способности отдельного человека.

Эти индивидуальные способности, когда люди их применяют, обогащают общую жизнь человечества. Если он их просто применит, жизнь общества обогатится. В экономической жизни как таковой, то есть, насколько она касается обмена и оценки товаров, нет, исходя из человека, ничего другого, кроме его потребностей. Человек как отдельный индивидуум ничего не знает об экономической жизни и её необходимостях помимо того, что он знает через свои потребности; он знает, что ему нужно получать в определённом количестве еду и питьё; у него есть отдельные индивидуальные потребности. Но эти индивидуальные потребности имеют значение только для него, только для него самого.

То, что какой-то человек производит духовно, имеет значение для всех остальных; то, что он производит духовно, фактически изначально имеет социальное значение. Потребности, которые есть у человека, и для удовлетворения которых он должен желать, чтобы существовала экономическая жизнь, имеют значение только для него. В экономическом плане он мог бы знать только то, как он должен заботиться о себе самом. Но это никоим образом не даёт какого-либо социального стандарта, какой-либо основы для социального суждения. Поскольку то, что должно действовать в социальной жизни, просто исключается, если имеется только стандарт того, что требуется самому. Поэтому социальное суждение никогда не может основываться на том знании, которое получено из собственных потребностей. У отдельного человека нет оснований для социального суждения. Если он действует исходя из того, чем он является как отдельный человек, то есть, просто исходя из своих потребностей, а затем использует свой интеллект и свои способности не для того, чтобы производить что-либо для общества, как в духовной жизни, а для удовлетворения своих потребностей, то он при любых обстоятельствах действует как антисоциальное существо.

Это также причина того, почему никакая умность не помогает, когда речь идёт об экономическом суждении. Я вынужден снова и снова приводить пример защиты золотого стандарта в ходе 19-го столетия. Если вы читаете парламентские отчёты и другие материалы, например, подготовленные практиками в защиту золотого стандарта в отдельных странах, то вы действительно повсюду сможете обнаружить огромные затраты

индивидуального остроумия. То, что там было сказано, было, собственно, полностью разумно, - можно сказать. Читая сегодня речи о золотом стандарте, которые тогда звучали, проникаешься уважением к человеческой мощи. Но, как раз, то, что говорили самые умные люди, всегда сводилось к тому, что золотой стандарт внесёт значительный вклад в развитие свободной торговли в мире. И доводы, которые были выдвинуты в поддержку этого суждения, что результатом золотого стандарта станет свободная торговля, были, собственно, неопровержимы. Но повсюду произошло обратное! После введения золотого стандарта повсеместно возникла необходимость в защитных тарифах и тому подобном. Повсеместно возникли ограничения свободной торговли. И этот пример в высшей степени показывает, что индивидуальная человеческая умность, даже если она выступает так сильно, как это было тогда, в 19-ом столетии, не может помочь в решении экономических вопросов. Как отдельный, человек ошибается, когда пытается действовать экономически, исходя из индивидуальных суждений.

Из этого с неопровержимой уверенностью получается необходимость ассоциаций. Только благодаря тому, что люди из разных отраслей и элементов объединяются друг с другом, и тому, что один человек получает свои знания в одной области, не исходя из своих собственных потребностей, а исходя из потребностей других, с которыми ему приходится иметь дело, благодаря тому, что это знание дополняется и расширяется тем, что знает другой человек, - только таким образом возникает общее суждение, которое затем переходит в экономическую деятельность, и которое может привести к социальному оздоровлению. Невозможно избежать необходимости ассоциации, просто указывая на этот основополагающий факт. Кроме того: Что станет из экономической жизни как таковой под влиянием трёхчленности? Что у нас, собственно, есть в экономической жизни? У нас есть там три фактора.

Первый - это тот, что возникает из знания, связанного с производством того или иного товара. Надо быть экспертом, независимо от того, хотите ли вы добывать уголь, выращивать зерно, разводить скот или обеспечивать какую-либо индустрию, надо быть экспертом.

Второй: в рамках нашей сегодняшней экономической жизни должна правильным образом управляться торговля товарами, жизненными товарами. Этой торговлей необходимо управлять правильно. Товары должны быть доставлены в те места, где они необходимы. Поскольку только там они имеют свою собственную ценность. Иначе они не товары, а лишь предметы. Это надо различать. Что-то, даже какое-то средство питания, находясь в каком-либо месте, вполне может быть просто предметом, а не товаром. Поскольку, если в каком-то месте есть огромное количество средств питания определённого качества, а люди в нём не нуждаются, то товарами из них будут только такое количество, которое люди могут использовать. Всё остальное - просто предметы, и они станут товарами только тогда, когда окажутся на местах, где в них могут нуждаться. Без торговли ни один объект не становится товаром. Это, безусловно, то второе, о котором идёт речь. Но это второе тесно связано с человеческим трудом. Поскольку преобразование природных и прочих объектов из предметов в товары происходит, как раз, посредством человеческого труда. Если вы подумаете, то обнаружите, что это преобразование предметов в товары, собственно, вполне эквивалентно затратам человеческого труда. Труд начинается с того, что мы берём у природы. Всегда можно вернуться к предметному характеру объекта, и если это сделать, то ещё нельзя говорить о каком-либо народно-экономическом характере объекта. Народно-хозяйственным предмет становится только тогда, когда он попадает в обращение. Только, благодаря этому, он становится чем-то, имеющим значение для всего народного хозяйства. Но это связано со всей структурой, всем разворачиванием человеческого труда, с видом, временем и так далее человеческого труда.

Третьим фактором в экономике является знание потребностей. Ведь, только тогда, когда известны потребности людей на определенной территории, может разумным образом осуществляться производство. Предмет, которого производится слишком много, неизбежно станет слишком дешевым; а предмет, которого производится слишком мало, неизбежно

станет слишком дорогим. Цена зависит от того, сколько человек задействовано в производстве какого-то предмета. Это основной и жизненный вопрос народного хозяйства, исходить из удовлетворения потребностей, а именно, из свободного удовлетворения потребностей. То, что тут есть, - поскольку это живой процесс, - не может быть определено статистикой, а может быть определено только благодаря тому, что ассоциированные люди, как люди знакомые с теми, кто имеет те или иные потребности, по-человечески знают сумму этих потребностей на определенной территории, и с чисто человеческой, живой точки зрения, а не с точки зрения статистики, могут, в свою очередь, договариваться о том, сколько людей необходимо для производства какого-то изделия. Так, чтобы в жизни ассоциаций в первую очередь иметь тех людей, которые исходят из существующих потребностей на определённой территории, и которые проявляют волю в ведении переговоров о том, сколько людей должно быть занято для производства в определённой отрасли экономики, чтобы эти потребности могли быть удовлетворены. Всё это должно быть связано с тем, чтобы люди имели чувство свободы потребностей. У тех, кто в первую очередь имеет только-что охарактеризованную задачу, ни в коем случае не должно присутствовать представление, что какая-то потребность правильна, а какая-то - нет, а речь должна идти только о том, чтобы действовать в направлении объективной констатации какой-то потребности.

Борьба с бессмысленными потребностями, с потребностями роскоши, вредными потребностями не входит в обязанность экономической ассоциативной жизни, - она подлежит только влиянию духовной жизни. Бессмысленные, вредные потребности должны быть устранены из мира, благодаря наставлениям со стороны духовной жизни, посредством облагораживания чувств. Свободная духовная жизнь вполне в состоянии это сделать. Грубо выражаясь: Кино не позволительно запрещать в полицейском порядке, а надо обучать людей так, чтобы у них не было вкуса к такому кино. Это единственное здоровое средство преодоления вредных влияний в социальной жизни. В тот момент, когда потребности как таковые оцениваются экономикой или государством, мы уже имеем дело не с трёхчленностью социального организма, а с хаотичным смешением духовных, экономических и прочих интересов. Трёхчленность следует воспринимать серьезно, вплоть до её самых внутренних волокон. Духовная жизнь должна быть действительно свободной. Она не свободна, когда существует какие-либо виды органов цензуры, когда можно запретить то или иное из того, что входит в сферу человеческих потребностей. Вы можете, будучи фанатичными, сколько угодно ругать кино; это не ограничивает свободную духовную жизнь. Но в тот момент, когда вы призываете полицию, когда вы кричите «Это должно быть запрещено», вы ограничиваете свободу духовной жизни. Это необходимо запомнить, и здесь не позволительно отшатываться от определенного радикализма.

Таким образом, в ассоциациях мы имеем дело с людьми, которые информируют себя о потребностях в пределах определённой территории, и которые затем иницируют переговоры - не устанавливая законы - о необходимом производстве.

Так что, вы видите, можно охарактеризовать дело несколько иначе, и тогда оно может показаться даже, я бы сказал, несколько более обыденным. Но для иллюстрации, можно также сказать: прежде всего, в объективированных в ассоциации агентства, необходимы агенты, которые заинтересованы не только в том, чтобы то, агентом чего они являются, как можно больше продавалось, но и которые спрашивают себя: Какие потребности здесь имеются? - и которые затем являются экспертами в том, как надо осуществлять производство, чтобы удовлетворить эти потребности.

С этим мы имеем, я бы сказал, один член ассоциации. Второй член тогда берётся из ряда тех, кто должен заботиться о транспорте, то есть, кто, если где-то производится какой-то продукт, должен его перевезти, или, точнее, начать переговоры о его перевозке, чтобы доставить его туда, где он нужен. Так, что мы находим, как бы, экспертов по потреблению, экспертов по торговле и, в-третьих, экспертов по производству. Но они берутся из свободной духовной жизни, поскольку она включает в себя всё, что перетекает в продуктивную жизнь

из духовной, через способности. Первое, о чем я упомянул, - это знание предмета, которое посредством обучения вытекает из свободной духовной жизни.

Вы видите, что в ассоциации хозяйственной жизни входят представители всех трёх членов социального организма; только сами ассоциации принадлежат хозяйственному члену и имеют дело только с хозяйственными вопросами: с потреблением товаров, циркуляцией товаров и производством товаров, и выходящим из этого определением цены. При трёхчленном социальном организме речь идёт о том, что есть корпорации, которые просто имеют компетенцию в пределах соответствующего члена. В экономических ассоциациях не ведутся никакие переговоры, кроме переговоров об экономических вопросах; но в самих ассоциациях сидят, конечно, люди, имеющие способности и компетенции к переговорам, которые они получили из духовной свободной жизни и из правового-государственной жизни. То есть, речь совсем не идёт о том, чтобы члены социального организма внешним, схематическим образом стояли друг рядом с другом, а о том, чтобы существовали управления, корпорации с компетенцией в отдельных вопросах. Это то, о чём здесь идёт речь.

Подробности будут вам ясны из «Основных пунктов». Прежде всего речь идёт в отношении капитала об апелляции к духовной жизни, когда говорится: Тот, кто с помощью своих способностей собрал воедино средства производства, остается при них до тех пор, пока существуют эти способности. Определять это - дело духовной жизни. Тогда ему приписывается ещё столько прав на суждение, сколько необходимо для выбора своего приемника. Это также принадлежит к свободной духовной жизни. А если он не может или не хочет сделать это сам, то решение принимает свободная корпорация свободной духовной жизни. Вы видите, что то, что является функцией абстрактного капитализма, в пределах экономической жизни переходит в действие свободной духовной жизни. Это точно так же, как в человеческом организме. Кровь связана с циркуляционной системой, но она переходит в голову, пульсирует через голову. Точно так же происходит в действительно социальном организме. Поэтому, в определённом смысле, это уже фатальность, что за границей, особенно в северных странах, существует такая сильная тенденция говорить «трёхчастность» социального организма, вместо «трёхчленности». Эта «трёхчастность» социального организма вызывает, естественно, ужасную путаницу. Речь же идёт о некоем членении, которое не является разделением. Отдельные члены должны обязательно воздействовать друг на друга. Нам надо вызвать понимание этого.

И можно надеяться на то, что разумные буржуа, так же, как и пролетариат, постепенно всё же придут к пониманию этого. В 1919-ом году мы уже положили этому начало в Штуттгарте; возможно также ещё где-то. Но изо всех углов тогда повылазили противники, так что мы, в количестве нескольких человек пока не смогли удержаться. Поэтому сейчас мы привлекли ваши силы, чтобы вновь произошло, своего рода, укрепление нашего выступления за трёхчленность социального организма. Сейчас совершенно необходимо дать, я бы сказал, мощный толчок всему, что исходит из антропософской духовной науки и что составляет трёхчленность социального организма. Поскольку в определённом отношении речь идёт о временном бытии или небытии. Мы не должны питать никаких иллюзий по этому поводу.

Но мы должны повсюду пробиваться к полной ясности. Поэтому я также и сейчас снова хочу дать максимально ясное представление об ассоциативной жизни. Если мы хотим узнать об ассоциациях что-то ещё, мы можем сделать это сегодня вечером, получая ответы на всевозможные вопросы. Это вообще должно проходить через все наши лекции, что мы стремимся к ясности и пытаемся добиться понимания того, как отсутствие такой ясности в наших общественных условиях, в наших социальных условиях, привело к нашей нынешней ситуации. Я хочу привести вам один пример этого.

Сегодня, когда люди спрашивают о том или этом, они задают схематичные вопросы. Они спрашивают: Как обстоит дело с капиталом, с малыми предприятиями, с землёй и так далее? - Ну, относительно того, что касается здоровых социальных условий, то земельный вопрос был рассмотрен в моих «Основных пунктах», хотя, казалось бы, он был затронут только в

смысле придаточного предложения. Но всё, что фигурирует в сегодняшних дискуссиях на эту тему в остальном, касается того, что земля встроена в нашу социальную жизнь невероятно запутанным образом.

Когда возникла новая экономическая жизнь и товарный характер был придан всему, например, также труду, так что всё можно было купить, тогда товаром стала и земля. Её можно было купить и продать. Но что, собственно, кроется в этой покупке и продаже земли? Если мы хотим в этом разобраться, нам надо вернуться к очень примитивным условиям, когда феодальный господин получал определённый надел земли путём завоевания или как-то ещё, и передавал её тем, кто должен был её обрабатывать и затем натурой или другим образом возвращали ему определённую квоту, что вначале и означает происхождение земельной ренты. Но за что люди давали эту земельную ренту феодальному господину или церкви, монастырю, за что они её давали? Что заставляло их платить такие налоги? Ничто иное не убеждало их в этом, как то, что, когда они, как мелкие собственники, работали на своей земле, пахали и собирали урожай, любой, мог появиться кто-угодно и прогнать их. Возможность обрабатывать землю требует её защиты. Феодалы обычно имели собственную армию, которую содержали за счёт этих налогов, и она предназначалась для защиты земли. И земельная рента выплачивалась не за право обрабатывать землю, а за защиту земли. Право на обработку земли полностью возникло из необходимости, поскольку, ведь, господин земли не мог сам обрабатывать всю землю. Это не имело никакого отношения к каким-либо другим условиям. Но земля должна была быть защищена. И за это отдавали налоги. Точно так же платили налоги монастырям. Сами монастыри, в свою очередь, тоже содержали армии, с помощью которых они защищали землю, или же они были там или тут связаны определёнными договорами так, что земля была закреплена за ними посредством каких-то других властных отношений. Если вы ищите происхождение земельной ренты, то её следует рассматривать как налог на защиту земли. Если мы взглянем на это первоначальное значение земельной ренты, то увидим, что оно относится к временам, когда преобладали очень примитивные условия, когда в экономических отношениях господствовали суверенные феодалы или монастыри, которые никому не подчинялись.

Эти отношения, вначале на Западе и только позднее в центральной Европе, прекратились, благодаря тому, что постепенно определённые права, которые имели отдельные люди, - в определённых областях Германии они перестали быть правами отдельных позже всего, - были переданы отдельным князьям, что было никак не экономическим, а политическим процессом. Права были переданы. С передачей прав было передано и то, что имелось для защиты земли. Тогда армию должен был содержать князь. За это он, конечно, должен был требовать дань. Постепенно пришло то, что так тяготит нас сегодня: систематизация налоговой системы. Это добавилось к другому, но, как ни странно, другое осталось! Оно утратило своё значение, потому что человеку, который теперь был крупным землевладельцем, больше не нужно было платить дань за охрану земли; теперь этим должен был заниматься территориальный князь или государство. Но земельная рента всё же осталась. И постепенно с новой экономической жизнью она перешла в обычный товарооборот. Благодаря тому, что связь между земельной рентой и землёй утратила свой смысл, эта земельная рента смогла стать объектом прибыли. Это полная бессмыслица, которая стала реальностью. В процессе обращения ценностей это нечто такое, что, по сути, полностью утратило свой смысл, но что сегодня всё же торгуется как товар.

Такие вещи можно наблюдать в нашей народно-экономической жизни повсюду. Они возникли из-за каких-то оправданных вещей. На место этих оправданных вещей стало нечто другое. Но старое осталось. А затем вещи охватил какой-то новый процесс и ввёл это бессмысленное в социальную жизнь.

Если просто принять экономическую жизнь такой, какая она есть, - то есть, если вы профессор национальной экономики и вашей задачей является думать как можно меньше в том смысле, в котором я охарактеризовал это ранее, - то вы определяете земельную ренту так, как это стоит в современных книгах. И как нечто бессмысленное это фигурирует также в

жизни. Таким образом, вы видите, как много нужно сделать, чтобы прийти к тому, чтобы заставить людей понять, что бессмыслицу мы имеем не только в нашей системе мышления, но и повсюду в экономической жизни. И если человек страдает под гнётом экономической жизни, то это объясняется такими причинами. Сегодня речь идёт о том, чтобы достичь более основательного, более беспристрастного, более всеобъемлющего способа мышления, нежели тот, который можно развить, сидя в сегодняшних образовательных учреждениях.

Поскольку, в конце концов: Что за мышление развивается сегодня? Развивается мышление, которое, возможно, может быть обозначено посредством математики. Но оно развивается так, что стоит за пределами всякой действительности. Тогда развивается мышление, которому можно научиться из эксперимента, которому можно научиться из систематики, развивается мышление, которое в конечном итоге, у таких людей, как Пуанкаре, Мах и так далее, стало простой формальностью, стало чем-то таким, что они называют просто «обобщением внешней реальности». Короче говоря, не развивается никакого мышления! И поскольку не развивается никакого мышления, то в национальной экономике, по сути, не с чего начать. Да, постепенно возник даже национал-экономический метод - особенно искусно его использовал Луиджи Брентано, - который, исходя из понятных потребностей, развил теорию о том, что не следует вообще думать о том, какой должна быть экономическая жизнь, а только правильно за ней наблюдать. Теперь, - это надо себе представить, - как можно прийти к науке об экономической жизни посредством простого наблюдения! Это всё равно, что посоветовать педагогу просто наблюдать за детьми. Ведь из этого никогда не сможет возникнуть никакой активности. Поэтому наши национально-экономические теоретики так ужасно стерильны: потому что они имеют пассивно обращённый к внешней реальности метод.

И обратная сторона этого показывается, когда люди действительно начинают вмешиваться в экономическую жизнь. С одной стороны, они разработали науку, которая только наблюдает. Но когда в Центральную Европу пришла война, внезапно возникла необходимость вмешаться в экономическую жизнь, даже вплоть до влияния на ценообразование. Что из этого вышло? Ведь, национал-экономист Терхалле (Terhalle) уже обобщил то, что из этого вышло: «Во-первых, сказал он, - и в своей книге «Свободное или фиксированное ценообразование?» он приводит бесчисленные научные доказательства этого, - во-первых: все делалось таким образом, что можно было увидеть, что люди, которые это делали, понятия не имели, о чём идёт речь». Во-вторых: в основу были положены теоретические схемы, которые имели дело с действительностью настолько мало, что, когда их применили, они разрушили эту действительность. В-третьих, влияние на ценообразование привело к тому, что отдельные отрасли не получили выгоды, а, наоборот, получили ущерб; и в-четвертых: отдельные ремесла и предприятия были погублены в угоду спекуляции! Задумайтесь на мгновение, что это значит, что официальный национал-экономист, исходя из национально-экономических исследований, должен выносить суждение о политическо-государственной национально-экономической деятельности последних лет: они благоприятствовали спекуляции за счёт честного предпринимательства и ремёсел! Надо просто почувствовать, что это, собственно, значит. Об этом нужно рассказать людям как можно яснее, чтобы они увидели, насколько бессильной стала наша цивилизация перед лицом реальности.

Если мы не потрудимся прояснить такие вещи, о которых я только что сказал вам относительно земельной ренты, мы не сможем показать людям необходимость ассоциаций; ведь, подумайте только, что срочным образом созданы такие ассоциации: сразу же станет очевидным, насколько пагубно влияет на ценообразование все эти неестественные вещи, присущие экономической жизни. Это, конечно, не может проявиться, если экономическая жизнь организована таким образом, что агенты отправляются в деревню и ведут дела для отдельных предприятий. Тогда они не увидят связь между производством и потреблением. Их не будет интересовать, сколько именно продукции следует производить. Для них тогда будет существовать только одна само собой разумеющаяся «истина», чтобы их хозяин мог

производить как можно больше. Этот интерес к максимально возможной производительности работодателя должен быть заменен позитивным знанием: сколько производителей должно быть; поскольку мы видели, что требуется столько-то и столько-то определённого товара, то есть, должно быть гарантировано, что на данной территории работает не слишком много, но и не слишком мало производителей этого товара? Интерес отдельного предпринимателя должен заменить объективный интерес. Вот в чём суть ассоциации.

Надо показать людям, что экономическая жизнь, поскольку она содержит в себе так много абсурдных элементов, - поскольку помимо земельной ренты есть и много других, - уже сегодня стремится к структурированию. Система картелей с её квотами на прибыль, на спрос, на рынок сбыта и так далее, объединения, слияния, - откуда все это возникает? В Европе это больше принимает форму картеля, в Америке - треста. Они возникают из-за того, что из-за многочисленных абсурдных элементов экономической жизни, отдельные предприниматели больше не могут производить. Подумайте только, как сегодня, когда всё стремится в направлении крупного предпринимательства, всё отличается от того, как это было тогда, когда в экономической жизни был отдельный предприниматель как мелкий предприниматель. О чём сегодня только и единственно может спрашивать человек, если он хочет стать предпринимателем? Он не может задать никакого другого вопроса, кроме как: Какова рыночная ситуация для того или иного товара, пользуется ли тот или иной товар спросом. Пользующийся спросом товар кажется перспективным, не пользующийся спросом - бесперспективным.

В прежние времена, когда число предпринимателей было невелико, это не имело большого значения; только когда их стало слишком много, отдельные разорялись. Но предположим, что, когда кто-то замечает, что нужна какая-то вещь и что на ней можно что-то заработать, то он стремится создать крупное предприятие. Создав крупное предприятие, человек исключает то, из-за чего он принял решение о создании этого крупного предприятия! Поскольку всё стремится к крупному предпринимательству, то больше не имеет решающего значения то, что было решающим для отдельного мелкого предпринимателя. Отсюда и эта необходимость слияния. И так мы имеем картели, тресты и так далее, потому что правящие круги были совершенно беспечными в отношении потребления. Поскольку они не заботятся о нём, эти слияния возникают только исходя из интересов производителей. Потребление при этом не учитывается.

Существенным является показать: экономическую жизнь больше нельзя вести без ассоциирования. Поэтому односторонние ассоциирования картелей и трестов, которые исходят просто из производственных интересов, должны быть дополнены ориентированием на понимание потребностей, на рассмотрение потребностей какой-то территории. Таким образом, тресты и картели, тем, что являются карикатурами на то, что должно возникнуть, показывают, насколько необходимо двигаться в определённом направлении, в направлении к ассоциации. Нужно только выяснить, какими должны быть ассоциации.

Повсюду надо характеризовать, исходя из реальной жизни. Тогда, возможно, удастся сделать людям понятным, как необходимы для экономической жизни ассоциации. И поэтому в действительности речь идёт о том, чтобы наполнять ваши лекции как можно более ясными понятиями. Условие должно состоять в том, чтобы то, что дано в «Основных пунктах», являлось, по сути, своего рода, аксиомой современной социальной жизни. Ведь, никогда не возникнет необходимость доказывать теорему Пифагора для каждого отдельного объекта. Но она должна проявиться на примере каждого отдельного объекта. Нет необходимости также подробно доказывать достигнутое понимание социальных условий; оно как таковое доказано своим содержанием, как и теорема Пифагора. И нужно только показать, как эти вещи должны быть интегрированы в жизнь. Это необходимо учитывать.

И я хотел бы сказать ещё следующее: рассмотрим нашу деятельность действительно так, чтобы она вытекала из того, что уже произошло. Поэтому я вчера сказал: Необходимо рассматривать наше движение в целом и не стесняться представлять людям то, что было сделано, и говорить им, что это существует. Это, ведь, действительно опыт, который мы,

собственно, ужасным образом переживаем снова и снова: Когда я прихожу куда-то и читаю лекцию, то у входа в каждый зал стоит столик с книгами. Если я не говорю об этих книгах, мимо них проходят в платоновском ключе. Если же я упомяну одну из них, её купят. Тогда их даже не хватает. Мимо других проходят платонически. Ну, я ведь всегда жалею, что книг так много. В одной лекции их всех не перечислить. Поэтому мы должны также стоять в настоящем, имея чувство реальности. Поэтому я рекомендую вам не упускать ни одной возможности рекомендовать газету для трёхчленности везде, где только можно, поскольку необходимо достичь этапа, когда эта газета станет ежедневной. Но мы не добьемся этого, пока не сделаем её более популярной, чем она есть. Таким образом, в такой степени мы должны обладать чувством реальности. Но не забудьте порекомендовать и что-либо другое! Иначе остальные книги будут отосланы назад не проданными. Не правда ли, странно, когда на серьезных лекциях говорят такие вещи; но если их не говорить, они сегодня очень часто и не исполняются. Но мы всё же собрались, чтобы договориться о том, что надо сделать. Поскольку в ближайшее время мы, ведь, хотим что-то сделать.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ 17 февраля 1921 года (до обеда)

Если вы посмотрите на более продвинутую экономическую литературу, вы заметите, по крайней мере во многих случаях, что у этих авторов где-нибудь да проскользнёт определённое замечание, которое звучит примерно так: экономист не должен беспокоиться о том, как народ образован или что ему полезно в отношении потребностей людей, - я уже указывал на это с другой точки зрения, - это надо оставить этикам, гигиенистам и так далее.

Если вы серьёзно отнесётесь к такому замечанию, то оно означает, собственно, по сути, ничто иное, как доказательство необходимости трёхчленности социального организма. Поскольку, что тут говорится? Говорится: Если мыслить народно-хозяйственно, то не выйдет ничего, что как-то связано с этикой, гигиеной; но то, что направлено на этику, гигиену, - это должно прийти с другой стороны.

Если представить себе теперь, что такое замечание, которое до сих пор подразумевалось только теоретически, используется на практике, то это означает необходимость принятия реальных экономических суждений, то есть, чтобы экономика была организована так, чтобы в суждения входили только те вещи, которые являются просто экономическими, которые игнорируют всякую этику, гигиену и так далее, и чтобы наряду с этим существовали реальные администрации, существующие для этического проникновения, для гигиенической организации общественной жизни. Они будут находиться в области свободной духовной жизни.

И для вас это будет, как раз, важной педагогически-дидактической точкой зрения, что вы покажете, что повсюду есть основы, которые при правильном использовании приводят к выводам относительно трёхчленности социального организма. Можно даже сказать: народные экономисты, если они действительно мыслят экономически, не могут мыслить иначе, чем мыслят в ассоциативном члене социального организма. Только эти вещи, которые мыслятся таким образом, не остаются в книгах, а существуют инстанции, которые переводят их в реальность.

Я упоминаю об этом сегодня, где хочу указать больше на методологические вещи, как раз, преимущественно в методологическом смысле, чтобы обратить ваше внимание на то, что везде, где говорится о трёхчленности, можно исходить из вещей, о которых люди уже каким-то образом думали. Просто сегодня ни у кого нет смелости сделать из этого выводы. Для нас же существенное состоит в том, чтобы были сделаны необходимые выводы для социальной жизни.

Точно так же вы должны будете обходиться с другими вопросами, если они направлены, как раз, на социальное. Если вы ознакомитесь с развитием народно-хозяйственного

мышления, то вы обнаружите, что в Новое время выступил целый ряд утопических идей. Нам достаточно вернуться в отношении этих утопических идей, вероятно, только до 18-го столетия, поскольку более старые имеют меньшее значение для настоящего времени; но начиная с 18-го столетия появился целый ряд социальных утопий. Почему возникли такие утопии? Это важно знать, чтобы вы могли позволить этому влиться во всю атмосферу ваших лекций.

Видите ли, для духовной жизни существует следующее. Она, по сути, повсюду сводится к древней премудрости и связанными с ней обычаями. Даже если взять то, что мы имеем сегодня в Европе в качестве полностью декадентской духовной жизни: католицизм, с одной стороны, и, с другой стороны, совершенно отфильтрованная современная образовательная жизнь, которая также ещё наполнена старыми религиозными представлениями; они в ней повсюду. Их можно проследить вплоть до материалистических разделов медицины; и они также внутри филологии, эти останки теократического или теологического мышления. То есть, если вы учтёте, насколько вся современная мысль насквозь пропитана этим элементом, который ведет к древней пра-мудрости, то вы поймете, что во всём том способе, как духовная жизнь, я бы сказал, собой управляет, - поскольку она, ведь, уже стала анархичной, насколько она не была втянута в тесные оковы государственной жизни, - и даже в администрациях можно увидеть нити, которые были в конституции территорий, в которых царила древняя пра-мудрость. В церкви это видно по структуре иерархий. Это восходит к воззрениям древней пра-мудрости. В юриспруденции вы видите это, пожалуй, только в той борьбе, которая во внешней жизни является борьбой материализма против спиритуализма, в борьбе, которую ведут адвокаты и судьи против ношения мантий на судебных заседаниях. В сторонниках мантии вы имеете остатки старого мышления, в борьбе против мантии вы имеете современное материалистическое мышление. И это имеет гораздо большее значение, чем обычно думают. И если вы рассмотрите весь этот хлам, формально связанный в некоторых наших университетах с докторской степенью, вы очень легко сможете проследить связи со старым теократическим элементом. Внутри этого повсюду есть нечто, что люди, хотя и утратили, но что указывает на прошлое, на то, что люди когда-то знали, как управлять духовной жизнью. Даже если в наше время эта духовная жизнь уже больше не живая, её формы ещё внутри нас; и даже одежда, которую мы уже сняли, я бы сказал, всё ещё внутри нас. То есть, нам повсюду нужны новые формы. Они будут найдены в свободной духовной жизни.

Другим является следующее. В Англии, например, из церковно-демократического элемента развился политико-демократический элемент. В Англии это произошло просто путём устранения церковной подоплеки и выявления демократической формы мышления. Но, собственно, и повсюду из теократическо-церковного элемента постепенно выделился политико-правовой элемент. Просто в других местах это больше не так заметно. Существует, например, тайная связь внутри всей чиновнической службы, на вершине которой можно представить себе абсолютного правителя «милостью Божией», что выдаёт именно происхождение из теократическо-церковного элемента, поскольку «милостью Божией» был лишь тот, кто назначен духовной властью. Весь корпус чиновников - это просто ставшая профанной (светской) церковная иерархия. Но другая сторона, которая, по сути, также развилась из теократическо-церковного элемента, - это военная система. Сегодня люди воспринимают это как парадокс. Но военная система - это лишь то, что, подобно тени освещенного предмета, следует за всей организацией государства. И так, я бы сказал, мало-помалу, в ходе отделения светского элемента от теократическо-церковного, возникло определённое овладение государственным. Это можно продемонстрировать во всех подробностях, если рассмотреть переход форм управления, поскольку они ещё были отчетливо видны в своей теократическо-иерархической форме в те времена, когда Карл Великий придавал большое значение коронации Папой в Риме, когда затем церковная жизнь перешла в светскую и когда, например, в качестве опоздавших к этому переходу, первые государственные должности во Франции были заполнены кардиналами. Если вы обдумаете

это, то вы повсюду сможете увидеть возникновение этого современного политико-правового элемента из теократическо-церковного элемента и становление его самостоятельным. Этими вещами можно было бы овладеть и самостоятельно.

Теперь во всё это проникает современная экономическая жизнь, которая, хотя и породила инстинктивные отношения, но всё же ещё не является тем, что было бы так внутренне пронизанным, как старый иерархическо-церковный и государственно-милитаристский элемент. Эти два элемента привели мир к тупому униформированию. Напротив, лишь в новейшее время возникло стремление сознательно проникнуть в то, что как сложная экономическая жизнь, о которой раньше не нужно было думать, поскольку люди черпали из неисчерпаемых источников, преобладающим образом ворвалось в современную жизнь. А именно, возникла необходимость найти определенный способ управления экономической жизнью. Но такой способ пока не был найден.

И по сути, первой попыткой ввести в экономическую жизнь нечто, сопоставимое с государственным и церковным элементом, является ассоциативный принцип. Это первая попытка действительно основать нечто в экономической жизни органически. Поскольку до сих пор этого не происходило. И различные теоретические попытки разработать образ мышления, организовать экономическую жизнь как таковую, являются утопическими теориями, которые всегда были заражены тем, что осталось от более ранних времен. Тогда люди думали ещё так: если уж организовывать, то надо организовывать так, как это делается в церковно-иерархической или государственной сфере, - ведь, люди этого не осознавали.

И внешним практическим выражением этого является появление экономического либерализма в первой половине 19-го столетия. Ведь, почему появился этот экономический либерализм? Что это такое? Это апелляция к эффективности отдельных хозяйствующих личностей. То же самое было и в теократическо-иерархическом элементе. Прежде чем найти организацию, необходимо было обратиться к отдельным ведущим индивидуальностям. То же самое было и в государственном элементе. Прежде чем перейти к парламентаризму, необходимо было апеллировать к тем, кто имел способности управления государственным. Экономический либерализм - это ни что иное, как эта апелляция к индивидуальной эффективности личности в экономической области. Только потому, что события в мире стали развиваться быстрее, также быстрее стало необходимым найти то, что действительно парализует пагубное воздействие абсолютистской отдельной индивидуальности.

Не правда ли, вам достаточно изучить только конституцию католической церкви, и в этой католической церкви, которая просто сохранила старое правление духовной жизни, вы повсюду обнаружите, что все учреждения и институты исходили из того, чтобы предотвратить вред, наносимый индивидуальностью. Как раз, благодаря этому, индивидуальность может некоторым образом проявиться.

Однажды в Вене я присутствовал при беседе, в которой профессор Венского теологического факультета, имевший несколько либеральные взгляды, но проявлявший их очень осторожно, жаловался, что Рим его полностью душит и не позволяет ему ничего говорить с кафедры. Подробно обсуждалось, почему, например, в Инсбруке, где за тот же предмет отвечал иезуит, ему разрешалось высказываться по тем же темам самым свободным образом. И те, кто был опытен в таких вопросах, говорили себе: Да, католической церкви важно не то, чтобы, например, экзегеза²⁹ не преподавалась свободно в университете, а то, чтобы люди, которые в нём состоят, представляли абсолютную уверенность в том, что они, несмотря на свои либеральные взгляды, твёрдо стоят в организации, и, конечно, иезуиты достигают этого в совершенно особой степени, твердо стоя в организации. Тогда ему

²⁹Экзегеза (др.-греч. ἐξήγησις exēgesis, нем. 'объяснение, разъяснение') - объяснение или толкование текстов.

Таким образом, экзегет - это тот, кто практикует экзегезу. Целью экзегезы является выяснение того, что автор (в своей конкретной ситуации) хотел сказать или донести до получателя (в своей конкретной ситуации). Экзегеза - это текстологическая наука. То есть ее предметом является конкретный текст, который она исследует, используя различные методы, чтобы понять его. Первый шаг - понять и описать сам текст. Методы различаются (прим. пер.).

разрешалось пользоваться своей особой свободой. Поскольку индивидуальность разрушается не посредством организации. Она совсем не разрушается. Как раз, в церковной иерархии католицизма отдельная личность в высокой степени свободна. Но душат того, кто воспринимает вещи так же, как протестантизм, кто воспринимает вещи так, что делает из догматики серьёзную вещь; католик воспринимает всерьёз только символизм. Всегда есть опасность, что он выбросит свою рясу. Но так быть не должно. Внутри Церкви может происходить всё, что угодно; но никому не разрешается ставить себя за пределами церкви.

Конечно, нечто подобное невозможно имитировать. Но это можно ввести для характеристики того, что обнаружено в отношении другой стороны: старые времена апеллируют к индивидуальности, но имеют такую организацию, которая не позволяет индивидуальности вредить. В жизни государства уже прошло то время, когда люди осознавали, что эти две стороны должны существовать.

В экономической жизни речь идёт о том, чтобы был найден переход от экономического либерализма к принципу ассоциаций. Тут мы стоим центре того, что только должно произойти. Это то, что в этом отношении, собственно, лишь открывает нам мировой исторический момент в своей сущности: ассоциативный принцип в экономической жизни означает ни что иное, как то, что с необходимостью должно прийти на смену разновидностям экономического либерализма. И в настоящее время, поскольку мышление некоторым образом неактивно, люди ещё не нашли в себе мужества перейти к активности, перейти от либерального мышления к активному мышлению. Но попытка этого делается повсюду. Тут, если быть внимательным, можно получить интересный опыт.

Недавно в моих руках оказалась небольшая книжка по экономике из коллекции Гёшена. Там говорится об экономическом либерализме и сказано: Возникла необходимость перехода от индивидуалистической экономической формы к, своего рода, социальной экономической форме. И стало необходимым всё больше приводить созданное индивидуалистическим образом к государственному управлению: к государственному социализму! То есть, нет и следа понимания необходимости принципа ассоциации, но: государственный социализм! - И в другом месте этой гёшенской книжки - это тоже исходило от одного лиса, но не самого плохого, - я нашёл следующее предложение: И мировая война нам, как раз, показала, насколько правильным был такой образ мысли; он имеет в виду: постепенный перенос того, что создали индивидуумы к государству. Я сказал себе: Ну, я должен, однако, взглянуть на титульный лист. В каком году такое можно было написать? Я увидел: 1918! Это был последний срок, когда такое можно было написать, не рискуя быть названным идиотом. [Выкрик из зала: Извините, господин Доктор: 1920! - Господин Блюме указывает на последнее издание]. Вопрос в том, стоит ли это ещё в последнем издании. Здесь написано «новое издание». Если это всё ещё там, то только потому, что эти вещи остались в своей глупости ещё и в 1920 году. И действительно! Он не счёл нужным исправить эти вещи и через два года! Они не умны, эти лисы. Итак, я открыл титульный лист «1918» и сказал себе: Могли ли условия быть по-прежнему такими, что люди могли верить в то, что перевод того, что в виде мировой экономики вышло из старой системы в государственную экономику или даже в муниципальную экономику, - я вспоминаю, что именно муниципалитеты (Kommunen) находятся непосредственно на грани разорения и все вскоре ухнут, - был абсолютно правильным решением?

Ну, я хочу сказать, что современная мышление ещё не нашло действительного, правильного перехода от либеральной экономики к ассоциативной экономике.

Вероятно, вообще невозможно то, что кто-то правильно поймёт ассоциативный принцип, если он в то же время не станет в полном смысле приверженцем трёхчленности. Поскольку в едином государстве то, что правильно действует в трёхчленном социальном организме, будет даже приносить вред. И это необходимо настоятельно подчеркнуть, по крайней мере в оттенке, который вы придаёте своим лекциям, что, например, тот, кто не имеет отношения к трёхчленности, теперь приходит и говорит: Да, мы хотим оставить духовную жизнь государству. Трёхчленности мы не хотим. Но, вот, двухчленность, - нечто подобное даже

предлагалось на Веймарском национальном собрании, - да, пожалуй! Это можно: разделить экономическую жизнь! - Но это невозможно по той причине, что обособленная экономическая жизнь, организованная ассоциативно, имела бы тогда в ассоциациях полностью зависимых от государства, то есть, не выросших в свободной духовной жизни людей, которые затем оказывали бы на экономическую жизнь влияние в государственном смысле. То есть, вся экономическая жизнь, благодаря этому, приняла бы государственный настрой.

Точно так же мы никогда бы не создали свободные школы, подобные вальдорфским школам, если бы мы согласились с тем, что учителей будут набирать из государственных учреждений, то есть, что вместе с учителями придётся признавать государственное лицензирование учителей. Когда говорят, что мы можем создать свободную школу, но добиться этого можно только в том случае, если найти одобренных государством учителей, это показывает, что люди вообще не понимают сути вопроса. Поскольку это означает ни что иное, как то, что мы остаёмся в старом и просто придаём этому новую причёску, то есть, пускаем людям пыль в глаза. А для этого время слишком серьёзное. То, что должно быть представлено в смысле трёхчленности, является тем, что содержит в себе истинную трёхчленность, даже не смотря на опасность того, что из-за сопротивления людей практические меры не смогут быть приняты немедленно. Самое главное сегодня - это то, чтобы идея трёхчленности проникла в как можно большее количество умов. Благодаря этому, мы быстрее всего придём к её практическому осуществлению.

А теперь ещё нечто методическое о том, почему вы не сможете представлять идею трёхчленности, не закладывая в её основу антропософски-ориентированную духовную науку, - разумеется, тактичным и дидактически-педагогически правильным образом. Это можно проследить также из развития образа мышления в социальной жизни новейшего времени.

Не правда ли, возникло множество утопий, и развилась та система, которая в самом широком смысле стала популярной среди пролетарского населения: марксистская система. Конечно, эта марксистская система принимала множество форм. С одной стороны - ревизионизм, с другой - ленинизм. Это такой радикализм, который говорит что-то вроде: Мы знаем, что марксизм не решает социальный вопрос, но он способствует радикальному разрушению всего существующего и затем придёт другое человечество, которое построит новое. Но в основе всего этого лежит марксистская система. Карл Маркс сумел найти путь к душам современного пролетарского мира. И это также даёт возможность лидерам пролетарского мира с помощью марксистских взглядов влиять на пролетарский мир. В известном отношении даже надо сказать, что этот марксизм - не столько в том виде, в каком он жил как теория у Карла Маркса, сколько в том виде, в каком он живёт во взглядах самых широких пролетарских масс, - по своей форме и мировоззрению является наиболее современным социальным пониманием жизни. Остальные, независимо от того, представлены ли они практиками или университетскими профессорами, всегда несколько более отсталые.

Именно потому, что марксизм является наиболее современной формой, он должен быть подвергнут пристальному изучению теми, кто сегодня хочет чего-то по-настоящему радикального. Совершенно очевидно, что сегодня невозможно как-то говорить с массами, не имея ясного, хотя бы на уровне чувств, понимания того, что означает марксизм. Самым существенным при этом всё же является то, что марксизм представляет собой то мировоззрение и понимание жизни, которое лучше всего соответствует социальному положению современного пролетария. Он просто подходит ко всему социальному пониманию жизни современного пролетариата. И если вы будете бороться с марксизмом чисто теоретически, то вы, собственно, будете делать нечто такое, что не соответствует действительности. Вы боретесь с марксизмом и не думаете, что вы, ведь, позволили в реальности современному пролетариату стать тем, чем он стал. Это объясняется беспечностью остального населения. Но позволив ему стать тем, кем он стал, он не мог сделать ничего иного, кроме как принять марксизм в качестве своего мировоззрения и жизненной философии. Но позволив ему стать тем, чем он стал, ему не осталось ничего

иного, кроме как принять марксизм в качестве своего мировоззрения и жизненной философии. Поскольку этот марксизм, содержит в себе, для пролетарского понимания, трёхчленность человеческой социальной жизни. Становясь марксистом, рабочий вырабатывает на основе марксизма свой подходящий своему классу взгляд на трёхчленность социальной жизни. Он у него там, внутри.

Поскольку, видите ли, в наше время всё больше принято отвлекаться от потребления и его сути и обращать внимание только на приобретение. При этом от этого приобретения нужно оставлять лишь столько, чтобы социальным организмом можно было управлять. Будь человек аристократом или буржуа, интересовались лишь той частью его приобретения, которую он получал сам и которую ему приходилось отдавать, чтобы вообще сохранялось целое. Какой вид это приобретало у людей, которые благодаря старым привилегиям или прочим обстоятельствам стояли в реальном социальном организме? Они пытались выжать из этого приобретения как можно больше. На потребление внимание не обращалось, а для того, что было необходимо для содержания целого, одобрялся, хотя и с бурчанием, налог. Что делал современный пролетариат? Он только стоял у машины и за пределами капитализма. Он в принципе не одобрял определённые налоги, когда держался на плаву. Поскольку его не интересовала реальность старого социального организма. Он интересовался только тем, что оставалось от производства. Поскольку он не управлял капиталом, для него было лишь предметом критики то, что он называл прибавочной стоимостью. Отношение пролетария к прибавочной стоимости, когда он её критикует, такое же, как и у буржуа, когда он с бурчанием одобряет налоги. Одобряя налог, буржуазия не вникала в то, что за ним стоит. Пролетарий тоже не вникал. Но он занимался критикой. Он рассмотрел прибавочную стоимость и подверг её критике. Это показывает, что речь идёт о добавлении позитива к критике. Разумеется, это был бы ассоциативный принцип. Но теория прибавочной стоимости содержит в себе то, что в пределах мировоззрения и понимания жизни пролетария воплощает экономический элемент.

Второе, что живёт в марксистской теории, насколько она является пониманием жизни и мировоззрением пролетария, - это классовая борьба, которая, по его мнению, должна быть. Это политико-правовой элемент. Путём классовой борьбы он хочет отвоевать свои права, организовать работу и так далее. Таким образом, это вторая сфера социальной жизни тоже внутри неё. Это лишь обратная сторона того, что имеет место у буржуазии и аристократии. Они не выходят из своего класса. У них нет таланта выйти из классового в общее человеческое. Рабочий делает это сознательно, но он выбирает, конечно, свой класс. Таким образом, мы имеем в марксизме также и то, что в современной жизни образуется как политико-правовой элемент, который ещё не нашёл перехода к подлинно демократическому элементу, который, ведь, нигде не осуществлён, но к которому мы должны будем прийти, где все люди, достигшие совершеннолетия, на основе государственно-правовой сферы социального организма стоят друг перед другом как равные. Это приблизительно то, что до сих пор всегда имеют в виду соответствующие классы. Когда, скажем, перед французской революцией по существу был аристократический элемент, он был внутри себя вполне демократичен, но ниже этого класса человек просто переставал существовать; он больше не был человеком в полном смысле этого слова. Затем появилась буржуазия. Внутри себя она снова была вполне демократичной. Но под ней человек снова переставал существовать. То, куда идёт тенденция в новейшее время, это общая демократия. Тот, кто стоял вне социального организма, как пролетарий, конституировал свой собственный класс против других вместо общечеловеческого, которое можно определить так, что во всём, что подлежит демократической парламентаризации, все люди, достигшие совершеннолетия, что бы они себе ни воображали, относятся друг к другу как к равным. Таким образом, я бы сказал, и в классовой борьбе мы имеем то, что должны характеризовать примерно так: Пролетарий - настолько он современный - знает, что должно прийти нечто совершенно отличающееся от того, что было до сих пор. Но общечеловеческому он не учился. Поэтому он исходит из своего класса, вместо общечеловеческого.

И пролетарий в рамках марксистского мировоззрения и понимания жизни имеет свой элемент также в духовной сфере. Это материалистический взгляд на историю. В материалистическую эпоху и со всем образованием современного пролетария, который подходит только к механизму жизни, а не к психике и духу, эта духовная жизнь в воззрении пролетария совершенно естественно стала материалистическим пониманием истории. Но согласно пониманию мира и жизни это представляет собой духовный элемент.

Таким образом, в пролетарском марксизме вы имеете самое радикальное выражение того, чего, собственно, хочет современное человечество и в чём оно совершенно беспомощно. И этому вы должны противопоставить нечто столь же обоснованное, как пролетарский марксизм для пролетариата. Что же является существенным этого пролетарского марксизма как мировоззрения? Существенным пролетарского марксизма как мировоззрения является неверие в человека.

Во времена пра-мудрости человечества это неверие имело своё оправдание, поскольку тут были божественные силы, которые сидели внутри человека и его направляли. Люди полагались на то, что они могли из глубин души бессознательно признать откровениями богов в качестве указывающих сил для жизни. Тогда это было неверием в человека и верой в богов. Когда от старого теократическо-милитаристского элемента отвязался государственно-административный, милитаристско-чиновничий элемент, всё ещё оставалось это неверие в человека. Поскольку тогда возникло убеждение, что человек как таковой не может управлять порядком; это должно делать государство. Государство стало идолом, фетишем. И это привело человека, теперь уже запряженного в государственную систему, к неверию в людей, к вере во внешний фетиш. Конечно, как только бог спускается вниз, он всё больше и больше становится фетишем. Пролетарский марксизм - это третья и последняя стадия неверия в человека. Поскольку пролетарий говорит себе в своей материалистической исторической философии: Не человек управляет, а им управляют «производительные силы». Мы, люди, стоим тут бессильные со своей идеологией. Как протекают производственные процессы, так осуществляется и ход истории. И то, чем являются люди в пределах этих производительных сил, - это лишь результат самих производительных сил. Неверие в человечество и действительная вера в осязаемый фетиш! Нет принципиальной разницы между африканским дикарем, который другим образом впал в декаданс, поклоняясь внешнему деревянному идолу и превращая его в фетиш, и европейским пролетарием, который видит в средствах производства и производственных процессах то, что направляет историю. Логически, принципиальной разницы нет; это наше магическое суеверие! И это надо видеть. Люди впадали в декаданс различным образом. В Африке тоже была пра-мудрость. Затем она иссякла в управлении; мы видим это в Египте. Затем она исчезла. Фетишизм - это не то, что находится в исходной точке, а то, что выступает в декадансе. Исходной точкой везде является чистая вера в богов, и только в вырождении возникает фетишизм. В цивилизованных местах вместо поклонения внешним деревянным идолам поклонялись «производительным силам». Конечно, по-другому были организованы и молитвы. Но «производственные силы» и «производственные процессы» стали идолами. Это последняя фаза неверия в человека, - фаза экономически-суеверного образа мышления. В принципе, нет никакой разницы между африканским дикарем, с магическими заклинаниями отдающего своему идолу, и современным пролетарским собранием, бубнящим марксистские фразы. Молитва звучит по-другому, но нужно ясно осознавать внутренне существо этой вещи.

Этому надо противопоставить то, что является не неверием в человека, а верой в человека. И, в конечном счёте, важно обрести веру в человека, веру в то, что направляющие силы для жизни раскрываются внутри человека. Человек должен прийти к себе, к полному самосознанию. Он должен найти возможность сказать себе: все внешнее - суеверие. Единственно и только направляющие силы в собственном внутреннем должны воздействовать на жизнь!

Но для этого необходимо мужество, чтобы выйти за рамки простой пассивной молитвы и иметь активную молитву, постигая божественное в воле. Этот переход к активной молитве, к

внутренней активности вообще, этот переход от неверия в человека к вере в человека, - это то, что должно сидеть в ваших сердцах и душах как энтузиазм. Вы должны чувствовать теми, кто стоит на поворотном пункте истории, где необходимо вести людей от неверия в человека к вере в человека.

Вам нет необходимости говорить это людям, но вы сами должны вступать на подиум с сознанием: Я должен донести до людей то, что направляющие силы жизни должны активно быть найдены во внутреннем, что жизнь в будущем должна быть организована так, что человек скажет себе: Я - тот, кто делает эти вещи.

Это было последнее суеверие цивилизации, что люди не верили в самих себя, а верили, что управляют жизнью «производительные силы». И из этого суеверия на Востоке возникла страшная Afterdienst³⁰, где тому, что не определено волей, пытались позволить быть пронизанным волей. Личность, которая идеальным образом объединяет две несовместимые вещи: внутреннюю пассивность в убеждениях и активность в действии, благодаря чему одно уничтожает другое, - это Ленин. Ленин - это личность, которая то, что пришло из старого времени, наиболее чисто кристаллизует в новое время. Он кристаллизует в своей чистейшей форме то, что является ставшей реальностью невозможностью, ставшим реальным стремлением к разрушению, стремлением к гибели.

То, что ведёт к созиданию, что ведёт к тому, чтобы социальная жизнь снова прониклась действительными жизненными силами, происходит тогда, когда мы находим возможность создания в людях из неверия в человека, веры в человека, веры, которая в конечном итоге выражается следующим образом: Что бы я ни испытал как счастье или несчастье, или как социальный институт, или как что-то во внешней жизни, я создаю сам!

Этого невозможно донести до людей, не укрепляя их одновременно словами. Вы должны привести людей к тому, чтобы они доверяли, верили в своё собственное существо. И это то, к чему вы, по крайней мере, в глубине души должны стремиться. То, как вы это сделаете, вероятно, будет сегодня зависеть от ваших способностей. Но, когда вы с доброй волей отдадитесь этому делу, это скоро больше не будет зависеть от этих способностей, а ваши способности захватит необходимость времени. И вы превзойдете себя самих, как раз, в принесении этой веры людям, то есть, чтобы на место неверия в человека, вступила вера в человека.

Это то, что я хотел вам сказать, прежде чем вы выйдете отсюда для того, чтобы читать свои лекции. Почувствуйте, какая сила может заключаться в словах, которые вы скажете себе: Я должен добиться того, чтобы последнее суеверие и неверие по отношению к человеку превратилось в веру в человека, во внутреннюю активность человеческого существа! Поскольку именно это имеет значение при стремлении к действительному подъёму. Всё остальное приведёт лишь к разрастанию того, что находится в декадансе. Тогда скажите себе: То, что находится в разрушении, сохранить нельзя. - Вместо этого используйте, скажем, слова Ницше: Подтолкни, чтобы это скорее погибло! Но любите не то, что вчера и сегодня, а то, что завтра!

Я хотел бы, мои дорогие друзья, чтобы вы вышли отсюда как люди завтрашнего дня и, исходя из сознания людей завтрашнего дня, чеканили свои слова в ближайшие недели.

II

УЧЕБНЫЙ КУРС ДЛЯ ВЕРХНЕСИЛЕЗИЙЦЕВ

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

³⁰ Afterdienst - устаревшее, кантовская философия: форма религиозной практики, которая выполняется лишь рутинно, механически или поверхностно, без какой-либо подлинной внутренней духовной вовлечённости или отдачи.

Штуттгарт, 1 января 1921 года

Поводом для нашей встречи послужила идея, которая, ведь, обсуждалась нами здесь в «Союзе для трёхчленности социального организма» уже долгое время. Собственно, было бы необходимым, чтобы мы всеохватывающим образом, то есть, в процессе длительной инструкции и обсуждения, подготовились к агитации трёхчленности социального организма. Трёхчленность как движение с апреля 1919-го года рассчитывала на гораздо более быстрое влияние, чем это затем произошло. И поэтому уже в начале теперь уже прошедшего года мною подчёркивалась необходимость проводить агитацию для «Союза для трёхчленности социального организма» не посредством каких-то формальных обсуждений ораторского искусства и тому подобного, а посредством уяснения себе необходимости того, как сегодня в это наше действительно серьёзное и напряжённое время надо обходиться с чем-то подобным движению для трёхчленности социального организма.

Мы, ведь, видим вокруг себя различные политические и прочие агитации, и повсюду видно, что весь способ проведения этих агитаций находится, по сути, на стадии вымирания. Только в самое последнее время мы, ведь, имели самый печальный опыт с тем, каким образом мыслятся и выходят на сцену вещи, когда мы с точки зрения сегодняшней жизни что-то пропагандируем относительно того, что необходимо для дальнейшего развития тех или иных условий. Мы видели это на собрании Лиги Наций³¹ в Женеве, где ведь, по сути, избегали говорить обо всех важных сегодня вещах, где в действительности не входили в материю того, что необходимо, и о чём можно сказать, что ни один из этих вопросов не обрабатывался так обстоятельно, как у тех, кто убежал оттуда, - у аргентинцев.

Ну, теперь я сказал, что наше движение для трёхчленности рассчитывало на более быстрое продвижение, чем затем это случилось в действительности. Это, конечно, связано с тем, что в настоящую эпоху человечества, которая не имеет времени, невозможно осуществлять такое движение в медленном темпе, поскольку в противном случае возможность привести что-то в восстановление Европы и, в частности, Центральной Европы, просто исчезнет. Необходимо себе уяснить, что мы с огромной скоростью движемся к гибели, хотя тому или этому периодически удаётся её избежать.

Прежде всего, мы должны понять, - и мы сделаем это сейчас на примере конкретного вопроса, - каковы необходимые предпосылки сегодняшней, скажем так, агитации, или называйте это как угодно. Смотрите, я сказал, что наши обсуждения вышли из некой идеи. А именно, это была идея собрать здесь около пятидесяти личностей, задачей которых было бы понять метод, а точнее основы соответствующей агитации. Поскольку, если в ближайшее время на большой территории основательным образом не будет проведена агитация, то в такой всеохватывающей вещи, какой должна быть трёхчленность, мы вперёд не продвинемся.

Сейчас вам, как раз, предстоит голосование за судьбу регионов Верхней Силезии, и в те несколько дней, которые нам будут предоставлены для рассмотрения этого конкретного вопроса мы можем лишь в принципе обсудить некоторые вещи, которые, собственно, действительно должны произойти здесь с максимальной интенсивностью в ближайшем будущем.

Первое, что необходимо сегодня, - то, что мы не можем выразить публично теми словами, которые я хочу использовать сейчас, но что мы должны иметь в виду, выбирая наши слова, выбирая то, что мы представляем в качестве материала, если мы хотим оказать влияние, - это убеждение в том, что тот, кто действительно хочет привести цивилизационные отношения к оздоровлению, не может продолжать опираться на старые конфигурации

³¹Лига Наций (англ. League of Nations, фр. Société des Nations, исп. Sociedad de las Naciones) — международная организация, основанная в результате Версальско-Вашингтонской системы Версальского соглашения в 1919—1920 годах. В период с 28 сентября 1934 года по 23 февраля 1935 года в Лигу Наций входило максимальное количество государств — 58. Цели Лиги Наций включали в себя: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путём дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете. Прекратила своё существование в 1946 году (прим. пер.).

публичной жизни. Мы должны быть убеждены, что все вопросы вроде: Нельзя ли с этой партией, с этим профессиональным товариществом или тому подобным заключить компромисс, оставляя эту партию, это товарищество с теми же взглядами, с теми же мыслительными и ощущенческими привычками, что они имели до этого? - что на все эти вопросы мы должны отвечать «нет». Ведь, когда Антропософское Общество начало свою работу, я со всех сторон слышал: Да, в Мюнхене люди таковы, что надо вести себя так; в Берлине люди таковы, что надо вести себя так; в Ганновере или где-то ещё надо снова вести себя по-другому. Всё это бессмыслица, это не имеет никакого значения, а значение единственно и только имеет то, что нам ясно, что должно быть создано и организовано как новое, и что у нас есть воля, это ново организованное донести до людей, и не только как что-то понимаемое, но и ощущаемое.

Второе, я бы обозначил это так, что я скажу: Сегодня нам необходима субстанция в нашей агитационной материи, действительное содержание. С чем, собственно, работали люди, можно сказать, столетиями, проводя политическую или социальную, или какую-то другую агитацию? Они работали с лозунгами, с пустыми предложениями, и одно из имён, которые они изобрели для этих предложений: идеалы. - Они работали тогда, в их понимании, с идеалами. Ну, идеалами, если этим обозначить то, что так называлось в последние столетия, а именно, в 19-ом и 20-ом столетиях, можно оказать впечатление на сиюмоментное чувство и восприятие людей, можно их вдохновить, можно привести их к тому, чтобы они начали скакать вокруг и делать всякие безумные жесты, но с таким опирающимся на простые слова воодушевлением нельзя достичь более предметных результатов. А достичь результатов, - это то, что сегодня важно. Но результатов можно достичь только, если мы скажем: Сегодня мы живём в таком общественном порядке, где, я бы сказал, упадок тоже трёхчленный.

Упадок тоже трёхчленный, и в наиболее важных местах становится очевидной, я бы сказал, дезорганизованная - я не могу сказать организованная - дезорганизованное членение этого упадка. А именно, мы имеем упадок нашей духовной жизни, которая в конечном итоге вылилась, с одной стороны, в церковные верования, а с другой стороны, в то, что постепенно вышло из этих церковных верований, но что сегодня толком не знает, на чём оно стоит и куда оно хочет дымить, когда будет гореть, - то есть, в нашу школьную жизнь. Эти две вещи духовной жизни - наша церковная жизнь и школьная жизнь - являются одним из элементов упадка. Они тесно связаны со следующим элементом, из которого, по сути, питается как церковная, так и школьная жизнь: они связаны с национальным принципом. Поскольку из основ национального повсюду выходит то, что хотят внести в школьное, что в этом школьном живёт. И, с другой стороны, верования, если они хотят быть интернациональными, для самых различных территорий сегодняшнего мира ориентируются всё же на нации.

Дальнейшее - это государственно-правовое, политическое, которое повсюду устремляется к своей гибели. Тут речь идёт о том, чтобы, наконец, прекратить, я бы сказал, вредное вуалирование условий, которые ещё остались по крайней мере в центральных областях Европы как старая привычка, совсем не являющаяся тем, что было до этого. Но на такую вещь надо по крайней мере ясно взглянуть, чтобы при этом явилось нечто ясное. Сегодня даже нельзя себе представить, насколько коррумпированной, собственно, постепенно стала эта политическая жизнь, пока она не вызвала катастрофу 1914-го года. Для этого можно привести множество примеров. Возьмём только один из них. В Германии и приграничных районах всё ещё есть какое-то количество людей, которые, как вы, возможно, знаете, не видят в некоем индивидууме с именем Хелферих (Helfferich)³², кого-то такого, кто во всех областях, в которых он работал, был вредителем. Надо только вспомнить, например,

³²Карл Хелферих, 1872-1924, стал директором багдадской железной дороги в 1906 году, в 1908 году директором Deutsche Bank. С 1915 по 1917 год, первоначально в качестве государственного секретаря офиса сокровищ Рейх, он отвечал за финансирование войны и за экономическую войну. 23 апреля 1924 года, незадолго до победы на выборах своей партии, он умер в результате аварии на железной дороге возле Беллинзона. Работы: «Происхождение мировой войны в свете публикаций Dreiverbandmächte (власть Союза Трёх)», Berlin 1915; «Предыстория мировой войны», Берлин 1919.

что незадолго до начала войны, этот индивидуум держал речь, в которой сказал: То, что многие утверждают, что Германия могла бы умереть с голоду в следствии следующей войны, кажется мне просто теорией. Поскольку, когда начнётся война, в неё вмешается так много сил, что возникнет огромное недоверие ко всей германской дипломатии, если представить себе, что тогда все будут против тебя. Но такое недоверие противоречит моей способности суждения. - Примерно так говорил этот Хелферих незадолго до начала войны 1914-го года. Ну, в таком высказывании лежит так много от интеллектуальной подлости, - я говорю подлости, поскольку из интеллектуального это в то же время входит в моральное, - что, как раз, из такого высказывания, если на него правильно взглянуть, нам должно быть ясно, в каком коррумпированном состоянии находится современная цивилизация.

Подумайте только, что говорится таким высказыванием: Если произойдёт то, что предсказывают многие, что Германия будет в будущей войне блокирована со всех сторон, то нельзя доверять германской дипломатии. Но это доверие надо иметь! - Подумайте, если такой человек говорит, что такое доверие надо иметь, это значит пускать пыль в глаза, поскольку он знает, что такое доверие невозможно. Сегодня должно быть ясно, что если желать и дальше работать только с нереальными вещами, то никак нельзя действительно продвинуться вперёд. Даже такие слова как «радикально» или «не радикально» сегодня, по сути, утратили свою ценность, поскольку важно то, чтобы определённые вещи высказывались более радикально, чем раньше. Прежде всего речь идёт о том, чтобы то, что ведёт к ущербу для человечества, также действительно со всей конкретностью представлялось людям. Мы должны прийти к очень точным характеристикам не только существующих условий, но и личностей; только тогда мы сможем действовать решающим образом. И если с этой точки зрения рассматривать такой вопрос, как референдум в Верхней Силезии, то надо прежде всего остановиться на одной мысли: как следует относиться к референдуму как таковому: как к немецкому или как к польскому? - Вот первый вопрос: этот референдум немецкий или польский?

Сегодня надо уже подняться до того, чтобы рассматривать такие вопросы с определённой объективной общечеловеческой точки зрения, а не с той точки зрения, который вытекает всё же лишь из старых мыслительных привычек, даже если это те мыслительные привычки, которые называют национальными; эти вопросы должны рассматриваться с объективной общечеловеческой точки зрения. И в той степени, в какой это удастся, в такой же степени мы будем продвигаться вперёд.

И тут, насколько это возможно в короткое время, которое может быть посвящено нашему пониманию, я хотел бы на некоторых вещах, из которых сегодня надо извлекать основания, убеждённость, показать вам, что с объективной общечеловеческой точки зрения оба варианта, немецкий или польский, является одинаковым несчастьем; это одинаковое несчастье для населения Верхней Силезии, для Польши, для Германии, для Европы, для всего мира. Я хотел бы, собственно, вам показать, что объективно вопрос: немецкий или польский вообще не может существовать для населения Верхней Силезии, и что речь идёт о том, чтобы увидеть, что для небольшого комплекса населения это сегодня вопрос жизни прийти к такой точке зрения для суждения, как точка зрения трёхчленности социального организма, а именно, подняться над всеми точками зрения, которые были до сих пор.

Не правда ли, если мы ставим такой вопрос, то мы должны сегодня иметь возможность иметь базисное ощущение, что во всём, что предпринимается в социальном, политическом и хозяйственном смысле, царствуют законы, что там царствует не только произвол, что эти законы осуществляются, что голосования могут проходить только так, что они проходят в рамках этих законов. Можно голосовать относительно того, с какой стороны печи сделать дверцу; и будет неплохо посоветоваться в таких вопросах с людьми, которые в этом что-то понимают. Но нельзя же голосовать о том, что, когда в эту печь положены дрова, разжигать их спичками или кусочками льда. Не правда ли, вопрос о развёртывании воли надо привести в правильные отношения с необходимостями бытия. Поэтому нельзя говорить, исходя из темноты воли, из туманного, неопределенного, и нельзя также, исходя из этого, позволять осуществлять голосование небольшому, незащищённому народу. Сегодня, когда всё делается,

исходя из старых мыслительных привычек, не надо бояться говорить, что это непременно приведет к краху. Сегодня не надо бояться, даже если кажется, что это безрассудно, всё же говорить людям правильное. Поскольку речь может идти только о том, чтобы говорить людям правильное. Если вы хотите говорить об этом вопросе, то надо говорить с тех точек зрения, с которых можно видеть силы, которые действуют.

Видите ли, как раз, изучая польское существо, можно ясно увидеть, насколько невозможно было бы голосовать за столь уязвимую территорию, просто войти в польский элемент. И если рассматривать отношение между территорией Верхней Силезии и польской области, то станет очевидной ещё одно отношение: отношение с прусско-германской областью.

Недостаточно судить о польском элементе как о народном образовании и в рамках европейской политике по тем немногим наблюдениям, которые сделаны в отношении того или иного поляка, или трактовать и рассматривать его в соответствии с тем, как то или иное действие, исходящее от Польши, разыгрывалось в истории. Всего этого недостаточно, но надо осознать, какую значительную роль, если можно использовать такое выражение, играл польский народ в пределах постоянно расширяющейся европейской территории. Эта роль, которую играл польский народ, по сути, очень характерна и для развития других политических отношений в Европе, и польский элемент вмешивается в эти политические отношения Европы очень и очень интенсивно.

Если посмотреть на Польшу, то с культурно-политической точки зрения она настолько подвержена как западному, так и восточному влиянию, и этот польский народ демонстрирует такие внутренние особенности, что можно сказать: То, что было присуще другим странам, с 15-го, 16-го столетий особенно ярко проявилось также в польском народе. Эту Польшу нельзя рассматривать иначе, как, с одной стороны, видя, как на её Востоке сохраняются старые культурно-политические и духовные традиции Востока, и как на этом Востоке, в то время как Польша переживает самые разные судьбы, постепенно возникает современная русскость. Об этой Польше нельзя судить иначе, как принимая во внимание то, как на её юге, исходя из средневековых условий, подготавливается к распаду вымирающая Австрия, и как затем, наконец, на её западе образовалась обречённый на короткое существование Германский Рейх.

Видите ли, то, что происходит в рамках европейской жизни Польши, связано, собственно, со всеми этими вещами. Если взглянуть на начало 16-го века, конец 15-го века, то тогда на почве более поздней Германии проявлялись отношения, которые, собственно, не нашли никакого непосредственного продолжения. Достаточно вспомнить такие имена, как Гёц фон Берлихинген³³, Франц фон Дикинген³⁴, Ульрих фон Хюттен³⁵, и так далее, и вы можете увидеть те отношения, которые существовали в то время и которые не нашли никакого продолжения. На чём же основывались эти отношения? Они строились на том, что существовала определённая феодальная каста, даже если эта феодальная каста была так могущественна и могла выдвинуть таких в определённых отношениях удивительных личностей, которые упоминались выше, даже если эта феодальная каста опиралась на невежественных, более или менее нецивилизованных крестьянах. И то, что эта феодальная каста действовала таким образом, что крупный феодал, по сути, жил среди крестьянского населения, что этот крупный феодал также осуществлял правление и оказывал соответствующее влияние на духовную жизнь, - это давало социальной жизни Центральной Европы структуру. Но эта структура, как раз, в конце 15-го столетия, в начале 16-го столетия в Центральной Европе была уничтожена, была уничтожена так, что можно сказать: В

³³Гёц фон Берлихинген (Götz von Berlichingen), 1480-1562, немецкий рыцарь, потерял руку во время осады Ландшута, которую он заменил железом. Был временно лидером повстанческих фермеров, «Odenwälder Naufens»(Оденвальдовская кучка).

³⁴Франц фон Дикинген (Franz von Sickingen), 1481-1523, - предводитель швабских и рейнских рыцарей. В этом качестве инсценировал некоторые восстания с целью религиозных и политических реформ.

³⁵Ульрих фон Хюттен (Ulrich von Hütten), 1488-1523, гуманист, связан с Францом фон Дикингеном, с преобразованием политических условий.

немецко-говорящей области эта структура, вплоть до образа мыслей, была уничтожена и на место этой структуры выступило то, что вначале было переработано в территориальные княжества, что позднее слилось в Германский Рейх: то есть, в военную и чиновничью организацию социального организма. Таким образом, из феодально-аристократического элемента, который мог опираться только на нецивилизованное крестьянство, образовались территориальные княжества на военной и чиновничьей основе. И в этой Центральной Европе, наиболее выраженным образом в Пруссии, стал, как раз, образ мыслей (*Gesinnung*); не что-то, что просто сменило общественный порядок, а образ мыслей.

Не правда ли, здесь, вероятно, можно представить себе два противоположных типа. Один был бы помещённым в старое рыцарское Гёц-фон-Берлихингенское-общество умным человеком, который должен был чем-то заниматься. Чем он занимается? Он занимается тем, что, например, действует, исходя из своего знания людей, что на основе своих религиозных представлений создаёт школу, что он полагает, что в рамках небольшого административного округа можно опираться на здравый смысл. Так то, что говорит по-немецки, организовано вплоть до 16-го столетия; затем это преобразуется, затем приходят чиновники и военные, и если представлять себе человека, которого не могло быть во времена Гёц-фон-Берлихингена, то это будет прусский лейтенант резерва. Таким образом, возможность существования души для него была создана лишь с 16-го столетия. И, не правда ли, лейтенант резерва, значит существо, объединяющее чиновничье и военное. И так стало, ведь, для Центральной Европы не просто в тех областях, где это можно понять, но и в областях, где это понять невозможно. Например, наша история написана так, что в ней живёт этот образ мыслей, и так она преподаётся в наших школах. Но из-за того, что, благодаря немецкому народному характеру, это изменение не может охватить самые нижние, самые внутренние слои душевного, - из-за этого, по сути, и возникли территориальные княжества, - не полный цезаризм, попытка создания которого состоялась лишь в 19-ом столетии, через войну, через семилетнюю войну, и который, однако, не смог быть проведён.

Из-за различных исторических условий, объяснение которых завело бы нас сегодня слишком далеко, - то есть, рассмотрение всего политического, государственно-правового с военной точки зрения и сковывание экономической жизни посредством государственного элемента, - из-за того, что эта волна прошла через Центральную Европу, в этой Центральной Европе стало так.

Теперь, если вы взглянете на Россию, то в её социальной структуре вы также увидите то, что неожиданно было отменено в Центральной Европе в начале 16-го столетия. Вы увидите широкий, необразованный, нецивилизованный слой крестьян, которым как-то надо управлять, который надо как-то интегрировать в социальный организм. Там эта предрасположенность также существует в том же виде, как, например, в Центральной Европе до 16-го столетия; но там нет смены посредством индивидуализма. Там всё быстро поглощается царской централизацией, так что то, что существовало в Европе как нечто среднее между цезаризмом и нецивилизованным народом в территориальном княжестве, в России отсутствует, и всё стремится превратить человека, независимо от того, склонен он к этому или нет, просто в государственного служащего или солдата, поскольку центральная власть является для него определяющей. Различными способами, с одной стороны, в России, с другой стороны, в немецкой Центральной Европе, упраздняется то, что, собственно, является народной организацией. С одной стороны, это загоняется в цезаризм, с другой - в территориальное княжество.

И третья - Австрия, которая выросла целиком из патриархальных условий, продолжающих существовать как семейная традиция в княжеском роде. Эта Австрия постепенно вынуждена объединять самые разные народы чисто в смысле римского централизма, который стремится к управлению, который затем принимает несколько демократический вид, но который стремится управлять народом на средневеково-испанский манер.

В этих трех течениях у нас есть польский элемент, который, по сути, противится всем трём, и который очень странным образом ставит себя против всех этих трёх течений, исходя, я бы сказал, внутренних предпосылок. Ведь, от Запада польский элемент принимает всё, что приводит к современным ложным путям: парламентаризму, школьной системе и тому подобному. Он принимает всё, что становится, я бы сказал, определённым аналитическим элементом в жизни, элементом суждения, различения. От Востока он принимает синтетический элемент, жизнь в больших понятиях и идеях. Видите ли, анализ в польском элементе некоторым образом становится неряшливостью, а восточный синтез - фантастикой. Оба эти течения определённо присутствуют всегда: из западного элемента, из упорядоченного анализа - неряшливость, а из восточного элемента - фантастика, мечтательность и также неправдивость; поскольку неправдивость - это лишь теневая сторона восточного синтеза, а неряшливость - лишь теневая сторона педантизма. Когда педантизм заходит так далеко, что ему больше нельзя следовать, тогда он превращается в свой противоположный элемент, в неряшливость. В Австрии не было недостатка в строгих определениях для всех случаев жизни; существенным было только то, что ни одно определение не принималось во внимание, поскольку, во-первых, все они оспаривались, и, во-вторых, их было так много, что никто не мог всеми ими заниматься.

Как же получилось так, что это полячество возникло в Европе, где повсюду было иначе? Как получилось так, что это полячество, со своего рода, упорством всё же продолжило развиваться? Это получилось просто потому, что, когда огромная волна русизма с её естественно данными планами завоеваний накрыла Европу, для других, также входящих в рассмотрение, - я сейчас не могу входить в детали, но это можно себе представить, - возникла необходимость на этот русизм соответствующим образом реагировать. Прежде всего, на этот русский элемент должны были реагировать Прусский и Австрийский Рейхи. С определённой точки зрения, ведь, пруссаков и австрийцев можно было обвинить в том, что они поделили Польшу с Россией; но при этом не принимается во внимание то, что, если бы она не была поделена, Россия забрала бы её целиком. Не правда ли, эти вещи должны рассматриваться объективно. Пруссия и Австрия принимали участие в разделе Польши, поскольку они не могли позволить России забрать Польшу, что иначе случилось бы совершенно точно. Таким образом, Польша была разделена.

Но в этом разделённом народе, по сути, продолжало жить, и жить довольно сильно, то, с чем было покончено в Европе, в германском элементе, в начале 16-го столетия; феодальный аристократический элемент с широкой основой из нецивилизованного крестьянства. То, что внешне было разрушено также и в России, продолжало жить в Польше. Полячество, по сути, сохранило в своей социальной структуре европеизм 15-го столетия, всё ещё содержащего в себе античный, греческий элемент. Мы восхищаемся Грецией, но величие Греции основано на том, что достигло там пика своего развития, о чём мы говорим, что Европа преодолела это в 15-ом столетии. Однако, если бы мы смотрели ясно, мы бы сказали себе: Мы справедливо восхищаемся этим гречеством в том, что из него подняла история; но, с другой стороны, мы говорим везде, где мы можем сделать это: мы добились наибольшего прогресса в Европе благодаря тому, что мы старались постепенно преодолеть то, что можно было построить только на основе земельного пролетариата. Развитие Европы до 15-го столетия ещё было ориентировано на гречество, так что мы говорили о ней «греческая Европа»: это то, что не даёт никакого достойного человека бытия. Определённый высший слой, к которому пришла Польша, однако, сохранял, также и внутренне, этот греческий настрой, а именно, жить в некоем аристократическом высшем слое с недифференцированным до буржуазии и пролетариата простым нецивилизованным крестьянством. И такова была диспозиция этого польского народа, когда он был разделён. Поскольку, не правда ли, по-настоящему мыслящим в Польше, ведь, был только этот высший слой. И он начал ужасно ненавидеть Россию, Пруссию, Австрию. Но, ведь, в пределах этого польского элемента были люди, то есть, совершенно нецивилизованный нижний слой, не обладавший никаким городским и прочим интеллектом. И смотрите, от него часть перешла в Россию, часть - в Австрию; то есть, в

Россию, где полячество было в русских условиях, в Австрию, где полячество было в рамках Галиции. А одна часть перешла в Пруссию, где полячество было в Силезии и Познани. Польский высший слой не стал другим, а он вёл себя при дальнейших условиях так, как мог, как можно меньше приспособляясь к этим условиям, а именно, политическим условиям. Напротив, низший слой совершенно странным образом приспособился. Конечно, то, что возникло в низшем слое, сегодня надо искать как новый фермент, то есть, как то, что поднялось из этого низшего слоя, который был под поверхностью польского аристократического элемента. Видите ли, курьёзно то, что только этот низший слой в условиях, которые возникли в результате разделения Польши, и получил определённую структуру. Посредством этой структуры, которая была в России-Польше, этот низший слой принял в себя в высшем смысле духовный элемент, тот духовный элемент, который направлен на углубление мышления и углубление научного элемента посредством определённого религиозного элемента. В России, вплоть до революции, религиозная жизнь не отличалась от научной. Истечение научных мыслей, познание чувственной жизни во всеохватывающих синтетических идеях, - это то, что посредством русского элемента перешло с Востока в польский элемент. Без этого влияния с духовной стороны социальной жизни появление таких людей как Своватский³⁶, Дунаевский³⁷ и прочие, просто не мыслимо. Напротив, в той части польского существа, который перешёл в Австрию, этот низший слой из Австрии, в свою очередь, принял государственно-правово-политическое. И это причина, по которой из австрийского галицизма, - по сути, польского, - вышли такие тончайшие политические головы и ораторы как Хауснер³⁸ и Вольский³⁹. Эти люди никогда не смогли бы появиться в рамках полячества, если бы это полячество не всосало бы в себя элементы из соседних областей, где из русизма можно было взять синтетическое, а из австрийского предрасположенность к конституциональному, политическому мышлению. Такой человек, как Хауснер, который играл большую роль в семидесятых, восьмидесятых годах прошлого столетия - он был депутатом одного из польско-галицийских мест, - такая фигура, или его коллега по парламенту, как Вольский, - они совершенно односторонне ориентированы на то, чтобы быть тем, что называют «политическими головами»; это не обязательно люди, способные руководить, но которые могут замечательно ухватывать особенности условий.

Видите ли, дело заключается в том, что сегодня повсюду говорят о политических условиях, не вкладывая в свои речи никакой субстанции. Надо заниматься тем, что произошло. В отношении агитационного курса я не собирался некоторых обучать ораторскому искусству, а должен был дать материал для агитации, и с этой точки зрения я также говорю сейчас.

То, что произошло в 1918-ом году, что произошло, благодаря событиям с 1914-го года, в виде, высказанном пророческим образом, вы, по сути, можете найти в австрийском парламенте в конце семидесятых годов прошлого столетия. Это верно, что тогда такими людьми как Хауснер и Вольский говорилось о гибели Австрии, о неспособности справиться с пролетарским вопросом, - короче, всё, что стало действительностью, тогда говорилось в австрийском парламенте. Люди почти не заблуждались, кроме сказанного в отношении двух вещей: в отношении времени и в отношении возможностей настоящего. Они видели время,

³⁶Juliusz Slowacki (Юлиуш Свонатский), Кременес (Вольхиния) 1809-1849 Париж, польский поэт; в своей эпопее и драме Конфедерации Баррера, которая была о первом восстании против России, он попытался обратиться к польскому национальному чувству.

³⁷Julian Dunajewski (Юлиан Дунаевский), 1822-1907, профессор политических наук в Прессбурге, Лемберг и Кракове. 1880-1891 гг. Австрийский министр финансов. - См. также Рудольф Штайнер, «Мой жизненный путь», GA 28 и «Собрание статей по истории культуры и современности 1887-1901», GA 31.

³⁸Otto Hausner (Отто Хауснер), Броди в Галиции 1827-1890 Лемберг. Депутат в австрийском парламенте. Он попытался как хороший европеец и как поляк защитить свою отеческую страну от русской опасности. Как оратора, Рудольф Штайнер описал его в «Мой жизненный путь», GA 28, с. 88; См. также его первую лекцию в «Эзотерических рассматриваниях кармических отношений», GA 236.

³⁹Ludwig Wolski (Людвиг Вольский), польский депутат в австрийском парламенте, политически связанный с Отто Хауснером.

искаженное фантастическим образом повсюду. Возьмите такого человека, как Хауснер. В одной своей речи он грандиозно представил, как в тот момент, когда Австрия вошла маршем в Боснию, была заложена основа для гибели. То, что позже произошло с другими, Хауснер говорил уже в семидесятые годы. Но он ошибся во времени. Он имел в виду, что это произойдёт через десять лет. Это вытекает из восточного элемента, который присутствовал даже трезвом Хауснере, - фантастическое. Он видит правильные вещи, но искажённые во времени. То, для чего надо было ещё два, три, четыре десятилетия, он предсказывал уже для следующего десятилетия. И затем Хауснер однажды дал критику немецкости с полным искажением настоящего момента, поскольку если прочесть эту речь, которую он держал в 1880-ом году, то видно, что она никак не подходит к тогдашним условиям; но с некой сенситивной жестокостью он описал то, что есть сегодня. Тогда люди ошибались, но всё же дело обстояло так, что можно сказать, что Польша стимулировалась Востоком в отношении великого синтетического мышления, и особенно в отношении политико-государственной жизни, которым такие люди как Хауснер и Вольский, ведь, действительно обладали великолепным образом под влиянием Австрии. И поэтому надо также верить - и это абсолютно правильно, а также проявляться в действительности, - что те части Польши, которые тогда отошли в Пруссии, получили свою особую стимуляцию для развёртывания экономической жизни и что поэтому фокус должен лежать на обращении с теми частями цивилизации, которые отошли от Польши к Пруссии, в обращении с экономической жизнью. Поляки стали особенно одарёнными в экономической жизни от Пруссии, в политике - от Австрии и религиозно-духовной жизни - от России.

Здесь мы имеем трёхчленность, которая показывает себя так, что поляки стали одарёнными в отношении крупных духовных идей от России. Если вы изучите то, что называют польским мессианизмом, если вы изучите взгляды Сwoвацкого, но также и то, что поляки говорят каждый день, то вы обнаружите, что этот импульс приходит с Востока. Но если вы изучите то, что живёт в поляках, что делает их политиками, позволяет им быть ими повсюду, где речь идёт о том, чтобы устроить заговор и тому подобное, то вы обнаружите, что это у них от Австрии. И вы обнаружите, что экономическое у них от Пруссии.

Но со всем этим невозможно создать какую-либо Польшу, создать польское государство. Это должно было расколоть Европу так, чтобы определённое население взяло от России нечто отличное, чем от Австрии, а именно духовное, и от Австрии нечто иное, чем от Пруссии, а именно политическое, и от Пруссии - экономическое; это должно было возникнуть из расщепления. Для этих трёх областей, хотя и могут быть достигнуты соответствующие таланты, но из этого не возникнет единого государства. Его можно построить, но он будет постоянно разрушаться. В действительности на долгое время не будет никакой Польши, поскольку её не может быть, поскольку в решающий момент Польша должна разделиться, чтобы прийти к формированию своих талантов. Таким образом, этой Польши не будет, и говорить сегодня о Польше, это иллюзия, и надо делать всё, чтобы такие идеи, которых я сейчас в зачатке коснулся относительно невозможности такого государственного образования, к которому как единому государству стремятся сегодня, сделать популярными. Сегодня в души людей надо было бы вложить знание, что они скатываются в несчастье, когда говорят: быть поляком. Из польского должно выйти общечеловеческое, тогда эти вещи, которые развились в трёхчленность исторически, будут плодотворными. Возьмите эти вещи с другой стороны: поляки получили от России большие синтетические идеи; то есть, их им дали русские. Но у последних их больше нет, поскольку они направились в большевизм. Они были недостаточно сильными, чтобы образовать организм. Они живут в социальном организме, полностью отданном разрушению. Особенно характерно это было в Австрии, в этом самом странном парламенте мира семидесятых годов 19-го столетия, когда жили такие люди как Хауснер, Дунаевский, *Dzieduszycki*⁴⁰, и подобные

⁴⁰Граф *Wbjeiech Dzieduszycki*, 1845-1909, философ и поэт, был членом Венской палаты представителей с 1879 по 1886 год.

им. Тогда жили, например, также старо-чехи Риегер⁴¹ и Грегр⁴². Тогда жили также такие люди как Хербст⁴³, Пленер⁴⁴, Карнери⁴⁵, - то есть, немцы. Тогда жили выдающиеся чехи, выдающиеся поляки, выдающиеся немцы. В отношении немцев дело обстоит схожим образом как с поляками. Тут снова мы видим, как низший слой чехов, благодаря вживанию в австрийские отношения, становится тонким политиком. То есть, в Австрии человек становится тонким политиком, приходит к изощрённому пониманию политических отношений. Это, однако, приходит в Австрию из Германии. И такой человек, как Отто Хауснер с его изощрённым пониманием политики, с его уверенными предсказаниями гибели Австрии, однажды сказал: Если мы будем продолжать так хозяйничать, то через пять лет - он, конечно, преувеличивает - вообще больше не будем иметь австрийского парламента. И это исполнилось, правда, позднее, но предсказано было верно. Только таким людям, как эти, наряду с австрийскими немцами, которые, собственно, и переняли эту форму парламентаризма у Запада, стало возможным укоренить в Центральной Европе то, что сделала школа. Но немцы в Австрии являются теми, кто познакомил других с этим тонким, изощрённым пониманием политической жизни. Но сами они ведут себя в этом плане максимально неуклюже. И это характерно, что с тем, чему от них учатся другие и что становится для этих других важным, они обходятся так неумело. В тот момент, когда оно проникает в сознание других, оно становится значимым для европейской жизни как фермент. Немцам приходилось удерживать территорию, на которой они жили. Это им не удавалось. Полякам не надо было ничего удерживать, поскольку у них ничего и не было. Они могли развивать эти идеи как таковые. Таким образом, эти немцы не знали, что делать с идеями, они передали их другим, и это подействовало так, что они подорвали свой собственный социальный организм.

Теперь перейдём к третьему элементу: ведь, в Германии действительно развивалась экономическая жизнь. Можно сказать, что экономическая жизнь в центрально-европейской Германии продвинулась дальше всей той экономической жизни, которая развивалась в остальном мире. Там сложились колоссальные экономические условия. Но они вырастали в воздух, не могли сохраняться. Польша, в свою очередь, могла бы многому научиться из этого, но немцы не могли хозяйствовать так и дальше. Они шли к катастрофе. Так было бы, даже если бы война не началась.

Таким образом, мы снова имеем трёхчленность европейского падения: с духовной стороны в России, с политико-правовой стороны в Австрии, с экономической стороны в Германии. Этому действительно можно противопоставить только трёхчленность подъёма, то есть, полное осознание идеи трёхчленности.

Теперь надо себе представить: Есть территория, которая должна сегодня решить, хочет ли она принадлежать тому, что не может создать государство, то есть, к Польше; или же она должна стать членом той трёхчленной Европы, которая собрала вместе все элементы, чтобы прийти к упадку, Австрию, Пруссию-Германию и Россию, то есть, она должна решить, должна ли она принадлежать к одной из этих трёх членов, в данном случае к Германии. Не должно ли такое решение стать поводом для понимания того, в чём сегодня заключается спасение, говоря: Нас не волнует то, что произошло в Европе, но мы хотим то новое, которое должно прийти, вложить в моменты развития. Можно мудро говорить и считать то, что я здесь сказал, неразумным, но из того, что просто так говорится, не выйдет разумной Европы. Поэтому необходимо, чтобы мы опирались на позитивные, реальные условия. Вот что я хотел вам сегодня сказать прежде всего.

⁴¹Franz Ladislaus Rieger (Франц Ладислаус Риегер), Семил 1818-1903 Прага, австрийский депутат, старо-чех.

⁴²Eduard Gregor, Steyr 1827 - 1907 Lschten bei Prag, австрийский депутат, ново-чех.

⁴³Eduard Herbst, 1820-1892, профессор юридической философии и конституционного права в Лемберге, позже в Праге; С 1867-1870 гг. Министр юстиции, ведущий политик либеральных немецких левых в австрийском Рейхсрате (Совете Рейха)).

⁴⁴Ernst Edler von Plener (Эрнст Эдлер фон Плендер), Эгер 1841-1923, Вена, лидер свободно мыслящих немцев.

⁴⁵Bartholomäus Ritter von Carneri, Trient 1821-1909 Marburg, философ и писатель; 1870 bis 1891 член Австрийской палаты представителей.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Штуттгарт, 2 января 1921 года

Жаль, что у нас так мало времени. Для нашей специальной проблемы я могу дать вам лишь отдельные указания с различных точек зрения. Сегодня после обеда мы присоединим тогда к этому ответы на отдельные вопросы, которые будут поставлены нашими друзьями.

Вчера, исходя из определённого исторического контекста, я пытался показать вам безнадежность голосования относительно вопроса Верхней Силезии в нынешних условиях. Но эта безнадежность может предстать перед нами ещё и с разных сторон. Дело обстоит так, что все люди, которые мыслят сегодня, исходя из старых предпосылок, предаются ужасным иллюзиям относительно будущего европейской жизни. Ведь, сегодня живут, собственно, только иллюзиями. И те из наших друзей, которые намерены работать над улучшением ситуации, должны понимать, что мы можем добиться продвижения только в той мере, в какой нам удастся относительно быстро создать ясность, и не просто ясность, исходя из мелких обстоятельств, а ясность, исходя из всеобъемлющих мировых обстоятельств, которые, собственно, сегодня оказывают влияние даже на обстоятельства даже самой маленькой территории. Опирайтесь на институты и им подобное, которые уже существуют, мы можем едва ли. Мы должны обращаться к людям, которые способны и склонны принять наши идеи, чтобы таких людей было как можно больше и чтобы затем мы могли с этими людьми что-то начать. И мы должны попытаться сделать этим людям ясным, что они уже в сегодняшних условиях должны вести себя в смысле нашей идеи. Поскольку, видите ли, ведь, если мы вчера установили, что по сути ни немецкая, ни польская сторона не имеют будущего ни в существующих, ни в желаемых государственных условиях, то, с другой стороны, мы можем также уяснить себе, что эта безнадежность, безусловно, существует и по другим причинам. Конечно, Верхняя Силезия, конечно же, вставлена во все общеевропейские отношения. Особое положение заключается лишь в том, что сегодня ей определённым образом предстоит решить свою судьбу. Это необходимо учитывать. Повсюду, где есть необходимость решений, сегодня должны использоваться крупные точки зрения.

Взглянем сегодня на европейские отношения несколько с другой точки зрения, нежели вчера. Видите ли, ведь, экономические условия Европы таковы, что Центральная и Восточная Европа в отношении того, что развилось из старых условий, приближается к своему быстрому упадку. В Европе больше невозможно продолжать работать, опираясь на старые экономические условия, и, прежде всего, также на государственные и духовные условия. Люди, которые сегодня заняты публичными делами, хотя и создают себе представления об ужасах этого упадка, но это иллюзорные представления. Одну из главных иллюзий, особенно среди народов Центральной Европы - среди народов Восточной Европы дело обстоит так же - мы должны видеть в том, что люди верят, что существует возможность взаимопонимания с англосаксами или с западными странами в целом при старых условиях. Такое взаимопонимание, как раз, невозможно, и на невозможность такого взаимопонимания наталкивается также голосование, подобное голосованию относительно вопроса Верхней Силезии. Оно должно спотыкаться об эту невозможность. Нельзя просто проголосовать за те условия, которые сейчас создаются, скажем, государственными деятелями и экономистами бывшей Антанты. Какие представления могут быть у человека, который, думает, собственно, лишь наполовину, - ведь, полностью он едва ли мыслит, - какие представления могут быть у такого человека о возможном восстановлении экономических и других условий в Европе? Он может сказать: Первое, что возможно, - это получение крупного кредита в иностранной валюте через Америку, это были бы крупные авансы. Вы, ведь, знаете, - такие вещи обсуждаются сегодня, - что крупные авансы, кредиты, которые могут быть получены только из Америки, могли бы быть предоставлены европейцам, возможно, под гарантии отдельных государств, которые захотят объединиться таким образом, и что таким валютным займом

может быть стимулирована экономическая жизнь. Европа тогда снова смогла бы снабжаться сырьем и продовольствием, и, возможно, в течение 30, 40 или 50 лет экономические условия в Европе улучшились бы. Это представление, как раз, полностью соответствует такому полумышлению. Ни в коем случае никакое правительство Америки не будет в состоянии устранить сопротивление, которое лежит просто в европейских условиях. Государства Европы не в состоянии предложить достаточные гарантии, даже если будут приняты небольшие меры, - но такие меры не могут быть приняты в данных обстоятельствах, - которые фактически привели бы к улучшению европейских экономических условий посредством таких валютных займов, которые определённым образом смягчили бы тенденцию невозможности экономической жизни, вызванную валютными различиями. Но достичь чего-либо таким образом невозможно. Можно было бы также представить, что в меньших масштабах в нейтральных странах, странах Антанты или в Америке будут обращаться к отдельным людям, которые, в свою очередь, из доверия, будут предоставлять индивидуальные кредиты отдельным хозяйствующим личностям в европейских странах. Только такая акция при существующих условиях смогла бы проходить лишь в узких рамках, поскольку людей, которые захотели бы давать кредиты в нейтральных странах или странах Антанты, было бы так мало, что улучшение условий жизни в Европе посредством этого меньшего из обоих этих средств не могло бы даже рассматриваться. Так люди впадают во всевозможные иллюзии. Они тогда некоторым образом перескакивают средние члены и думают над организацией, своего рода, мирового экономического союза, который должен развиваться из идеи Лиги Наций. Они думают, что в некоего рода мировом государстве вся экономическая жизнь будет огосударствлена, так что индивидуальные пассивы в побежденных странах не будут приниматься во внимание. Ну, это, конечно, ужасная утопия, поскольку, ведь, эффективность Лиги Наций была разоблачена ассамблеей в Женеве. И возлагать надежды на такую ориентированную на экономическую сторону Лигу Наций, - это сегодня нечто совершенно утопическое. Сегодня речь идёт о том, чтобы глубже взглянуть на силы развития человечества и попытаться достичь мер, которые действительно могут помочь и которые должны действовать. Такие меры могут быть достигнуты только посредством трёхчленности, и как только человек начинает тешить себя иллюзиями, что что-то можно сделать без этой трёхчленности, он просто способствует упадку. Подумайте только, что это будет значить, если, например, население Верхней Силезии проголосует за присоединение к Пруссии-Германии. Это будет означать ни что иное, как то, что это население вместе со своей территорией подчинится более крупной территории, которая, если будет продолжать действовать так, как она это делала до сих пор, неизбежно впадёт в варварство. Не может идти речи о том, чтобы присоединиться к региону, который ещё не показал, что он преодолел старые условия. Этого, ведь, ещё совершенно не заметно во влиятельных кругах Пруссии-Германии; всё, как раз, наоборот. Просто взглянем на факты объективно: присоединение к Пруссии-Германии определённо означает отдачу себя невозможным состояниям.

Поскольку, видите ли, это подводит нас к другой иллюзии, - и мы хотим её рассмотреть, - которой предаются лучшие люди на стороне Антанты. Есть такие люди, как Кейнс⁴⁶, у которого есть определенная группа последователей, или Норман Энджелл⁴⁷, у которого также есть определённая, и даже очень большая, группа последователей. Как мыслят эти люди? Эти люди считают, что Версальский договор непременно надо пересмотреть и что жизнь на основе существующего договора продолжаться не может. Но почему они так думают? - Они думают так: Европа до сих пор поддерживала экономические контакты с остальным миром. Если Европа впадёт в варварство, если её экономическая жизнь рухнет, то вместе с этим - так

⁴⁶John Maynard Keynes (Джон Мейнард Кейнс), 1883 - 1946; Английский экономист, профессор Кембриджского университета. Во время войны он поступил на службу в британское казначейство. В этом качестве он играл влиятельную роль в вопросах, связанных с финансированием войны, и в конечном итоге участвовал в Парижской конференции в качестве британского финансового представителя и представителя британского канцлера казначейства в Высшем экономическом совете. 7 июня 1919 года он подал в отставку, осознав, что существенных изменений в условиях мира добиться не удастся.

⁴⁷Norman Angell (Норман Энджел) «Мирный договор и экономический хаос в Европе», Шарлоттенбург, 1920

считают эти люди, особенно Норман Энджелл, - рухнет и экономическая жизнь, причём не только стран Антанты - которая, разумеется, рухнет, - но и американской экономики, поскольку европейских рынков больше не будет. Европейские страны по обе стороны Антанты и Америки нужны для того, чтобы иметь возможность вступать с ними в плодотворные экономические отношения. Смотрите, именно, исходя из этого выносят свои суждения лучшие люди Антанты. Можно сказать, что в этом направлении за последние месяцы было сказано, собственно, нечто весьма существенное и что число людей, убежденных в невозможности продолжения условий Версальского договора и всего, что с ним связано, растёт. Но они не правы, они живут в иллюзии, они судят, как раз, исходя из существующих мыслительных и чувственных привычек. Не нужно избегать жестокой правды. Утверждение, что англосаксонское население зависит от экономических отношений с Центральной и Восточной Европой, просто неправда. В лучшем случае оно зависит только от того, чтобы реорганизовать всю свою экономическую жизнь, превращая её в некое замкнутое в себе экономическое тело, и тогда оно сможет продолжать существовать вполне благополучно, даже если в Европе от голода умрёт столько-то и столько-то людей. Сказанное имеет благие намерения, но это неправда. Да, может потребоваться от пятнадцати до тридцати лет, прежде чем экономическая жизнь в странах за пределами Центральной и Восточной Европы сможет реорганизоваться так, чтобы она могла выживать самостоятельно; но реальная возможность такой реорганизации, безусловно, существует. Если бы можно было действовать так, как представляют себе эти люди, то всё, что кто-либо делал бы в Центральной или Восточной Европе, особенно исходя из старых предпосылок, в конечном итоге привело бы к тому, что посредством варваризации стимулировался бы западный мир. Другого, исходя из старых предпосылок, по сути, ожидать не следует.

Можно было бы себе представить, что есть большинство, а именно в Америке, которое работает на то, чтобы просто предоставить Европе своей судьбе и превратить западную часть мира в закрытую экономическую зону. Однако в такой ситуации определённо можно оказаться, если путём голосования присоединится к существующим в Центральной Европе условиям. Присоединив к себе Польшу, мы бы ничего не изменили. Такая перспектива уже была предвосхищена тем, что было только что сказано. Не было бы также сделано ничего другого, кроме подчинения себя образу мышления Антанты. Хотя Польша и является протее Антанты, это не помогло бы ей во всех решающих случаях; она была бы предана руинам европейских отношений или была бы втянута в те катастрофические события, на которые я собираюсь сейчас указать.

Таким образом, голосование в пользу одной из сторон - это бессмыслица. Прежде всего, мы должны совершенно ясно поместить это предложение перед своей душой: такое голосование - это бессмыслица. При каких условиях оно в том или ином случае всё же могло бы состояться, мы ещё обсудим позднее. Нам должно быть ясно, что сегодня нельзя удержать мир теми мыслями, которыми это делалось раньше. Это особенно проявляется посредством тех вещей, которые я пытался представить вчера. Польша, говорил я, ведь, сохранила то, что прочая Европа некоторым образом преодолела: некое господство аристократии. Под господством этой аристократии развился тогда тот низший слой, который обрёл импульсы для своего ума и своей силы поступков, я бы сказал, посредством трёхчленности: а именно, от России он взял духовное, от Пруссии-Германии - экономическое, от Австрии, через Галицию, - государственно-политическое. Этот низший класс в определённом смысле вжился в буржуазные течения, которые какое-то время господствовали в Европе, так что то, что развилось в Польше из низшего класса, вместе с тем, что развилось в остальной Европе, проникло и в буржуазию. Но сегодня оно утратило свою действенность, как утратила свою действенность буржуазия вообще.

Далее, сегодня есть просто более широкие слои, и эти более широкие слои противодействуют нам сегодня в обманчивой картине, в действительно обманчивой картине. На Западе они выступают перед нами скорее как обуржуазенное рабочее движение, в середине Европы - как более или менее так или иначе нюансированная социал - демократия, и

чем дальше мы уходим на Восток, тем больше они приобретают форму большевизма. Жизненные условия большевизма в России, - их нам надо прояснить. Кстати, ведь, силезская область голосования лежит очень близко к этим условиям жизни большевизма, и об этих условиях жизни большевизма нужно получить полную ясность.

Видите ли, причина большевизма состоит в том, что высший слой, будь то аристократический слой или буржуазный слой, не нашёл в новейшее время возможности распространить мышление на те области, в которых распространился труд и в которых, прежде всего, распространилась человеческая воля. Были проработаны дальше старые мысли, было сформировано коммерческое, хозяйственное, была привлечена широкая масса населения, но не было сделано ни одного шага для того, чтобы, исходя из этих государственных отношений, что-то сделать для этой широкой массы человечества. И теперь, к сожалению, надо сказать: Этого не происходит и сегодня, поскольку тем образом, которым это единственно и могло происходить, этого, как раз, ещё не происходит. Это должно стать нашей главной заботой. Поскольку это один из характерных примеров, как к тому, что, собственно, варится в широкой массе человечества, подводятся руководящие личности. Это не делается разумным образом. Ведь, Людендорф⁴⁸ сам рассказывает в своих воспоминаниях, что это он продвинул вождей большевизма в Россию; он говорил, что это была для него военная необходимость, и политики были обязаны избежать плачевные следствия этой необходимости. То есть, он не отрицает, что это он дал большевизму в России его вождей, он говорит только, что политики были недостаточно умны для того, чтобы исправить ту глупость, которую он совершил. Такие вещи сегодня возможны и будут приняты. Таким образом, большевизму были даны руководящие личности из тех старейших государственных установок, из которых мыслил Людендорф, - не из какого-то разумного взаимодействия людей, которые что-то знают о развитии человечества и о тех людях, которых хотят быть ведомыми, но не в ситуации старых отношений, а хотят быть ведомыми к новым отношениям. Это нечто такое, что должно быть познано со всей основательностью. Ведь, с начала мировой войны этот широкий низший слой составляют не только старые пролетарии. К этому широкому низшему слою принадлежат члены всех правящих классов. И с этим фактом сегодня также ещё не считаются. Ещё не считаются с тем, что на тех людей, которые ещё принесли с собой что-то от интеллекта из довоенного времени, нужно влиять, прежде всего, разумными идеями, так чтобы в мир всё больше и больше руководящий интеллект входил разумным образом. Это сегодня самый важный вопрос, чтобы люди, которые ещё сохранили что-то от интеллекта, открыли глаза для того, чтобы стать настоящими вождями. Без этого мы вперёд не продвинемся. Поскольку имеется две вещи. На одну уже было указано раньше: созидание в Центральной и Восточной Европе, исходя из каких-либо других оснований, кроме трёхчленности, невозможно; оно невозможно посредством людей Центральной и Восточной Европы, но также невозможно и посредством людей Антанты. Люди Антанты и Америки могут что-то сделать, будь то в связи с предоставлением займов в крупных размерах или более мелких кредитов, только при условии значительного снижения заработной платы в Европе по сравнению с Америкой. Но американский пролетариат тут же воспротивился бы этому, и английский пролетариат тоже не допустил бы этого. Любая мера, предпринятая в этом направлении, способствовала бы революции в самих западных странах. И это то, что мы непременно должны донести до человечества, что из самых широких низших классов, теперь не извне, а из низших классов, большевистская революция охватит и западный мир. Сколько бы барьеров ни воздвигали сегодня ведущие деятели Запада против большевистского заражения Запада, для этих западных стран главное не то, что приходит с

⁴⁸Erich Ludendorff (Эрих Людендорф), (1865–1937) — начальник штаба Гинденбурга во время Первой мировой войны, первый генерал-квартирмейстер в 1916 году, уволен в отставку в 1918 году из-за желания продолжить войну. В 1926 году он и его жена Матильда основали «Völkisch-Christlicher Tannenbergbund». О политической необходимости «продвижения» Ленина в России Людендорф пишет в «Моих военных воспоминаниях 1914-1918 гг.», Берлин, 1919, стр. 407: «Послав Ленина в Россию, наше правительство также взяло на себя особую ответственность. В военном отношении поездка была оправдана; Россия должна была пасть. Но наше правительство должно было позаботиться о том, чтобы мы тоже не пали...»

Востока посредством передачи большевизма, а главное то, что поднимается снизу вверх, существенным является это.

Сегодня уже есть немало людей, - и это число будет быстро расти, - которые понимают, что если продолжать работать в старом смысле, то не останется ничего иного, как пройти через революцию. И когда людям в старом смысле говорили : мы должны вести войну, чтобы победить революцию в нашей собственной стране, то это означало ни что иное, как то, что, как раз, среди людей Запада понимающих в старом смысле, надо работать над развязыванием Второй мировой войны. Эта Вторая мировая война кажется тем более неизбежной, чем меньше может быть достигнуто понимания на Востоке, когда ситуация достигнет апогея, относительно экономических мер Запада. На Востоке тот образ мысли, который сегодня наблюдается в России, связан даже с религиозными представлениями Востока, и по всей Азии распространится настроение, к которому чрезвычайно привержено японское население и его правители, так что напряжение между Востоком и Западом выльется в экономический хаос будущего. Вторая мировая война, которая должна разгореться между Азией и Америкой, а также всем, что находится между ними, непременно должна развернуться на экономической почве. Вы, ведь, слышите, как из низших слоёв звучит призыв: Мировая революция! Эта мысль о мировой революции сможет окутаться туманом, уже благодаря тому, что разразится катастрофа Второй мировой войны. Иначе быть не может.

Таким образом, мы живём в то время, когда конфликт между Америкой и Азией будет разгораться всё сильнее и сильнее. Разумеется в этот конфликт будут втянуты и народы, лежащие между ними. Можно быть совершенно уверенным в том, что Азия во главе с Японией окажется в том же положении по отношению к Западу, в каком Центральная Европа находилась по отношению к Антанте. На стороне Востока, возможно, какое-то время будет уверенность в победе, но так же, как Америка играла решающую роль в Европе, она будет играть решающую роль и в Азии. Но на Востоке найдется свой Людендорф, который пошлёт на Запад нужных вождей, чтобы заразить Запад большевизмом, то есть, в данном случае азиатчиной. Он найдётся и среди японцев. И тогда вы имеете то, для чего есть настрой, царящий среди самых широких слоев, который вы создали, просто благодаря Второй мировой войны. Надо представить себе Америку, в которой управляет экономикой какой-нибудь Ленин, так же как Ленин сейчас управляет экономикой России. Мы не должны закрываться от этих перспектив; мы должны ясно понимать, что причины нынешнего бедствия кроются в экономическом упадке, а последствия - в варваризации человечества. Этому можно противопоставить только один единственный факт, - тот, который, вероятно, может быть высказан здесь в нашем обсуждении, и который должен пронизывать всю нашу работу, но который, возможно, не следует превращать в агитационный материал, поскольку в тот момент, когда он будет превращен в таковой, он будет в этот момент мировой истории немедленно умерщвлён.

Видите ли, во всём мире есть люди, которые, просто потому, что они пришли к концу с нынешним экономическим, государственным и духовным мышлением, начинают серьёзно задумываться об этой трёхчленности. Например, то, что произошло как реакция на перевод «Основных пунктов социального вопроса» на английский язык, является прекрасным доказательством этого. И если бы мы были уже настолько сильны, что могли бы действовать с необходимой пробивной силой, то, если бы мы могли воспользоваться тем фактом, что эти «Основные пункты социального вопроса» обсуждались в английских газетах, мы смогли бы, пока не остыл настрой, развить весьма действенную агитацию. Но то, что нам не хватает, так это личностей, достаточно большого количества личностей, которые могли бы оказать решающее влияние на наше дело. Это побудило меня еще весной 1920-го года указать на то, что для начала нам понадобится здесь, в Штутгарте, пятьдесят человек, которые обсудят между собой и со мной всё необходимое, чтобы можно было донести это до людей. Сегодня речь идёт об этом. Нет другого средства, кроме как просветить достаточно большое число людей. Однако, для этого необходимо достаточно большое количество просвещённых, обладающих основами. Поскольку вы можете быть уверены: если вы создадите то, что мы

обсуждали здесь сегодня и вчера, это сработает; просто это нужно в достаточно широком охвате донести до людей. Недостаточно, если мы распространим это с помощью десяти человек, нужно иметь возможность распространять это с помощью сотен агитаторов. Необходимо, чтобы у нас было всё больше и больше личностей.

Таким образом, как сказано, из низшего слоя поднимается понимание всего мира, противостоящее варварству; но должны быть вожди, - вожди, которые, благодаря своему внутреннему качеству, вполне могут понять, что заключено в трёхчленности; эти вожди могут взяться только из Центральной Европы. Это парадокс, с которым столкнулось человечество сегодня: в тех регионах, которые наиболее угнетены и наиболее побеждены, живут люди, которые в наибольшей степени способны понять выход из заблуждений человечества. В этом отношении нам, жителям Центральной Европы, пришлось пройти достаточно суровые испытания. Подумайте о том, что, начиная с первой половины 19-го столетия, лучшие качества немецкого народа породили идею идеалистической организации, прежде всего, этого немецкого народа. То, что проявилось как стремление к единству, а именно, с 1848-го года, исходило из лучших качеств немецкого народа в Центральной Европе, это было несомненно благородным металлом в культурном развитии человечества. И в этом есть определённое качество, к которому надо апеллировать, оно само по себе имеет то качество, что оно не будет презираемой или ненавидимой ни одним народом на Земле, а, напротив, будет принято всеми, включая Польшу, если оно явится в том качестве, в котором оно явилось в то время как политическая идея в Германии. Ведь на самом деле среди тех людей, которых позже высмеивали в так называемой реалистической Германии как идеалистов 1948 года, были некоторые, которые лучше всего выражали определённые качества. Ведь, по сути, среди тех людей, которых позже высмеивали в так называемой реалистической Германии как идеалистов 48-го года, были некоторые, которые лучше всего выражали определённые качества. Напротив, этому противостояло всё, что происходило в последние десятилетия в Центральной Европе, как в Австрии, так и в Германии. Тогда развились те вещи, которые, по сути, противоречили немецкому существу, и которые ненавидели во всём мире, относительно которых ругались во всём мире. Пока в Центральной Европе не увидят, что Центральная Европа должна развиваться на тех основах, которые лежат в духовном, что Центральная Европа в силу всей своей исторической миссии не может опираться на властные отношения, а только на духовные, до тех пор импульс для какой-либо развитой Центральной Европы ещё не дан, а дан лишь импульс к упадку всего цивилизованного мира. В этом отношении можно, собственно, взглянуть на Фихте. В отношении Фихте я обращаю ваше внимание только на два пункта, на последние слова, которые он высказал в своей «Речи к немецкой нации», где он призывал немцев задуматься о своих собственных качествах, работать исходя из своего внутреннего, поскольку это позволит им шире смотреть на мир. И, с другой стороны, он призывал немцев отказаться от превосходства на море. Прочитайте в «Речи к немецкой нации», как настойчиво Фихте советовал не стремиться к какому-либо превосходству на море. Фихте высмеивает, так называемую, свободу морей. Это было сказано, исходя из глубокого инстинкта.

И, смотрите, как только вы касаетесь этих вещей, вы также должны указать, что здесь находится рычаг для обратного хода. Прочтите важное указание, которое тогда не было понято, как не был понят и весь текст, важное указание, которое я пытался донести в своих «Мыслях во время войны», а именно, что немецкий народ невиновен в войне. Прочтите эту важную заметку и прочтите заголовок на обложке о том, что книга адресована немцам и тем, кто не считает, что их надо ненавидеть; поскольку я очень хорошо знал: это могут понять только такие люди. Но таких людей в то время не нашлось, хотя меня настоятельно просили опубликовать второе издание этой книги. Конечно, я воздержался от этого, поскольку на неё отреагировали, по сути, только те, кто считал, что немцев надо ненавидеть. В Германии об этих вещах мило умолчали. Книга приобрела бы значимость только в том случае, если бы была полностью учтена её фактологическая основа. Поэтому её пришлось изъять из книжных магазинов. Мне хотелось вызвать у немцев и тех, кто считает, что им не нужно

ненавидеть немцев, определённое настроение, которое несомненно присутствовало в глубине их души. Если бы это настроение, которое тогда имелось в виду, действительно проявилось, если бы оно создало тогда атмосферу, то есть, если бы кто-то из-за границы увидел, что такое настроение существует, то это обернулось бы счастьем. Если бы такое настроение ощущалось сегодня, то это всё ещё обернулось бы счастьем. Позвольте мне сказать ещё следующее, и при этом я прошу вас задуматься над словами, которые я собираюсь вам зачитать, как раз, в тех условиях, в которых мы сейчас находимся: «Немцы не призывали свое правительство вступить в войну. Они ничего не знали об этом заранее и не голосовали за это. Мы не хотим возлагать ответственность на немецкий народ, который сам претерпел в этой войне все те страдания, которые он не сам себе причинил».

Я спрашиваю вас, разве это не соответствует полностью тому, что я сказал в небольшой книге «Мысли во время войны»? Но кто произнес эти слова под давлением определённых лиц 14 июня 1917-го года? - Это был Вудро Вильсон. Если взглянуть на это таким образом, то тогда существует возможность взаимопонимания по всей Земле. Об этом развороте мы должны помнить, и помнить ещё сегодня, что в тот момент, когда в Европе проявляется нечто, что показывает, что это имеет отношение только к объективному развитию человечества и не имеет ничего, абсолютно ничего общего с какой-либо связью со старыми вещами, что в этот момент, исходя из из Центральной Европы, может быть найдено взаимопонимание с миром. В тот момент, когда в каком-то пункте можно будет, пусть даже и в ограниченной степени, апеллировать к самоопределению народов Центральной Европы, должно проявиться то, что, исходя из самой природы Германии, немецкий народ не хочет иметь ничего общего со всеми, кто имеет какую-либо связь со старыми насильственными правителями, независимо от того, являются ли они государственными деятелями или промышленниками, стремящимися к своей выгоде, независимо от того, находятся ли они на стороне Хельфериха⁴⁹ или Эрцбергера⁵⁰ или на стороне немецкой демократии. Всё, что имеет какую-то связь с тем, что вначале вошло в эпоху Вильгельма, должно быть исключено. И из действительного основания германского существа, к которому принадлежит и австрийское, должно быть найдено то, что может быть сказано. Поскольку тогда это согласуется с тем, что говорят во всём мире те, кто ещё вспоминает об истине. Поэтому во всем международном мире самое большое впечатление может быть произведено, если какая-нибудь кучка людей скажет: Мы не хотим иметь ничего общего с Пруссией, как она сложилась, мы не хотим иметь ничего общего с тем, что находится под защитой Антанты, мы знаем, что из глубин могут выйти совсем другие силы, мы хотим стать на точку зрения трёхчленности, мы не хотим только видимости автономии, которая всё же может проявиться, мы хотим настоящей, истинной автономии и мы временно утвердимся в этой настоящей, действительной автономии, мы сделаем голосование протестом против факта голосования. - Это необходимое следствие, вытекающее из фактов истории, а также из современных международных условий.

Конечно, против этого можно возразить: что-то подобное сегодня обусловит то, что вы окажетесь сидеть на земле между двумя стульями. Этого не произойдёт, если оно сможет стать достаточно популяризированным, а именно, так быстро, чтобы, по крайней мере, выступить как нечто чётко слышимое до голосования в Верхней Силезии. Только с помощью таких вещей мы сможем продвигаться вперёд с нашим движением. Единственное, что нам противостоит, - это то, что мы не в состоянии до дня голосования продвинуться так далеко, что то, что выступило бы как протест против факта голосования как такового могло быть как-то реализовано. Тогда работа в этой области вообще стала бы чрезвычайно трудной. Поскольку те, кто пропагандирует наши идеи, так же мало получают поддержку со стороны Пруссии-Германии, как и со стороны Польши. Таким образом, терять им нечего, кроме того, что они потеряли бы и без этого, независимо от того, произойдёт одно или другое. Возможно,

⁴⁹Karl Helfferich (Карл Хелферих), - см. сноску 32

⁵⁰Mathias Erzberger (Матиас Эрцбергер), 1875-1921, депутат Центристской партии, октябрь 1918 года - Комиссар по перемирию, 1919-1921 годов - Министр финансов Рейха, 1921 года убит националистами. Оппонент и соперник Карла Хельфериха.

эта вещь удастся, если этот протест вбросит в мир достаточно большое количество людей. Тогда сегодня этот протест был бы таким же эффективным, как если бы Кюльманн⁵¹ просто в нужное время попал в немецкий рейхстаг и представил бы против идеи Вильсона весь проспект трёхчленности. Поскольку в будущем будут иметь значение не победные компромиссы, а непреклонная приверженность тому, что вытекает из самих вещей. И если бы это удалось, то есть, было бы одобрено фактом голосования, что относительно малое число людей - это должно быть, конечно, тысячи людей - объявили бы миру: Мы, как верхние силезийцы, видим бессмыслицу в присоединении к одному или другому, - и это было бы услышано во всем мире, стало бы фактором во всём мире, поскольку это было бы одобрено тем, что происходит в связи с голосованием. Тому, что мы должны сказать, мы должны стремиться не только позволять являться неделя за неделей в газете по трёхчленности, какой бы духовной она не была, но которая распространялось бы вовне убывающими волнами, а мы должны следить за тем, чтобы там, где в мире происходит важное, имел бы место голос трёхчленности, чтобы она не просто стояла в стороне от этих событий, а действительно выбирала моменты, когда можно что-то сделать, поскольку, ведь, человечество просто загипнотизировано теми вещами, которые происходят. Не думаете же вы, что Антанта просто так будет поддерживать трёхчленность, если мы здесь будем продолжать распространять трёхчленность теоретически? Нет, глаза загипнотизированы тем, что подобно этому силезскому вопросу голосования. В том, что там скажут тысячи людей, они увидят то, что иначе не замечают.

Это те вещи, которые мы в настоящий момент должны здесь особенно учитывать. Конечно, если это будет невозможным, собрать достаточно большое количество людей, то при определённых обстоятельствах нашим друзьям не останется ничего другого, как сказать: Эта трёхчленность, ведь, когда-нибудь всё же пройдёт свои родовые схватки и придёт к проявлению, и из нужды возможно в немецком народе разовьётся понимание трёхчленности: поэтому проголосуем пока за присоединение к Пруссии-Германии, но в надежде, что эта Пруссия утонет. Но это был бы лишь суррогат, этим мы присоединились бы к тому, от чего мы страдаем. На что мы должны обращать наше внимание, так это на то, чтобы получить людей, которые могут быть активными в нашем движении, которые могут быть активными в смысле нашей трёхчленности. И в этом направлении - об этом нельзя умолчать - мы действовали недостаточно активно. Повсюду, где мы нуждаемся в приверженцах, которые могут действовать, нам их сегодня недостаёт. Те люди, которые у нас есть, являются вполне энергичными сотрудниками; но они, собственно, должны быть повсюду. Для них день должен был бы составлять, вероятно, не 36, а 64 часа или ещё больше. Это знают несколько людей, которые в наших рядах работают действительно эффективно. Нам надо всё больше и больше личностей, и если нам удастся их привлечь, то мы придём в Центральной Европе к пропагандированию трёхчленности, чтобы можно было что-то сделать. Но мы не должны такой благоприятный момент, когда мы можем показать миру, что значит трёхчленность, оставлять неиспользованным. Мир тогда занимался бы этим. Если бы то, чем является верхнесилезский призыв, был известен, мир занимался бы трёхчленностью в огромном охвате, и мы должны этому содействовать, без этого в настоящее время пути нет.

Это то, что действительно нужно особенно подчеркнуть, что должны запечатлеть в своих сердцах те, кто намеревается сейчас пропагандировать наше дело среди верхнесилезского населения. Нельзя сказать, что надо распространять трёхчленность в общем, это не было возможно с самого начала. Видите ли, во время, так называемой мировой войны я однажды довёл трёхчленность до того, что некто⁵² проявил необычайную активность для основания

⁵¹Richard von Kühlmann, 1873 - 1948 гг., Германский государственный секретарь иностранных дел с 1917 по 1918 год. Кюльманн знал формулировку меморандумов, написанных Рудольфом Штайнером летом 1917 года, в которой он представил идею трёхчленности социального организма. См. Рудольф Штайнер, «Социальное будущее», GA Библ.-№ 332а, стр. 69.

⁵²Предположительно речь идёт о полковнике Хэфтене (Haeften), близкого доверенного Хельмута фон Мольтке. Осенью 1916-го года немецкое руководство Рейха планировало создать в Цюрихе центральную новостную

настоящей пресс-службы в Цюрихе во время мировой войны. Я объяснил этому некто, что, исходя из старых пресс-отношений, вообще нельзя ничего достигнуть. Дошло до того, что однажды в один из вторников - мне приходится рассказывать это снова и снова - мне сказали: Есть все предпосылки для того, чтобы Вы могли в ближайшие дни переселиться в Цюрих, чтобы организовать там работу пресс-службы. - На следующий день пришла отмена из основной штаб-квартиры, которая, ведь, была всемогущей, с тем объяснением, что этого поста ожидало так много людей в Германии, что какой-то австриец быть выбран не может. Ну, достаточно, ведь, только подумать о таких вещах, чтобы почувствовать, что все слова, которые ранее были запечатлены идеализмом нашего времени, больше не имеют никакого значения, что надо смотреть на вещи, когда они становятся ясными из трёхчленности. Если где-то соответствующим образом сможет прозвучать такой призыв, то всё получится.

Видите ли, вам должно быть ясно: до сих пор препятствия продвижения человечества вперёд, которые теперь продолжаются, состояли в том, что собственно духовное движение в продолжении долгих столетий были привязаны к внешним властным отношениям, к внешним конstellляциям. Подумайте только, что весь буржуазный прогресс, - и с ним связано всё, что мы делаем в искусстве и науках, - просто связан с образованием городов, то есть, весь подъём последних столетий обусловлен тем, что ведущим фактором стали города. В конце концов, никто был больше не в состоянии иметь ведущим то, что приходит из городов. Тогда обратились к старому государству, которое теперь должно стать ведущим. Это будет всегда терпеть неудачу, независимо от того, предпринимается ли это социал-демократией или большевиками, или какими-либо интеллектуальными людьми, оно всегда будет терпеть неудачу у мирового крестьянства. В этом направлении, например, в Швейцарии, проводятся особенно интересные исследования. Когда в Швейцарии люди были очень близки к, своего рода, революции, то это было именно крестьянство, которое восстало против этого. Только благодаря крестьянству, Швейцария избежала революции, которая грозила разразиться. Здесь мы имеем чёткую противоположность между широким крестьянством и тем, что выделяется в отдельных культурных слоях: это были города, это было государством и так далее. Только в России это стало по-другому. 600 000 человек, которые теперь в России действительно пронизаны большевистскими схватками, не играют роли; но играет роль то, что к Ленину примкнула вся масса крестьянства, и что вся эта масса считает, что она имеет возможность получить землю. Это может произойти, только если Ленин останется, считает крестьянство. Если Ленин падёт, они не получают землю.

Какое же единственное решение огромного культурного вопроса будущего человечества? Конечно, эта культура зависит от того, имеются ли духовные вожди. Эти духовные вожди должны были - так это можно сформулировать, - должны были отступить, благодаря особой властной конstellляции, отступить в замки, затем отступить в города, в государства, поскольку не было никакого настроения для создания организации, которая как таковая является ведущей посредством её признания. И единственная возможность создать такую организацию, которая независима от прочих социальных конституций, - это, безусловное признание источника высшей культуры. И между этим духовным организмом и широким хозяйственным организмом будет стоять эта государственно-правовая организация, как ритмическая система стоит между головной системой и системой обмена веществ. Единственным решением будущих вопросов является утверждение духовной жизни, которая действует непосредственно через себя. На это была направлена моя работа «Основные пункты социального вопроса». В тот момент, когда вы позволяете себе уходить от этого, благодаря тому возражению, что вы хотите создать духовную аристократию, - в этот момент вы уже не понимаете эту вещь. Только создание этой духовной организации ведёт дальше. Таковой, ведь, в конце концов, как она соответствует старым условиям, является также католическая церковь. Она независима от образования городов и так далее, но у неё больше нет своей миссии, она исчезла. Причина того, что она организовала огромную кажущуюся

или пресс-службу, посредством которой мировая публика должна была быть проинформирована о военных и мирных целях средних держав.

власть, лежит в том, что она учреждена так, что является независимой от внешних властных условий. Поэтому должна быть создана такая духовная организация, которая просто не зависит от чего-то другого, кроме самой себя. Нужно пробудить понимание этого. И, если вы найдете правильные пути, это понимание может быть пробуждено; поскольку широкий слой составляет больше не довоенный пролетариат, но в него уже входят другие классы, и заполнить их, независимо от их классового положения, это наша задача сегодня, но задача, достигаемая не просто проповедованием этих идей, а тем, что когда речь идёт о конкретных вещах, мы действуем согласно им.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ Штуттгарт, 2 января 1921 года

Ну, тут мне положили некоторые вопросы, и я думаю, что продолжение нашего обсуждения будет опираться на то, что лежит у вас на сердце. Здесь поначалу был поставлен важный вопрос:

Как нужно вести себя при агитации, обращённой к католической церкви?

Не правда ли, речь идёт о том, что поначалу, пока это возможно, необходимо вообще никак не вести себя по отношению к католической церкви, а, насколько это возможно, оставаться объективными и избегать заходить на поле, которое как-либо касается католической церкви. Этот вопрос, конечно, в областях, которые входят в рассмотрение, выглядит иначе, нежели в других областях Европы. Поэтому, конечно, повсюду невозможно вести себя по отношению к католической церкви так, как надо вести себя в местах, которые могут быть как-то приведены в связь с Польшей. Вы должны учитывать, что римско-католическая церковь имеет чрезвычайно большое значение для развития самой Польши. Полячество, ведь, охватило западный католический регион и он очень сильно сросся со всей польской культурой. В то время как в прочей Европе очень многие отрасли человеческой жизни, в частности духовная жизнь, вообще освободились от церковного вероисповедания, в польской жизни католическое вероисповедание играет значительную роль. Не правда ли, образовательная жизнь в Европе в последние столетия возникла, ведь, под знаком эмансипации от церковной жизни. Вы должны, конечно, учитывать, что эта образовательная жизнь могла определённым образом сохраняться свободной под влиянием католической церкви, благодаря тому, что высший слой в то же время оставил её в покое, - что на дообеденной лекции мне пришлось представить как особенно негативный факт, - чтобы обрести возможность влиять на низшие слои народа.

Видите ли, тут для сравнения мы должны уже привлечь другое, нежели области, которые входят в рассмотрение, чтобы лучше понять, о чём идёт речь. Я хотел бы оттолкнуться от одного конкретного явления. Смотрите, для того, кто, например, как я, в последнее время, то есть, в конце восьмидесятых в начале девяностых годов прошедшего столетия, прибыл из

Австрии в Германию, для него выяснялось, что немецкая система гимназий по своей внутренней структуре, а именно, по обращению с учебным материалом, отставала от австрийской системы образования. Австрийская система средней школы, - не система начальной школы, гимназий и системы реальной школы, - была, собственно, создана в пятидесятых годах под влиянием управления преподаванием Лео Туна⁵³. Он был архи-клерикальным человеком, который и всё прочее правление Австрии предпочёл бы подвергнуть оцерковлению. Когда он приступил к реформам гимназий, он создал объективно обоснованную, полностью одобренную церковью конституцию, которая затем была превращена в руины только под псевдо-либеральным режимом. Когда я затем в восьмидесятых годах вошёл в конфронтацию с этим псевдо-либеральным режимом господина Гауча, мне многократно высказывались опасения, что мы таким образом опять вернёмся к клерикализму. То же явление высказывалось ещё и другим образом, а именно, в том, что ещё в моей юности используемые школьные учебники, особенно по естественно-научным и математическим предметам, были написаны бенедиктинскими монахами. А когда книги стали писать другие люди, эти книги стали абстрактными, бюрократизированными, в то время как те учебники, которые были написаны бенедиктинскими монахами, были очень хороши. Тогда и в политическом отношении то, что было либерализмом в Австрии, существенно восходило к эмансипации от католической церкви. Оно вычленилось из католической церкви. Препятствовало определённому процессу в Европе в отношении освобождения духовной жизни возникновение протестантизма. Протестантизм повлиял на духовную жизнь не освобождающим образом, а представлял собой откат назад. Прежде всего, протестантизм стал некоторым образом народным. Благодаря этому, он оказывал определённое давление на образование, которое было вынуждено постоянно учитывать, казалось бы, более развитую протестантскую религию, в то время как к моменту возникновения протестантизма люди уже настолько продвинулись по отношению к католицизму, что чувствовали необходимость выйти из него. Если бы не был основан протестантизм, Европа давно бы вышла за рамки католического принципа. Затем вы также знаете, что протестантизм способствовал консолидации католицизма, например, посредством Контрреформации. Иезуитизм был создан как реакция, как противоположность протестантизма. Теперь протестантизм в большой степени вошёл в мирскую, научную жизнь. Возьмите, например, тех, кто действовал в Австрии как философ. Это в основном были люди, которые вообще никак не ощутили какого-то влияния догм католической церкви и тому подобного. Напротив, они могут с действительно серьёзными основаниями доказать, что кантианизм является ни чем иным, как направленным в философское протестантизмом. Это нужно всегда иметь в виду: та своеобразная позиция, которую Кант занял по отношению к вере и знанию, является ни чем иным, как переведённым в философское протестантским принципом. Это показывает нам, что католицизм был на пути распада, но что протестантизм повлиял на его консолидацию.

Всё это, ведь, ещё играет свою роль в отношении всех тех явлений, которые я в связи с австрийской духовной жизнью представил затем в своей книге «О загадке человека». Эта австрийская духовная жизнь стала возможной лишь благодаря тому, что церковь была просто проигнорирована. Что было бы невозможно в протестантских кругах, где всё было пронизано церковью. Я не имею в виду, что церковь вмешивалась повсюду в прямом смысле этого слова, но весь образ мышления был пронизан церковью. Вся школьная система, включая и протестантские страны, приобрела пиетистские, благочестивые черты, в то время как школьная система, например, в Австрии была, собственно, свободна от этих благочестивых

⁵³Leo, Graf von Thun und Hohenstein (Лео, граф фон Тун и Хоенштайн), Тетчен 1811-1888 гг., Вена, был с 1849 по 1860 годы австрийским министром образования, провёл реформы, реорганизовал гимназии и высшие школы, и, занимая этот пост, призвал в венские высшие школы многочисленных людей искусства и учёных, которые в последствии получили мировое признание. См. статью Рудольфа Штайнера «Немецкая система обучения (в Австрии) и господин Гауч» («Das deutsche Unterrichtswesen (in Österreich) und Herr von Gautsch»), в «Собрании статей о культурной и современной истории 1887-1901», GA библ. 31, стр. 121.

черт, вплоть до того, что тогда вносили соответствующие пасторы во время пропущенных уроков религии. Присутствующие здесь австрийцы, например, - хотя более молодые люди выросли уже под либеральным режимом, - не смогут сказать, что на уроках истории или географии они заметили столько же много от влияния чистого христианского вероисповедания, как в немецких школах. Это несомненно надо учитывать. Видите ли, в определённое время даже бенедиктинцы придавали большое значение тому, чтобы их считали абсолютно либеральными, и формирование понятий, имевшее большое влияние на общее образование людей, лучше шло под формальным католическим влиянием, чем изощрённое, но часто фактически непонятное формирование понятий в протестантизме.

Ну, это, однако, проявляется в отношении католического в областях, которые не имеют с Польшей ничего общего. Напротив, полячество приняло католицизм тогда, когда он был силен, поэтому его собственная культура тесно переплетена с католицизмом. Но оно создало нечто другое, и именно это составляет силу полячества в католицизме и значительно укрепило национально-поляческое: полячество сумело национализировать духовенство (Klerus). Это не сумел ни один другой народ. Польское духовенство является польско-национальным, оно мыслит, чувствует и воспринимает полностью польско-националистически. Но сегодня мы стоим перед фактом, который состоит в том, что католическая церковь намеревается увеличить свою власть всеми средствами, которыми она располагает. Протестантизм как таковой находится на грани исчезновения. Я имею в виду, вам не следует обманываться на этот счёт: он находится на завершающем этапе мировой истории, он догматизировался как конфессиональная религия, выродившись в простой проповеднический институт. Церковь никогда не сможет существовать, если она будет опираться только на проповедь догматов. Церкви могут существовать только в культе, в том, что отгораживается от догматов как таковых. Католическая церковь в своей собственной конституции не будет делать основной акцент на догме, и тут я хотел бы обратить ваше внимание на то, что надо непременно принять во внимание.

Видите ли, ведь, среди антропософов всегда найдутся благонамеренные люди, которые, однако, придают определённое значение тому, чтобы их мнения выходили за рамки фактов. Иногда существует прямо-таки страсть к тому, чтобы их мнения выходили за рамки фактов, и это выражается в интересующей нас области в том, что антропософы часто подчеркивают, что можно подружиться с каким-либо вероисповеданием, с какой-либо конфессиональной общиной, если по возможности приблизиться к ней. В случае с католической церковью дело обстоит так, что вы можете усилить вражду в той степени, в какой будете пытаться приблизиться к её догме. Католическая церковь будет тем больше ненавидеть любую другую общину, чем больше она посчитает её похожей на неё саму, или вообще, чем больше та ищет христианскую истину. Поскольку католическая церковь имеет цель тщательно избегать христианскую истину и как можно больше увеличивать власть церкви. Это цель католической церкви. Вы не прикоснётесь к ней тем, что будете всё более и более христианским. Она может примириться с вами, только если вы являетесь просто человеком, на которого католическая церковь может положиться как принадлежащему Риму. И другого способа примириться с ней нет.

Теперь, церковь, в свете сегодняшних мировых событий, считает, что она может значительно усилить свою власть. Она прекрасно понимала, что опора на династии больше не сможет ей помочь, поскольку она обычно была лучше информирована, чем другие. Она также знает, что династии, которые до сих пор правят страной, находятся на грани исчезновения. Поэтому ей не хочется иметь дело с чем-то тонущим. Напротив, католическая церковь будет использовать устремления широких масс для усиления своей власти. И католическая церковь использует всё, что может находиться в её распоряжении, и использует это также сейчас в своей большой мировой политике, которая иногда имеет гениальные черты, - гениальный в том направлении, что человечество всё больше и больше оказывается в оковах Рима, - она использует факторы, вроде национализации польского духовенства; и Польша станет существенной частью игры, которую разыграет католическая церковь. Таким

образом, католическая церковь будет рассматривать национализацию как нечто такое, что она захочет очень хорошо включить в свою игру в рамках большой мировой политики. Поэтому прежде всего речь идёт о том, чтобы всегда обдумывать то, что исходит от Церкви, и как можно меньше выступать против Церкви, если только к этому нас не вынуждает защита себя. Например, мы к этому принуждены сейчас в Швейцарии. Но речь идёт о том, чтобы мы действовали, исходя из объективности и церковь игнорировали, оставляли её в стороне, пока она на нас не нападает. Конечно, поскольку она озабочена уничтожением в мире всего, что не является католическим, он будет нападать на нас; но нам следует избегать связываться с ней так долго, как мы это только можем. Но затем, когда нам больше не удаётся позиционировать себя по отношению к Церкви таким образом, чтобы игнорировать её, тогда речь идёт о том, чтобы не вступать ни в какие дискуссии с догматикой. В тот момент, когда мы пускаемся в дискуссию с догматикой, мы, собственно, обязательно проигрываем; поскольку существенным является не то, чтобы каким-то образом доказать ложность догматов католической церкви. А именно, если взять основные догматы, за исключением тех, которые возникли по политическим причинам, то все они ведут к очень седой древности. И когда вы начинаете их понимать, вы также начинаете их уважать. Вредность католической церкви заключается не в её догматах, а в том, что она злоупотребляет этими догматами и, кроме того, что в силу своей чрезвычайно долгой традиции, со своей острой логикой, которую хотелось бы пожелать, например, немецким философам, - которые её не имеют, - что с такой логикой она всё ещё в состоянии защищать эти догматы более разумно, чем те, кто на них на них нападает. Поэтому речь может идти лишь о том, чтобы представить католическую церковь всему миру в её моральной слабости. В Швейцарии, например, мы ограничиваемся доказательствами того, что представители католиков распространяют против нас ложь. Ведь, в той же степени это делают и представители протестантской церкви. Все они прибегают к лжи и искажению фактов. Ну, суть в том, что вы всегда найдете возможность уличить людей во лжи. Таким образом, нигде вы не встретите такой грубой лжи, как среди представителей религиозных вероисповеданий, и поэтому необходимо обращать внимание на эту сторону и видеть, как можно доказать людям их ложь.

Не правда ли, есть определённая градация в отношении лжи. На первом месте стоит церковь, только на втором, - пресса, и на третьем, - политики. Это объективный факт, представленный, скажем, не из эмоций. Энтузиазм лжи вызывается вещами, которые могут быть получены только посредством воспитания церкви. Энтузиазм лжи в прессе вызывается социальными условиями, а в политике ложь является, собственно, только, я бы сказал, продолжением в гражданской жизни того, что при милитаризме - ведь, политика связана с ним теснейшим образом, - совершенно естественно. Если хочешь победить соперника, надо его обмануть. На этом построена вся стратегия; тут надо учиться обманывать. Это система. И это, благодаря родству между милитаризмом и политикой, перенесено также на гражданскую жизнь. Но там это метод, в то время как у двух других классов, прессы и представителей вероисповеданий, это энтузиазм лжи. Эти вещи не являются также радикализмом, если их так представлять; это просто объективный факт. Плохое состоит в том, что из-за людских предрассудков большая часть людей ещё не видит, что невозможно стоять в вероисповедании и говорить правду. Не правда ли, в рамках какого-либо вероисповедания можно стать трагической личностью; но нельзя занимать в рамках вероисповедания какой-то пост и говорить правду. - Это сегодня невозможно, поэтому поведение в отношении католической церкви можно охарактеризовать, я бы сказал, следующим образом: так долго, как это возможно, игнорировать аспирации церкви, а затем заниматься детальным разоблачением лжи. Тогда, по крайней мере, будет выбран путь, предлагаемый фактами.

Вопрос: Первоначально обращение к населению планировалось донести на немецком языке; Однако, объявления были размещены в польских газетах. Целесообразно ли публиковать это обращение также на польском языке?

Рудольф Штайнер: Я думаю, что было бы хорошо, даже если это обращение смогло бы распространиться в очень малом масштабе, иметь его также и на польском языке, и насколько это, конечно, возможно, распространить его также на польском языке. Мне кажется очень необходимым, чтобы таким образом была подчеркнута интернациональность этой акции.

Господин М. Барч: Верхнесилезцы стоят друг против друга, как собаки и кошки, и, поскольку мы вначале обращаемся только к крупным городам, где вообще 70 процентов населения — немцы, мы полагаем, что эти люди приходят к нам уже с некоторой предвзятостью, когда мы слышим, что это обращение опубликовано также и на польском языке. Мы хотим их завоевать, а затем опубликовать обращение на польском языке. Но мы можем это здесь ещё обсудить.

Рудольф Штайнер: Во втором и третьем круге речь не шла бы исключительно о немецком большинстве. На земле, ведь, мы имеем дело с явным польским большинством и было бы необходимо, чтобы также можно было возможно каким-то образом поработать над этим вопросом с сельским населением. Тогда у нас должно быть польское обращение.

Замечание из зала: силезский поляк, к сожалению, не может читать написанное на чисто польском, он может понимать только, так называемый, водный польский (Wasserpölnisch⁵⁴). Таким образом, мы можем обращаться только к правящим кругам.

Рудольф Штайнер: Конечно, нет необходимости иметь обращение на польском языке, если агитация проводится в обществе, где все понимают немецкий, где и поляки понимают немецкий. Но его надо иметь на польском в любом случае, чтобы использовать, если это будет необходимо. Надо, чтобы его могло читать и крестьянское население

Замечание из зала: Они вообще не могут читать по-польски, также и на водном польском. Ораторы даже говорят с ними на немецком, поскольку они не могут понимать чистый польский.

Рудольф Штайнер: Но в принципе надо было бы иметь это обращение на польском языке. Можно было бы поступать осторожно. Имеется определенная чувствительность. Об этой чувствительности, в частности в Австрии, возникло очень хорошее понятие, что человек отталкивает другого, а затем не может продвигаться дальше. Чехи, например, во многих отношениях общались на немецком языке. То, что происходит в Богемии, вы вводите для поляков в Силезии. Но всё же худшее было сделано тем, что чехов оставили неучтёнными. То есть, надо иметь обращение на польском языке.

Вопрос: В чём у поляков выражается то, что в экономическом отношении они получили импульсы от немцев?

Рудольф Штайнер: Я думаю, это наши друзья могли бы узнать непосредственно из жизни. Поскольку, как раз, у тех, кто из полячества постепенно вжился в немецкость, преобладают определённые хозяйственные черты, и, как раз, благодаря этому обращению, они приобрели чувство хозяйственности. Это сделало возможным лёгкость польской душевной жизни, и я думаю, можно было бы просто посредством изучения деловой жизни показать, насколько сильно на эту деловую жизнь в смешанных польско-немецко-говорящих областях действует польский элемент, а именно так, что видно, что те поляки, которые учили немецкий язык, являются более деловыми людьми, чем сами немцы. Это вы сможете тогда доказать. И, прежде всего, они являются такими деловыми людьми, которых не могло бы возникнуть в самой польской общине. Попробуйте сравнить, насколько неэкономичным является поляк, пока он остаётся поляком. Попробуйте установить, что из него станет, когда он получает

⁵⁴«Wasserpölnisch» - описывает польский диалект, который говорится в верхней части Силезии и частично в чешской Силезии. Термин является несколько уничижительным (в отношении собственного языка) и предназначен для того, чтобы подчеркнуть различия в силезских диалектах немецкого языка. Речь идёт о смешении польского с немецкими и чешскими влияниями, которое, как говорят, исторически создавалась плотами на Одере (прим. пер.).

немецкий импульс. Это, конечно, надо доказывать, исходя из непосредственной жизни, но это можно доказать.

Вопрос: Рекомендуются ли создание единой резолюции на собраниях, скажем, когда обществу предлагается трёхчленность как новая возможность, или послать эту резолюцию комиссии Антанты?

Рудольф Штайнер: При этой акции было бы наилучшим, если бы нечто подобное спонтанно исходило от самого собрания, а не создавалось искусственно. Было бы наилучшим, если бы не было необходимости создавать резолюцию искусственно, а она исходила бы от самого собрания. Я не знаю, заметили ли вы, есть к этому какая-либо склонность или нет. Я не думаю, что это будет большой потерей, если такие резолюции не будут записаны слово в слово. С другой стороны, создалось бы определённое сильное впечатление, если бы, независимо от формулировок, можно было бы добиться высказывания мнений, просто позволяя людям, в форме, своего рода, голосования высказаться о том, о чём идёт речь. Например, если бы вы как можно более осторожно добились того, чтобы люди сказали, что они хотят рассмотреть идею протеста против голосования. Тогда, конечно, за этим, - поскольку акция была бы законченной, только благодаря тому, что наберётся большое количество людей, - надо создать регистрацию протестующих. Это надо было бы делать только после голосования.

Вопрос: Надо ли приносить сообщения в Телеграфский Союз⁵⁵?

Рудольф Штайнер: Не думаю, что что-то говорит против. Это надо делать в любом случае. Но может быть кто-то знает ещё нечто лучшее.

Замечание из зала: Недавно обращалось внимание на то, что Телеграфский Союз имел тесные связи со Штиннесом⁵⁶, и было высказано соображение вообще не связываться с Телеграфским Союзом.

Рудольф Штайнер: Телеграфский Союз может отказаться. Надо подумать, как найти средства и пути для того, чтобы эти вещи запустить в прессу.

Замечание из зала: Не беспокойтесь!

Рудольф Штайнер: Даже если и есть связь между Телеграфским Союзом и предприятиями Штиннеса, я не вижу причин не передавать этому Телеграфскому Союзу новости, которые предназначены для того, чтобы мы их распространяли. Например, если какой-то иезуитский институт позволит выносить в мир наши новости, то разве мы не позволим ему это сделать?

Замечание из зала: Штиннес сам однажды говорил об одной организации, которая была бы схожа с ассоциациями, и это известно в пролетарских кругах. Если теперь в этой прессе появится идея трёхчленности, то она, вероятно, будет исполнена с недоверием.

Рудольф Штайнер: Если обращать внимание на такие вещи, то сегодня едва ли что можно сделать в мире. При каждой акции, благодаря тому, что вам надо в том или ином отношении использовать какое-то привычное поведение - а, ведь, желание использовать Телеграфный Союз, это просто некое привычное поведение, - можно сомневаться. Поэтому я не понимаю, как вы хотите избежать того, что люди встречают кого-то с недоверием. Ведь, тогда необходимо было бы создать свою собственную телеграфную службу. Это вряд ли связано со связью Телеграфного Союза с тем, что мы от него хотим, и тем, что касается его связи с концерном Штиннеса.

⁵⁵Telegraphen-Union: Наряду с телеграфским бюро Вольфа, самое крупное немецкое телеграфское бюро новостей (немецко-национальное), основано в 1862-ом году.

⁵⁶Hugo Stinnes (1870-1924) основатель индустриального концерна (среди прочего горнодобывающего, морского транспорта).

Вопрос: Как вообще надо вести себя по отношению к комиссии Антанты?

Рудольф Штайнер: Тут дело обстоит так, что можно сказать: как бы к ней ни относились, это непосредственное отношение не имеет большого значения. Поскольку эта комиссия имеет все основания для того, чтобы временно казаться совершенно нейтральной, и временно она не будет иметь дело с тем, что противоречит её намерениям. В действительности это было бы наивностью, если бы вы поверили в то, что с помощью комиссии Антанты можно что-то действительно достигнуть. Единственно что можно было бы сделать, как мы уже говорили, это просто сообщить комиссии Антанты об этой вещи, если вы хотите, то есть, просто сказать: мы представляем это. Это было бы единственным, что могло бы войти в рассмотрение; но как-то рассчитывать на комиссию Антанты невозможно. Надо ли с ней связываться? В какой форме? Когда? Я за то, чтобы связываться с ней только, если хочешь её информировать. Если, конечно, мы были бы настолько сильны, чтобы представлять для неё партнёра для переговоров, то можно было бы говорить об этом. Тем не менее, мы вряд ли добьёмся чего-то большего, чем некая возможно очень сильно влияющая на волю человечества демонстрация. И этим мы должны удовлетвориться. Но мы не можем даже желать, чтобы комиссия Антанты получила какое-то влияние. Мы хотим оставаться независимыми от неё.

Вопрос: В какой доступной литературе можно найти основание для сказанного в первой лекции?

Рудольф Штайнер: Это общий вопрос, который можно отнести ко всему историческому. Сегодня можно объяснить истинный ход европейской истории только посредством попытки как-то свести вещи вместе без оглядки на соответствующее представление истории. Тут, я должен сказать, если вы захотите найти какую-то литературу о том, о чём говорил я: да, почти всё, что представляет собой история в литературе, является доказательством этого, надо только уметь читать между строк. Для этого нет какой-то специальной литературы, но вся историческая литература указывает на это. Надо только видеть факты в правильном свете. Если ограничиться тем, чтобы слово в слово принимать то, что говорит Лампрехт⁵⁷ или ему подобные, то у вас не будет никакого материала для этого. Но если взять то, что находится между строк, то доказательства этого можно найти повсюду. Указывать на специальную литературу совсем нет нужды.

Вопрос: Как будет организована пропаганда в рейхе кроме Верхней Силезии? Особый выпуск газеты? Брошюры и так далее?

Рудольф Штайнер: Тут надо быть чрезвычайно осторожным. Ведь, вполне можно было бы как-то занять позицию в отношении решения верхнесилезского вопроса извне. Но всё же я думаю, что соответствующее выступление вне самой этой акции могло бы чрезвычайно мешать. То есть, например, выступление в газете для трёхчленности, прямое агитаторское выступление в условиях этой акции могло бы чрезвычайно мешать. Напротив, я бы нашёл полезным, если после того, как наши друзья начнут работать энергично, миру будет сообщено о том, что происходит, причём таким образом, чтобы люди не думали, что акция проводится извне, поскольку это было бы огромным вредом, если бы люди считали, эта вещь внесена в Силезию извне. Этого бы верхнесилезцы не потерпели, а мир сказал бы: тут нельзя вмешиваться извне.

⁵⁷Karl Lamprecht, 1856-1915, историк, профессор Бонна, Марбурга и Лейпцига. Главный труд: «Немецкая история», 12 томов, Фрайбург. Как видно из многочисленных заметок, Рудольф Штайнер имел дело с «Современной исторической наукой» Лампрехта, Фрайбург 1905. В отношении истории Польши в библиотеке Рудольфа Штайнера была работа «История политических идей в Польше до её раздела» (1795-1914)», Мюнхен и Берлин 1917.

Вопрос: Силезия играет большую роль в экономике. Возможна ли взаимная поддержка посредством правильного информирования о том, что происходит в Силезии?

Рудольф Штайнер: Здесь мы можем делать всё что угодно. В отчёт мы можем внести экономические последствия для мира, и это то, что, к сожалению, в это короткое время нельзя обсудить так подробно, как это было бы желательно. Это, ведь, в полном смысле этого слова так, что можно будет показать, какие экономические последствия возникнут для мира, если Верхнюю Силезию под влиянием протеста действительно не присоединять в нашем смысле ни к Польше, ни к Пруссии. Благодаря этому экономическая жизнь Верхней Силезии будет освобождена. Во-первых, я думаю, что, благодаря этому, были бы обретены симпатии мира, что означало бы также и мощную поддержку мира в отношении экономики. Но, кроме того, были бы, ведь, прояснены и прямые экономические последствия. Только благодаря тому, что реализовалось бы то, что мы хотим, освободились бы руки у экономики. Кроме того, на верхнесилезскую экономику давила бы политика. В этом направлении можно, конечно, написать статью, чтобы показать, что получил бы мир от освобождения Верхней Силезии. Но я не имею в виду, что надо писать прямо так: должно проявиться то или это. Если вы сейчас выступите, если начнётся агитация в Верхней Силезии, то она должна происходить шаг за шагом, иначе вообще нет смысла это делать. Поскольку будет естественным, что очень скоро появится статья, которая объяснит этот вопрос так, что всё строится на основе этой агитации, то есть, что эта агитация берётся за исходную точку. То, что нас будут упрекать в том, что эта вещь исходит от Союза для трёхчленности, избежать нельзя. Но в тот момент, когда это осознается, и миру должно быть дано понять это, что эта трёхчленность не является чем-то присущим только Штуттгарту, а чем-то, что применимо в равной степени ко всему остальному, - это некий человеческий импульс, - в этот момент нельзя сказать, что люди, которые агитируют в Верхней Силезии, не имеют этого понимания сами по себе. Трёхчленность - это, ведь, не что-то такое, что импортируется, а это совершенно общая человеческая вещь.

Замечание из зала: Возможно, в Германии, если подойти к вопросу голосования с большой осторожностью, его можно использовать в качестве хрестоматийного примера на лекциях?

Рудольф Штайнер: Это даже стоит в обращении. Эта сторона вопроса, конечно, может быть освещена повсюду, поскольку она не ограничивается Верхней Силезией. Тот, кто должным образом информирован о ситуации, мог бы, например, рассматривать с этой точки зрения Чехословакию или другие регионы, но не Эльзас. Во время войны этот Эльзас был хрестоматийным примером; но теперь он не мог им быть, поскольку было важно, чтобы эльзасцы вообще не заняли в данный момент определенной позиции по этому вопросу. Такое мнение можно было бы составить только извне. В Эльзасе это поначалу даже не предмет дискуссии. Эльзасцы смирились с принадлежностью к Франции, так же как они смирились с принадлежностью к Германии. Этот вопрос надо было обсуждать до окончания войны; тогда была такая возможность, и эльзасская проблема стала хрестоматийным примером. Сегодня это Чехословакия, это Югославия, это были бы также, так называемые, пограничные государства России и, прежде всего, сама Россия. Россия - прекрасный хрестоматийный пример. Если бы трёхчленность была там известна, немедленно началось бы очень сильное движение. Но там никто не знает трёхчленности.

Вопрос: Мы намереваемся указать в лекциях на «Грядущий День»⁵⁸.

Рудольф Штайнер: Если вы это сделаете, то это, конечно, будет хорошо, это нечто совсем другое. Вы можете свободно сказать от себя: Мы хотим решать этот вопрос так, и мы на это указываем. - Только дело в том, что не будет слышно обвинений, которое было бы оправдано

⁵⁸Грядущий День, см. сноску 10.

таким образом, что верхнесилезский вопрос решает прочий мир. В определённом смысле, если мы действительно ничего не добьемся, это будет решено извне, даже если будет голосование; поскольку голосование - это лишь декоративная вещь. Так как, если голосование решится в пользу Пруссии-Германии, то ещё не ясно, что по этому поводу скажет Антанта; во-вторых, если произойдет то, что я описал ранее, и голосование решит в пользу Польши, хотя это и маловероятно, тогда, разумеется, судьба Верхней Силезии будет решена извне.

Вопрос: Можем ли мы читать лекции в других областях Германии, скажем, под заголовком «Трёхчленность и верхнесилезский вопрос»?

Рудольф Штайнер: Если вы будете читать их так, как я объяснил. Если вы настаиваете на примере с Верхней Силезией.

Вопрос: Есть Союз «Verein heimattreuer Oberschlesier» (Союз верных родине Верхнесилезцев). Вероятно их надо проинформировать, они, вероятно, быстро заинтересуются этим делом.

Рудольф Штайнер: Это может произойти в той форме, что это номинально исходит от комитета, сформированного в Верхней Силезии. Трёхчленность может взять на себя распространение.

Замечание из зала: Многие мероприятия по верхнесилезскому голосованию были проведены отчасти немецко-национальными союзами.

Рудольф Штайнер: Нечто подобное тому, что мне тогда дал господин Мольт, не из самой Силезии. Это не является чем-то, что основано на какой-то внутренней правде: «В германский дом брошен огонь, скачут огненные всадники, звуки их труб прокатываются через Рейх» - и так далее. Конечно, это ни что иное, как старо-германская уловка. Речь идёт всего лишь об идеальном завоевании Верхней Силезии.

Замечание из зала: В отношении таких уловок верхнесилезский народ стал уже нечувствителен. Этого больше нет ни на одном собрании и мы надеемся, что возникнут мысли, на которые он сможет опираться.

Замечание из зала: Круги, из которых исходят те листовки, будут осуществлять нападения на трёхчленность в общем, и это могло бы дать повод для обсуждения трёхчленности.

Рудольф Штайнер: Тогда мы снова оказались бы в положении обороняющихся. Нам не позволительно предлагать какие-либо примирительные решения, а мы должны быть энергичны, насколько это возможно. Для людей, которые выдвигают подобные призывы, борьба с трёхчленностью - уже решённое дело. Они будут бороться со всем, что исходит от трёхчленности; поскольку это, конечно, уже заходит слишком далеко. Чувство истины этих людей действительно переоценена. Тут господствует ужасное лицемерие.

Господин Барч: Мы были бы благодарны, если бы нас поддержали ораторы из прочей Германии.

Рудольф Штайнер: Это может произойти позднее. Если вы позовёте их, мы позаботимся о том, чтобы ораторы были на месте. Тогда речь шла бы о том, чтобы перед нашими ораторами стояла задача интерпретировать трёхчленность. Это может произойти в любой момент. Это может произойти завтра.

Вопрос: Что произошло в Дорнахе по этому поводу? Что планируется?

Рудольф Штайнер: Я думаю, что всё, что исходило бы прямо из Дорнаха, пока у нас нет видимой агитации в самой Верхней Силезии, только вредило бы делу. Поскольку от нас в

этом вопросе из Дорнаха вообще не должно ничего происходить, это должно происходить с нейтральной стороны или со стороны Антанты. Как-то привлечь людей на свою сторону можно было бы только тогда, когда агитация в Силезии уже началась и стала заметна. Я не могу ни указать, что, исходя из Дорнаха, что-то произошло, - я понятия не имею, что должно произойти, - ни посоветовать, что там должно что-то произойти до начала агитации в Верхней Силезии. Но тогда, исходя из Дорнаха может произойти то, что должно произойти в Германии.

Вопрос: Не уместно ли будет сделать главный акцент действительно на представлении самой большой всеохватывающей идеи, в том числе и в Силезии.

Рудольф Штайнер: Этим вещам надо уже позволить влиться в дело. Но мы не должны упускать случая представлять идею трёхчленности в правильном свете, поскольку, ведь, всё зависит от того, насколько популярна будет эта идея трёхчленности. Поэтому настоятельно необходимо вдаваться в конкретные условия, необходимо снова и снова представлять трёхчленность в самых различных формах; то есть, в любом случае не подавлять.

Замечание из зала: Я имею в виду, не вдаваться в детали вопроса, а заниматься этой вещью только в целом. Я могу себе представить, что если, например, говорили бы о вопросе зарплат, то это не оказало бы никакого влияния, а надо вывести на первый план исторический аспект. Вот что я имел в виду.

Рудольф Штайнер: Это включает в себя тот факт, что трёхчленность живёт в вас очень живо. Скользкий путь, на котором мы часто оказываемся, заключается в том, что как только где-то заходит речь о трёхчленности, из-за недопонимания вопрос тут же принимает утопический характер. Трёхчленность - это не утопия! Но обсуждения порой принимают ужасно утопический характер. Поскольку нет смысла вести разговоры на тему: как будет жить швец в трёхчленном социальном организме, или художник? - Все эти вещи принимают совершенно утопический характер. И если вы сегодня будете агитировать в Верхней Силезии и будете говорить в этом утопическом стиле, то люди вам скажут: Хорошо, но мы сейчас заняты другими мыслями, нежели мыслями о том, как будет выглядеть будущее государство. - Утопией нечто становится, не благодаря тому, что оно фантастично и глупо, а благодаря тому, что оно сейчас не может разумным образом стоять на повестке дня. Поэтому эти вещи я всегда привожу только в качестве примера, и хотел бы, чтобы так и оставалось. Самое главное - это полностью понимать трёхчленность как таковую. Я, как раз, вчерашнюю лекцию посвятил тому, чтобы показать, как из трёхчленности становится понятным то, что Польша стала такой, какова она есть. Это проникновение идеи трёхчленности во все жизненные обстоятельства и есть то, о чём идёт речь; посредством этого достигается её понимание. Важны не детали, на которых бы мы застревали. Если бы кто-то спросил, то, конечно, уклониться было бы нельзя; но было бы неверным, в таком контексте говорить о таких деталях.

Вопрос: Не стоило бы распространить точки зрения, которые были даны в эти дни, в небольшой брошюре?

Рудольф Штайнер: Распространение такой брошюры в Верхней Силезии могло бы принести большую пользу. Безусловно, есть точки зрения, которые мы здесь обсудили и которые можно было бы распространить. Так что если бы кто-нибудь мог сделать это быстро и представить это мне, было бы прекрасно!

Вопрос: Я всегда чувствовал, что идея трёхчленности рождена из самых глубоких и чистых импульсов, живущих в человеческой природе. Теперь ясно, что возникают противоположные импульсы, которые затем развивают инстинктивное противодействие. Как следует себя вести, столкнувшись с подобными противоречиями?

Рудольф Штайнер: Этот вопрос придётся решать по-разному в каждом конкретном случае. В целом многое будет зависеть от того, удастся ли нам популяризировать трёхчленность как таковую, независимо от каких-то более сентиментальные порывов. Видите ли, относительно благих, сентиментальных идей реформ, мир не так уж и беден. Если с такими вещами, которые апеллируют к самым благородным началам человеческой натуры, мир мог бы быть просто так улучшенным, то он был бы улучшен уже давно. Всё, что я могу сказать в ответ, так это то, что я говорю людям уже несколько десятилетий: с абстрактными этическими принципами вы так же мало продвинетесь вперёд, как с печью, которой дают категорический императив: ты должна обогреть комнату. - Это совершенно не поможет. Можно украшать проповедь этическими словами, но это не поможет. Но поможет, если надо обогреть комнату, то, что надо для этого сделать. Так же и с трёхчленностью. Надо представлять её миру так хорошо, как это только возможно, а люди, которые имеют сегодня внутреннюю оппозицию к трёхчленности, как они полагают из анти-этичesk...

Замечание из зала: Я бы сказал, в тот же момент принять духовно-научный способ рассмотрения...

Рудольф Штайнер: Тогда, ведь, когда нападки осуществляются на духовно-научные основы, нельзя делать ничего иного, как их защищать. То, что я говорю, относится также к основам антропософской духовной науки. Без них мы вперёд не продвинемся, поскольку одно обуславливает другое. Трёхчленность с ярко выраженной свободной духовной жизнью мыслима только, исходя из антропософских предпосылок. То есть, как духовная жизнь никогда не будет свободной без трёхчленности, так и трёхчленность оставалась бы пустой без оплодотворения её антропософией. Мы должны утверждать это всегда. Поэтому мы должны защищать антропософию так же смело, как и трёхчленность. Мы должны полностью встать на антропософскую почву и сделать всё возможное, чтобы воплотить её в жизнь. Среди нас есть люди, которые говорят: Антропософия мертва, трёхчленность живет! Да, мне говорили это много раз. Я думаю, что это самое необоснованное утверждение, которое только может быть. Трёхчленность парит в воздухе без антропософии.

Замечание из зала: Я хочу указать на то, что я слышу со всех сторон, что в антропософии есть особая потребность.

Рудольф Штайнер: Есть сильная потребность в антропософии, но мы в свою очередь должны по-отношению к этой потребности подчёркивать практическую стороны антропософии. Поскольку как только появляется потребность, которая склоняется к мимолётности мира, мы наносим вред, сильно подчёркивая эту потребность. Мы не должны упускать случая бороться с потребностью мимолётности мира, которая склонна к сектантству. Мы должны показать, что антропософия является как путём в высшие духовные регионы, так и путём овладения материи. Это надо остро подчёркивать, иначе это быстро оборачивается обращением к пассивности современного человечества. Не правда ли, люди стремятся к антропософии из чисто сентиментальной склонности, поскольку они предпочитают заниматься скорее вне мирским.

Замечание из зала: Я думал, что у многих людей противоположное направление, этот негативный импульс, практически намного активнее, чем антропософский импульс.

Рудольф Штайнер: Это должно двигаться в том направлении, которое мы задали.

Вопрос: Я не знаю, насколько за это время продвинулся вопрос о том, как должна проходить акция дальше после рассчитанной, примерно восьмидневной, пробной стадии. Было бы хорошо, уже сегодня взглянуть, как, возможно, после успеха, это дело должно осуществляться дальше.

Господин Барч: Если возникнет необходимость в дальнейших обсуждениях, мы организуем дальнейшие собрания. Мы сразу же свяжемся с господами здесь, чтобы эта акция поддерживалась дальше. Мы позаботимся

о том, чтобы прошли беседы в небольших поселениях и, возможно, ещё раз в крупных. Было бы очень хорошо, если бы у нас были внешние ораторы, которые бы там говорили.

Рудольф Штайнер: Речь идёт о том, чтобы запустить в ход агитацию как в публичных лекциях, так и посредством действий в малых кружках. Я представляю себе, что вопрос с пробами может пониматься только как нахождение лучшего метода для дальнейших действий. Я также представляю себе, что до голосования работа не прекращалась. Есть только или-или: или вы полностью погружаетесь с намерением дойти до края, или полностью оставляете эту вещь. Поскольку от этой вещи очень, очень многое зависит, например, вопрос: Как нам вывести агитацию трёхчленности на землю, что до сих пор было для нас, своего рода, крестом; поскольку выйти туда нелегко, поскольку надо иметь для этого причину. Этот вопрос для Верхней Силезии, если повезёт, разрешился бы сразу. Поскольку, если вы выйдете для результата голосования на землю, вы сможете выиграть часть сельского населения. Тогда вы сразу - там и закрепились на будущее. Посредством этого мы можем проникнуть в определённые круги. Мы попытались это сделать в больших масштабах с вопросом производственных советов. Для нас это закончилось неудачей только потому, что, с одной стороны, на нас так сильно напали социал-демократические лидеры, а, с другой стороны, мы сами сделали практические ошибки; но здесь надо пытаться. Закрепиться и победить мы сможем, только если сможем прийти с конкретными вопросами; поскольку их можно обсуждать без всяких условий.

Вопрос: Каковы точки зрения существенны для обращения с магнатами, которые очень сильно связаны с католической церковью?

Рудольф Штайнер: Это вещь, которую тот, кто берёт в свои руки, должен решать от случая к случаю, по сути, от Магната до Магнату. Конечно, было бы желательно, чтобы такая акция тоже проводилась. Но здесь идёт речь об использовании личных влияний и мер предосторожности, так что едва ли можно указать какую-то директиву в этом направлении. Поскольку всегда нужно смотреть на ситуацию среди магнатов, чтобы предпринять правильное в нужный момент. Если вы однажды занялись этим, то у вас туз в кармане, но нужно все делать в нужный момент. Тогда речь пойдёт о том, настроены они больше польски или по-немецки. В этом они, ведь, сильно отличаются друг от друга. Как сильно отличается друг от друга прочее население, так отличается друг от друга польская и немецкая аристократия. Они понимают друг друга гораздо меньше, чем прочее население, поскольку имеют совершенно различные жизненные привычки. И для того, кто смотрит на это снаружи, виден странный отпечаток польского магнатизма на прочую аристократию. Я не знаю, что скажут на это друзья из Силезии. Но я считаю, что в силезском магнатизме есть особые черты, и в них можно заметить сильный отпечаток полячества. Последний, то есть, то, что является отличительной чертой между померанским и силезским магнатом, во многом восходит к близости польского элемента. Таким образом, иногда играет роль и селекция; но вы можете быть уверены, - и при этом нет нужды переходить на личности, - такой аристократ в хозяйственной жизни, как граф Кейзерлинг, вероятно, может быть в Силезии, но не среди померанской аристократии. Это сразу же откладывает отпечаток. Поскольку Польша так сильно принимает экономическое, что она, в свою очередь, откладывает на всё свой отпечаток. Эта ужасно стойкая, абсолютная убеждённость в отношении собственной сущности сидит в поляках, и это влияет на всё окружение. Например, кому бы удалось сделать в австрийском парламенте то же самое, что сделали поляки? Возникло реакционное движение в школьной системе. Прежний ряд законодательства начальной школы должен был реформирован в реакционном смысле. В министерстве, которое в юмористических листовках писала так: Та -Аффе⁵⁹, - пришло реакционное школьное законодательство, тогда речь шла о

⁵⁹Эдуард Граф Тааффе (1833-1895) - австрийский государственный деятель, министр внутренних дел и образования в 1867 году, премьер-министр с 1879 по 1893 год. Исходя из своих федералистских убеждений, он пытался примирить национальности. Когда он захотел устранить чрезмерные требования немецкого

том, чтобы этому невозможному конгломерату партий, которые в то время сидели в австрийском парламенте, обеспечить большинство для реформации школьного законодательства начальных классов. Для обеспечения этого большинства были необходимы польские депутаты. Они проголосовали за это реакционный школьный закон, но за исключением Галиции: там они оставили старый. Подумайте только: по всей Австрии принимается реакционный школьный закон, кроме Галиции. Это доказывает, что они признают что-то очень плохое и обязывают к этому прочих австрийцев. Это возможно только в Польше. Это действует, конечно, ужасно сильно также и там, где есть свои хорошие стороны.

Вопрос: Какое значение имеет запрет Папы на участие в голосовании в Верхней Силезии для священства?

Рудольф Штайнер: На это, в конце концов, могут ответить только в Риме, поскольку католическая церковь имеет то, что я подчёркивал до этого. Она имеет сегодня фактически ярко выраженную мировую политику и там каждый отдельный факт играет исключительную роль. Но вы можете быть уверены: Если католическая церковь действительно издаёт такой запрет, то это имеет большое значение в смысле самой церкви. Что она хочет достигнуть этим именно в этот момент, - это надо спрашивать только в Риме. Но это для нас несущественно, поскольку в этом случае мы согласны с католической церковью. То есть, я имею в виду, это для нас несущественно, поэтому мы не можем изменить нашу позицию из-за того, что католическая церковь намерена сделать это для своего духовенства.

Мы зашли бы слишком далеко, если бы конструировали какую-то связь со стороны католической церкви. У неё при этом совершенно иные намерения, и церковь решает просто, основываясь на вероятностях. В целом, то, чего хочет церковь, легко понять. Она хочет получить влияние в Силезии, независимо от исхода голосования; если она что-то запрещает, значит, она знает, что результат голосования определен не совсем. Если бы голосование было в пользу Польши, духовенство наверняка голосовало бы так же. Эта вещь может нас интересовать только с этой стороны. Иначе, конечно, могут быть последствия. Поэтому, если Католическая церковь увидит, что сторонники трёхчленности тоже сохраняют нейтралитет, она может занять дружественную позицию. Но, пожалуйста, расценивайте это как проявление дружелюбия кошки. Вы будете ужасно одурачены, если воспримете их всерьёз.

Да, мои дорогие друзья, мы, вероятно, достигли конца наших рассуждений, и я хотел бы еще раз подчеркнуть, что чрезвычайно многое будет зависеть от того, что вы сделаете в этом вопросе, - не столько то, чего вы хотите достичь, сколько то, что вы сделаете, - то есть, сможете ли вы сделать заметным для мира то, что мы хотим, от чего будет чрезвычайно многое зависеть для нашего движения трёхчленности в целом. Конечно, могло бы сыграть определённую роль для энергии в реализации движения трёхчленности то, будет ли в какой-то области делаться то или иное. Но если такой вопрос вообще должен рассматриваться, то речь идёт о том, чтобы указать, что именно от того, что вам придётся делать, зависит очень многое для всего нашего движения трёхчленности, и у нас, безусловно, будут все основания поддержать это движение трёхчленности самыми живыми и энергичными мыслями и, я надеюсь, также активной помощью в осуществлении того, что вы будете предпринимать там, в этом чрезвычайно важном уголке мира, в ближайшие недели. Надо только задуматься, что бы это значило, если бы ситуация в Верхней Силезии развивалась так, как указано в обращении. Мы никак не можем предаваться этим мыслям; но если бы дело дошло до того, что была бы предпринята хотя бы одна реальная попытка в какой-либо области начать с трёхчленностью, начать лишь предварительно, то это было бы огромным шагом вперёд; поскольку самым интенсивным образом для трёхчленности будет действовать, как раз, то, что сможет быть в какой-то области образцом. Поскольку только подумайте, что мы, ведь,

духовенства, поляков и чехов и вызванные ими трудности посредством избирательной реформы (октябрь 1893 г.), он был отправлен в отставку.

Та-Аффе, - Аффе (Affe) по-немецки «обезьяна (прим. пер.).

всегда крайне ограничены в практических областях, когда хотим показать трёхчленность с её практической стороны. Мы можем агитировать за это, - это самое важное сегодня, самое важное из всего, потому что что-то радикальное может произойти только тогда, когда трёхчленность будет в умах как можно большего числа людей, - но мы должны начать с того, чтобы разворачивать практическую деятельность. Ну, до сих пор чистой культурой в смысле трёхчленности является, по сути, только Вальдорфская школа. Это действительно то, что посредством своих конституций в педагогической сфере действует в смысле трёхчленности, поскольку мы тщательно охраняем вход, чтобы ничто из внешней педагогики и дидактики не проникло внутрь. С чем-то вроде «Грядущего Дня» мы не можем выступать в качестве примера в смысле его чистой культуры. «Грядущий День» также существует для того, чтобы с этой стороны распространять трёхчленность так, чтобы люди могли видеть: Те, кто занимается трёхчленностью, также являются людьми, умеющими обращаться с финансами. Ну, насколько мало мир склонен вникать прежде всего в идею трёхчленности, а именно, в практической сфере, нам с самого начала показало то, что именно там, где была возможность немедленно ввести трёхчленность, мы встретили самое резкое сопротивление. Министры Вюртемберга могли бы предоставить весьма практическую информацию. Они могли бы что-то сделать ещё весной 1919-го года, когда убедить парламент штата было очень легко. Они бы могли выполнить то, что я сказал: слева ликвидировать духовную жизнь, справа ликвидировать хозяйственную жизнь и оставить только прочее. Тогда это было бы сделать очень легко, поскольку: духовная жизнь искала бы пути к самоуправлению и экономическая жизнь искала бы пути к самоуправлению. Эта экономическая жизнь тогда приняла бы эти вещи с чрезвычайным воодушевлением. Представители немецкой духовной жизни, ну, официальной немецкой духовной жизни, мои дорогие друзья, хотя и совершают такие дела, что все факультеты Германии сделали Гинденбурга почетным доктором, но дела, имеющие реальное значение мы можем искать тем меньше, чем выше мы поднимаемся в иерархии земной духовной жизни. Кстати, в Швейцарии то же самое. Швейцария хорошо приняла наше движение среди учителей начальной школы. Как только вы вступаете в высшее учебное заведение, вы даже не можете сказать, что существует фундаментальное отторжение; чем выше вы поднимаетесь, тем большую глупость в представлениях вы наблюдаете. У учителей гимназий это проявляется уже очень сильно, у преподавателей вузов - неизмеримо. Я имею в виду то, как они воспринимают эти вещи. То есть, мы определённо ограничены в том, что для нас было бы наиболее важным; в том, чтобы показывать, как это работает в практической жизни. Здесь вы сделали бы очень многое для трёхчленности, если бы смогли донести её как можно ниже существующих отношений. Если бы только можно было довести это до как можно большего количества людей, чтобы это стало всемирной демонстрацией: Верхняя Силезия должна временно стремиться к трёхчленности, и если бы только у вас была возможность привести людей к тому, чтобы они оставались верными трёхчленности и с огромным сожалением смотрели на судьбу Верхней Силезии, примкнёт ли она к Польше или к Пруссии-Германии, то вы, возможно, дали бы этим людям нечто такое, что трёхчленность могла бы очень эффективно использовать. Мы очень нуждаемся в людях, которые понимают, что дела обстоят ещё совсем не так, что люди симпатизируют трёхчленности, мы нуждаемся в людях, которые говорят: Судьба будущего зависит от трёхчленности. Мы стоим перед либо-либо: либо мир поймёт трёхчленность, либо мир пойдёт путём, предсказанным Шпенглером. Мир висит между двумя этими вещами.

Отправляйтесь, мои дорогие друзья, в Верхнюю Силезию, трудитесь в своем сердце с мыслями, на которые я только-что указал, и будьте уверены: исходя из таких мыслей, мы будем сопровождать вашу деятельность. Мы предлагаем вам нашу самую искреннюю поддержку в ваших действиях, понимая, что, расставаясь сегодня для выполнения важной вещи, мы осознаем то обстоятельство, что мы обсудили и приняли решение по чему-то чрезвычайно важному для нашей трёхчленности и, вместе с этим, для будущего человечества. Именно в этом духе мы хотим расстаться для выполнения этой акции.

